

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Двадцатая конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
23–25 ноября 2023 г.

Санкт-Петербург
2023

УДК 81
ББК 81.2
Д22

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Рецензенты:

к.ф.н. А. П. Выдрин (ИЛИ РАН)

д.ф.н. Т. А. Майсак (ИЯз РАН)

Двадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.). / Ред. Е. А. Забелина, Н. М. Заика. СПб.: ИЛИ РАН, 2023.

doi 10.30842/97856047999492023

ISSN 2686-9845

ISBN 978-5-6047998-9-5

9 785604 799949

© Коллектив авторов, 2023

© ИЛИ РАН, 2023

© Редакционно-издательское
оформление. ИЛИ РАН, 2023

Конференция посвящена памяти профессора В. П. Недялкова
(1928–2009) — одного из ведущих представителей
Петербургской типологической школы.

Д. А. Алексеев, В. О. Тютюнникова

МГУ, Москва

ЕСТЬ ЛИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ РУССКИЕ ЕРЫ? К ТИПОЛОГИИ «НЕВИДИМЫХ» ГЛАСНЫХ С ОСЕТИНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ряд явлений осетинской фонологии свидетельствует о наличии в языке синхронно проявляющих себя «нулевых» гласных, т. е. гласных, чередующихся с нулем либо отсутствующих в поверхностном представлении, но присутствующих в глубинном.

1. Гласные суффикса причастия *-zg* (1) и непродуктивного форманта *-əg* (2) выпадают при образовании формы множественного числа [Testen 1997: 720]. Пример (2) примечателен также тем, что при выпадении */ə/* качество */g/* меняется на лабиовелярное¹.

(1) a. <i>araž-zg</i>
строить-PTCP.PRS
'строитель'	b. <i>araž-ədž-ətz</i>
строить-PTCP.PRS-PL
'строители'
(2) a. <i>čin.əg</i>
книга
'книга'	b. <i>čin.øg^w-ətz</i>
книга-PL
'книги'

2. Преверб *š-* приобретает вид *əš-* при присоединении к корням на согласный (3), а при присоединении к корням на гласный вызывает перенос ударения на первый слог корня, даже если в нем находится слабый гласный */ə/* или */z/* (4). Это противоречит стандартным правилам постановки ударения [Абаев 1949], согласно которым первый слог, содержащий */ə/* или */z/*, не может быть ударным.

¹ Палатализация */g/* в (1) является закономерным процессом, ср. *ладжы* 'мужчина.GEN' от *лаэг* 'мужчина' и суффикса генитива *-ы*.

(3) а. <i>kzn-ən</i>
делать-INF
'делать'	б. <i>əʃ-kzn-ən</i>
PV-делать-INF
'сделать'
(4) а. <i>zmbʒld-i</i>
встречаться-PST.3SG
'(он) встречался'	б. <i>əʃ-zmbʒld-i</i>
PV-встречаться-PST.3SG
'(он) встретился'

3. При присоединении превербов к ряду корней между превербом и корнем имеет место эпентеза /j/ [Абаев 1959: 553], см. (5). Исторически в этих словах произошла утрата начального *i-, которая не затронула дигорский диалект осетинского, ср. соответствующую дигорскую форму *igom* [Cheung 2002: 89–91].

(5) а. <i>ba-jgom</i> <i>kzn-ən</i>
PV-открытый делать-INF
'открыть' {a=b} | б. <i>gom</i> <i>ba-kzn-ən</i>
открытый PV-делать-INF |
|---|---|

Примеры (1)–(2) наводят на мысль о том, что в данном случае /z/ и /ə/ ведут себя как русские беглые гласные. В анализе [Yearley 1995] постулируется, что гласный (в данном случае ер), который не проясняется, не имеет моры. Действительно, часть осетинских данных подтверждает эту идею: в примере (1) можно предполагать прояснение изначально немораического гласного для избежания сложной коды. Однако тогда лабиализация /g/ при выпадении /ə/ в примере (2) требовала бы более сложного объяснения.

Кроме того, согласно [Yearley 1995], разные «нулевые» гласные могут различаться и по качеству. Свидетельством этого на осетинском материале может являться (не)применение регулярных сандхи. Два сегмента /z/, линейно следующие друг за другом, в осетинском сливаются в /e/ [Абаев 1959: 553], см. (6). При этом сандхи происходит при соположении посессивного местоимения и причастий с превербом *ʒ-* (7), но не слов с поверхностно утраченным начальным *i- (8).

(6) <i>me=fsəmzr</i> (< <i>mz=ʒfsəmzr</i>)
мой=брат
'мой брат' |
|---|

- (7) ...*je=š-kond* (*<jz=əš-kond*) *adzm-ə...*
 его=PV-делать.ПТСР.PST народ-GEN
 ‘{И, мол,} людей, которых он сотворил{, он сильно любил.}’
 [ОНК, «Мах дуг»]
- (8) *jz=zɔd* (*<jz=izɔd*)
 его=ангел
 ‘его ангел’

С другой стороны, в примере (4b) начальный гласный не виден в поверхностном представлении, но имеет морфический вес, влияя на постановку ударения. Это говорит в пользу того, что «нулевые» гласные в примерах (3)–(4) нельзя рассматривать как сегменты, лишённые моры в глубинном представлении, как это делается в модели Дж. Йерли.

При этом примеры (7)–(8) также показывают, что в примере (3) происходит именно прояснение гласного, а не его вставка. Анализ через вставку не объяснял бы участие таких слов в регулярных сандхи. В этом аспекте осетинские «нулевые» гласные отличаются, например, от нидерландских [Booij 1995], валлийских [Awbery 1984] или арабских [Kiparsky 2003], которые анализируются как эпентетические.

Таким образом, мы считаем, что наличие в глубинном представлении моры, связанной с «нулевым» гласным, а также характер «нулевых» гласных (т. е. являются ли они эпентетическими или синкопируемыми) могут рассматриваться как параметры межъязыкового варьирования. В докладе мы планируем провести подробный анализ осетинских явлений, представленных выше, а также более глубоко сравнить их с «нулевыми» гласными в других языках.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; GEN — родительный падеж; INF — инфинитив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; ПТСР — причастие; PV — преверб.

Источники

ОНК — Осетинский национальный корпус (электронный ресурс). URL:
<http://corpus.ossetic-studies.org/>

Литература

- Абаев 1949 — В. И. Абаев. Ритмика осетинской речи // Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 529–560.
- Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959.
- Awbery 1984 — G. M. Awbery. Phonotactic constraints in Welsh // M. Ball, G. E. Jones (eds.). Welsh phonology. Cardiff: University of Wales Press, 1984. P. 65–104.
- Booij 1995 — G. Booij. The phonology of Dutch. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Cheung 2002 — J. Cheung. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2002.
- Kiparsky 2003 — P. Kiparsky. Syllables and Moras in Arabic // C. Féry, R. van De Vijver (eds.). The Syllable in Optimality Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 147–182.
- Testen 1997 — D. Testen. Ossetic Phonology // A. S. Kaye (ed.). Phonologies of Asia and Africa (Vol. 1). Winona Lake: Eisenbrauns, 1997. P. 707–731.
- Yearley 1995 — J. Yearley. Jer vowels in Russian // J. Beckman, L. W. Dickey, S. Urbanczyk (eds.). Papers in Optimality Theory II [University of Massachusetts occasional papers in linguistics]. Amherst, MA: GLSA Publications, 1995. P. 533–571.

А. П. Алексеева
НИУ ВШЭ, Москва

СВЯЗЬ ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ И ПЕРЕХОДНОСТИ В РУТУЛЬСКИХ ПРЕВЕРБНЫХ ГЛАГОЛАХ

Среди «канонических»¹ глаголов в говоре с. Кина рутульско-го языка² выделяют два класса: простые (1) и превербные глаголы (2).

- (1) *jiq 'i-r*³ (<3>приходить.PFV-CVB) ‘прийти’
(2) *q-iq 'i-r* (RE-<3>приходить.PFV-CVB) ‘возвращаться’

Превербные глаголы отличаются от простых тем, что содержат деривационные префиксы *s* (по крайней мере, исходно) пространственной семантикой, см. примеры (3–5). Глагол может иметь несколько превербов, следующих друг за другом (6).

- (3) *e-<w>č'u-r* (IN-<3>двигаться.PFV-CVB) ‘войти’ — преверб *ʔ*-‘внутри’⁴

¹ «Канонические» глаголы противопоставлены «неканоническим» — стативным глаголам, выражающим состояния, например, стативными являются копула, а также экзистенциальные глаголы; «каноническими» являются привычные глаголы, выражающее действие [Maisak 2022].

² Доклад основан на данных, собранных в ходе экспедиций Международной лаборатории языковой конвергенции 2016–2023 гг. в с. Кина Рутульского района Республики Дагестан. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

³ Здесь и далее в качестве формы цитирования используется форма аориста 3 класса.

⁴ Мы постулируем в глубинной форме наличие преверба *ʔ*, который на поверхностном уровне реализуется как гласный; качество гласного зависит от морфонологических характеристик корня.

- (4) *к-е<w>и-г* (OUT-<3>пускать.PFV-CVB) ‘выгнать’ — преверб *к-* ‘наружу’
- (5) *л-и<w>хи-г* (UP-<3>класть.PFV-CVB) ‘положить’ — преверб *л-* ‘наверх’
- (6) *ве-г-е<w>щ’и-г* (OUT-RE-<3>двигаться.PFV-CVB) ‘выйти (сно-ва)’ — преверб *к-* ‘наружу’ и рефактивный преверб *г-*

Часто значение превербного глагола оказывается некомпозиционно: оно не складывается из значения преверба и корня, например, *л-е<w>и-г* (UP-<3>пускать.PFV-CVB) значит ‘проводить время’, ‘сажать семена’. Существует ряд связанных корней — таких, которые без превербов не употребляются. Например, связанным является корень *-щ’и-⁵*: *л-е<w>щ’и-г* (UP-<3>двигаться.PFV-CVB) ‘подниматься’.

Парадигма всех десяти известных глаголов с корнем *-щ’и-*, избыточна: в клетках имперфектива и прохибитива⁶, помимо форм, образованных от этого корня, присутствуют также формы, образованные от корня *-ви-*. Так, и *л-е<б>щ’и-га* (UP-[3]двигаться<IPFV>-CVB), и *л-о’<w>ви-га* (UP-<3>двигать.IPFV-CVB) являются формами презенса 3 класса и значат ‘поднимается’.

Корень *-ви-* также является связанным. Он встречается не только в альтернативных формах парадигмы глаголов с корнем *-щ’и-*, но и образует самостоятельные лексические единицы с теми же превербами, см. Таблицу 1.

Наличие столь регулярных дублетов требует объяснения. Рассмотрим значения глаголов с корнем *-щ’и-* и *-ви-* в зависимости от превербов (Таблица 2). Заметим, что значения в колонках различаются между собой переходностью: слева расположены преимущественно непереходные глаголы, а справа — переходные. Более того, значения между колонками в первых двух строках схожи и различаются **только** переходностью, например, ‘вхо-

⁵ Здесь и далее в качестве «корня» приводится часть перфективной основы, являющаяся общей у глаголов с разными превербами без классно-числового показателя (КЧП): *евещ’ур* — *севщ’ур*, *авовви* — *совви*.

⁶ В докладе мы ограничимся рассмотрением имперфективных форм.

дить' и 'впускать внутрь'. Тем не менее, в строках, где превербные глаголы утратили композициональность, эта закономерность уже не прослеживается.

Таблица 1. Сравнение форм перфектива и имперфектива 3 класса в парадигмах глаголов *ewč'ur* и *kowvir*

	PFV.3	IPFV.3
'выйти'	<i>в-е<w>č'u-r</i> OUT-<3>двигаться.PFV-CVB	<i>в-еč'u-ra</i> OUT-[3]двигаться<IPFV>-CVB ~ <i>в-ави-ra</i> OUT-[3]двигать<IPFV>-CVB
'выпустить'	<i>в-о<w>ви-r</i> OUT-<3>двигать.PFV-CVB	<i>в-ави-ra</i> OUT-[3]двигать<IPFV>-CVB

Таблица 2. Глаголы с корнями *-č'u-* и *-ви-* с разными превербами и их значения

	-č'u-	-ви-
<i>ʔ-</i> 'внутри'	<i>ewč'ur</i> 'входить'	<i>авvir</i> 'впускать внутрь'
<i>в-</i> 'наружу'	<i>ewč'ur</i> 'выйти'	<i>kowvir</i> 'выпустить', также 'распустить (о цветах)'
<i>s-</i> 'вниз'	<i>sewč'ur</i> 'упасть, разлиться'	<i>sowvir</i> 'усадить, посадить (в тюрьму), закрыть (на замок)'
<i>ʔ- + в-</i> 'внутри' + 'наружу'	<i>ewewč'ur</i> 'выйти, переселиться'	<i>авowvir</i> 'вырезать (тесто и пр.), разбивать (яйца)'
<i>к/- + в-</i> 'в контакте' + 'наружу'	<i>keewč'ur</i> 'падать, бросать (о привычке), перейти вброд'	<i>каowvir</i> 'расходовать, тратить'

Можно предположить следующий сценарий взаимодействия этих двух парадигм. На некотором историческом этапе, когда эти превербные глаголы были композиционными, их значения различались только переходностью. По-видимому, глаголы с корнем *-ви-* могли использоваться и в непереходных контекстах, т. е. были лабильными. Как известно, типологически переходность тяготеет к перфективности, а непереходность — к имперфективности [Hopper, Thompson 1980], из-за чего можно предположить, что имперфективные формы глаголов с корнем *-ви-* имели тенденцию интерпретироваться непереходно, и тем самым вмешивались в парадигму *ĉ'i-*глаголов. Со временем значения некоторых глаголов разошлись и перестали быть композиционными, однако старые непереходные употребления глаголов с корнем *-ви-* сохранились в парадигме *ĉ'i-*глаголов.

В докладе также будут рассмотрены проблемы, связанные с морфонологическими процессами в имперфективных основах этих глаголов.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; CVB — конверб; IN — преверб ‘внутри’; IPFV — имперфектив; OUT — преверб ‘наружу’; PFV — перфектив; RE — рефактивный преверб; UP — преверб ‘наверх’.

Литература

- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse. Language. 1980. Vol. 56. № 2. P. 251–299.
Maisak 2022 — T. A. Maisak. The verb paradigm. Manuscript, 2022.

*А. В. Алхазова**, *В. А. Борисова**, *А. И. Груздева*,***,
*Е. П. Дорофеева**, *Р. Р. Насырова**, *Д. А. Парамонова**

*МГУ, Москва** — *ИЯз РАН, Москва***

ВОКАЛИЗМ ТЕРСКОГО КУМЫКСКОГО: ФОРМАНТНАЯ КАРТИНА

Цель исследования — определение формантных характеристик гласных терского диалекта кумыкского языка, существенно отличающегося от литературного варианта [Гаджихмедов (отв. ред.) 2014]. В современной научной литературе не приводятся типовые значения формант F1 и F2 ни для одного из идиомов кумыкского языка. Сбор данных был осуществлен во время экспедиции в с. Предгорное Респ. Северная Осетия–Алания с использованием микрофонов Røde NT-USB Mini. В исследовании участвовало шесть уроженцев с. Предгорное и соседнего с. Кизляр — четыре женщины и двое мужчин.

В грамматике современного кумыкского языка [Гаджихмедов (отв. ред.) 2014] сообщается, что «количество гласных фонем сходится с «классической восьмеркой» тюркских гласных» (Таблица 1).

Таблица 1. Гласные фонемы кумыкского языка
и их орфографическое представление

ряд \ подъем	передний		задний	
	неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
верхний	i (и)	ï (уь)	i (ы)	u (у)
нижний	e (е)	ö (оь)	a (а)	o (о)

В качестве варианта фонемы /a/ в грамматике упоминается также [æ] (в орфографии *аь*), который встречается только в заимствованиях. В работе [Гусейнов 2021] более широкое распро-

странение этого звукотипа по сравнению с литературным языком выделяется как одна из черт терского диалекта, поэтому вне зависимости от фонемного статуса мы приняли решение измерить и его формантные показатели.

Для каждой гласной фонемы была сформирована выборка из 30–35 слов с комбинаторным подбором левого и правого контекстов (согласных) по месту образования (губные, переднеязычные и заднеязычные). Сбор материала осуществлялся изолированно (три произнесения) и в контексте, таким образом, для каждой гласной было проанализировано от 120 до 135 вхождений. В данном исследовании в рассмотрение вводятся только корневые гласные, так как гласные в аффиксах могут подвергаться редукции, делабиализации и узаднению.

Автоматическая обработка данных осуществлялась с помощью двух скриптов.

Результат применения первого скрипта — файл, в котором указывались автоматически извлеченные Praat-ом [Boersma, Weenink 2023] значения формант через каждые 0,00625 с для всего звукового файла. Второй скрипт был написан на языке python с использованием библиотек numpy [Harris et al. 2020], pandas [McKinney 2010], matplotlib [Hunter 2007], seaborn [Waskom 2021]. С его помощью устанавливались соответствия между размеченными примерами и значениями формант, из которых выбирались срединные во времени как наименее подверженные контекстным влияниям. На основе соответствий строились представленные ниже графики.

В ряде случаев производилась ручная коррекция измерений: автоматическое выделение формант не всегда проводило различие между близко расположенными на спектре формантами или между F1 и F0.

На Рисунке 1 представлены средние значения первой и второй формант гласных, полученные в результате опроса одного из носителей терского диалекта (23 года, мужчина).

Результаты попарного сравнения Тьюки показывают, что для /a/ и /æ/ значимо различие только между значениями F2 (с этим значением коррелирует значение признака ряда, см. [Joos 1948]), тогда как для /a/ и /e/ — между значениями обеих формант (ряд и подъем).

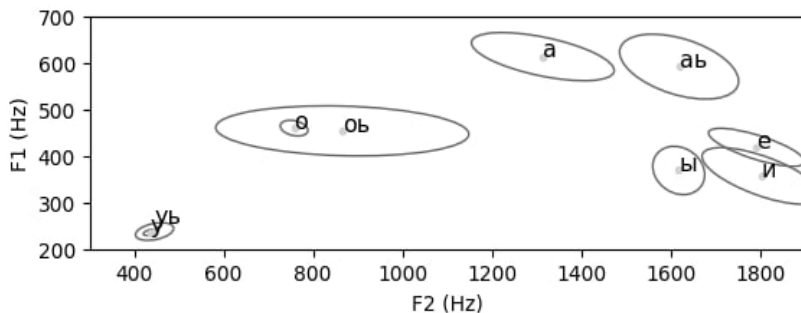

Рис. 1. График средних значений с эллипсами стандартного отклонения F1 и F2 гласных

Одна из особенностей терского диалекта — частичная утрата фонетического контраста между /o/ и /ö/ и между /u/ и /ü/ вследствие узаднения передних огубленных гласных, как видно на графике. В фонологическом отношении, однако, оппозиция передних и задних сохраняется, не нарушая сингармонизм по ряду.

Литература

- Гаджихамедов (отв. ред.) 2014 — А. З. Абдуллаева, Н. Э. Гаджихамедов, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев. Современный кумыкский язык / Отв. ред. Н. Э. Гаджихамедов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
- Гусейнов 2021 — Г.-Р. А.-К. Гусейнов. Фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в сравнительно-историческом и ареальном контексте // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2021. № 3(112). С. 18–24.
- Boersma, Weenink 2011 — W P. Boersma, D. Weenink. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Versions 6.3, retrieved in 2023 from <http://www.praat.org/>.
- Harris et al. 2020 — C. R. Harris, K. J. Millman, S. J. van der Walt, R. Gommers, P. Virtanen, D. Cournapeau, E. Wieser, J. Taylor, S. Berg, N. J. Smith, R. Kern, M. Picus, S. Hoyer, M. H. van Kerkwijk, M. Brett, A. Haldane, J. Fernández del Río, M. Wiebe, P. Peterson, P. Gérard-Marchant, K. Sheppard, T. Reddy, W. Weckesser, H. Abbasi, C. Gohlke, T. E. Oliphant.

- Array programming with NumPy // *Nature*. 2020. Vol. 585. № 7825. P. 357–362.
- Hunter 2007 — J. D. Hunter. Matplotlib: A 2D graphics environment // *Computing in science & engineering*. 2007. Vol. 9. № 03. P. 90–95.
- Joos 1948 — M. Joos. Acoustic phonetics [= *Language Monograph 23, Supplement to Language*. 1948. Vol. 24. № 2. P. 1–136]. Baltimore: Waverly Press, 1948.
- McKinney 2010 — W. McKinney. Data Structures for Statistical Computing in Python // S. van der Walt, J. Millman (eds.). *Proceedings of the 9th Python in Science Conference*. Austin, TX, 2010. P. 56–61.
- Waskom 2021 — M. L. Waskom. Seaborn: statistical data visualization // *Journal of Open Source Software*. 2021. Vol. 6. № 60. 3021.

А. О. Бадеев

НИУ ВШЭ, Москва — ИЯз РАН, Москва

ЧТО НЕ ТАК С РОДОМ В БАРТАНГСКОМ

В бартангском языке (шугнано-рушанская группа < восточно-иранские языки < иранские языки) выделяют мужской и женский род (далее м.р. и ж.р.). Род определяется преимущественно исходя из семантики имени. Так, к ж.р. принадлежат люди и животные женского пола, практически все не различающие пол животные и древесные растения. К м.р. принадлежат люди и животные мужского пола, а также травянистые растения. Неодушевленные имена принадлежат как к м.р., так и к ж.р., что зачастую также мотивировано семантически. Например, названия постельных принадлежностей, емкостей и продолговатых предметов преимущественно ж.р., в то время как названия помещений и построек — м.р. [Карамшоев 1986].

В докладе¹ мы опишем еще одну особенность категории рода в бартангском, а именно способность имени изменяться по роду в зависимости от референциального статуса денотата.

Так, имена в референтных контекстах согласуются по ж.р., в нереферентных — по м.р. В примере (1а) одеяло в референтном контексте согласуется с указательным местоимением по ж.р. В примере (1б) одеяло в нереферентном (экзистенциальном) контексте согласуется с глаголом и указательным местоимением по м.р.

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-034 «Полевые и корпусные исследования языков шугнано-рушанской группы») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

- (1) а. *az=mim adyal zoz yim garm*
 OBJ=D.1.OBL.F одеяло брать.IMP D.2.NOM теплый
 ‘Это одеяло возьми, оно теплое.’²
- б. *ar ar pomirī čöd ik-das adyal*
 LOC.DOWN каждый памирский дом EMPH-такой одеяло
vud di az=ī=an xubaθ čüj
 быть.PST.M LNK OBJ=D.3.OBL.M=3PL сам делать.PF
 ‘В каждом памирском доме было такое одеяло, что его де-
 лали сами.’

В примере (2) референтная именная группа ‘твой хлеб’ (2а) противопоставлена нереперентной универсальной: ‘хлеб на базаре был несвеж’ = ‘всякий хлеб на базаре был несвеж’ (2б).

- (2) а. *vār az dim ta gardā xār-an*
 приносить.IMP OBJ D.2.OBL.F ты.OBL хлеб есть.NPST-2PL
 ‘Давай съедем этот твой хлеб.’
- б. *ar bozor gardā qoq vud*
 LOC.DOWN базар хлеб несвежий быть.PST.M
 ‘Хлеб на базаре был несвеж.’

Выражение референциального статуса при помощи категории рода строго запрещено для имен, обозначающих людей (мужского или женского пола), ср. пример (3).

- (3) *ik=id bazīb odām ik=az=um*
 EMPH=D2.NOM хороший человек EMPH=OBJ=D3.OBL.F
 (*wī) *kaxwo urmāt kixt*
 D3.OBL.M женщина забота делать.NPST
 ‘(Всякий) хороший человек о своей жене заботится.’

Для прочих имен, как одушевленных, так и неодушевленных допустимо свободное варьирование, ср. (4).

² Здесь и в дальнейшем, когда для одного существительного дается несколько примеров, приводится идиолект одного информанта. Все примеры получены в ходе элицитации в 2023 г.

- (4) *yid mun-ā sar bašand uχtur*
 D2.NOM я.OBL-POSS очень хороший верблюд
bī=dim (dī) zindagī čeg-ow na-vārđi-yum
 без=D2.OBL.F D2.OBL.M жизнь делать-INF NEG-мочь-1SG
 ‘Это мой лучший верблюд, как я проживу без него?’

В типологии рода принят принцип, согласно которому (в канонической системе) каждое существительное имеет один единственный признак рода (например, м.р. или ж.р.). Чем дальше от этого положения отклоняется система, тем менее она соответствует канонической [Corbett, Fedden 2018]. Руководствуясь этим принципом, мы вынуждены признать, что в бартангском рода в каноническом смысле нет; ведь если (за малым исключением) все существительные в языке не имеют постоянной родовой характеристики, говорить о классифицирующей категории рода не приходится.

Несколько иной подход состоит в том, чтобы постулировать две категории: рода и референтности, которые конкурируют за выражение одними и теми же показателями. Вместе с тем наблюдаемое нарушение принципов прозрачности (две грамматические категории выражены одним показателем) и независимости (выражение одной грамматической категории зависит от выражения другой) указывает на большую языковую сложность [Audring 2019: 23–24].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; D1, D2, D3 — указательное местоимение 1, 2, 3 серий; EMPH — эмфаза; F — женский род; IMP — императив; INF — инфинитив; LOC.DOWN — предлог, указывающий на место ниже говорящего; LOC.UP — предлог, указывающий на место выше говорящего; M — мужской род; NOM — именительный падеж; NPST — непрошедшее время; OBJ — показатель прямого объекта; OBL — косвенный падеж; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Карамшоев 1986 — Д. Карамшоев. Категория рода в памирских языках (шугнано-рушанская группа). Выпуск II. Душанбе: Дониш, 1986.

- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносённость с действительностью. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
- Audring 2019 — J. Audring. Canonical, complex, complicated? // *Studies in Diversity Linguistics*. 2019. № 26. P. 15–52.
- Corbett, Fedden 2018 — G. G. Corbett, S. Fedden. New approaches to the typology of gender // S. Fedden, J. Audring, G. G. Corbett (eds.). *Non-Canonical Gender Systems*. Oxford, 2018; online edition, Oxford Academic, 2018. doi: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198795438.003.0002>.

М. О. Бажуков
НИУ ВШЭ, Москва

НЕМАРКИРОВАННОЕ ПРЯМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ НЕ ОБЯЗАНО БЫТЬ РЯДОМ С ГЛАГОЛОМ В ЯКУТСКОМ¹

Для тюркских языков характерно дифференцированное объектное маркирование (ДОМ), ср. описание этого явления в турецком [Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfilt 2005] и в татарском языках [Lyutikova, Ibatullina 2015; Татевосов и др. 2017]. К тюркским языкам относится и якутский. ДОМ в якутском языке описан в работах [Vinokurova 2005; Baker, Vinokurova 2010]. Среди прочего, авторы утверждают, что в якутском прямое дополнение:

- (а) маркируется винительным падежом при референтном употреблении и не маркируется при нереферентном;
- (б) если не маркировано, то обязательно соседствует с глаголом (см. [Baker, Vinokurova 2010] и, особенно, [Baker 2014]).

На основании (б) и аналогичных данных из других языков в некоторых подходах к изучению ДОМа сформулировано требование линейного соположения немаркированного объекта и глагола. Это, с одной стороны, подходы синтаксические [Baker 2014; Branap 2022; Fong 2021] и, с другой стороны, более ориентированные на морфологию [Levin 2014; 2019].

В докладе мы оспорим (б) и покажем, что немаркированное прямое дополнение в якутском предложении может находиться в отрыве от глагола, прежде всего в случае особой информационной структуры, а также в конструкциях со сложным глаголами.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Структура составляющих и их интерпретация в архитектуре грамматики языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Представленные данные собраны в ходе элицитации в 2021–2023 годах у носителей якутского языка из села Хатырык (Столбы) Намского улуса Республики Саха (Якутия).

В (1) приведено тетическое предложение с нереферентным субъектом. При отсутствии аккузативного маркирования, объект ‘чашка’ понимается как нереферентный, в то время как маркирование объекта аффиксом *-ны* винительного падежа дает, в первую очередь, референтную интерпретацию. Этот пример демонстрирует уже описанное в литературе различие в маркировании, связанное с референтностью, но в не упомянутом контексте — в отрыве от глагола.

(1) *Чааскы-(ны) ким эрэ алдьа-т-а.*

чашка-ACC кто только разбить-PST-3SG

[—Что там за шум? —А, наверное, ...] ‘Кто-то чашку разбил.’

∅ : нереферентная чашка

ACC : определенная или референтная чашка / ?нереферентная чашка

Ниже представлено предложение с прямым объектом в узком фокусе (2). Здесь немаркированный объект *массыына* ‘машина’ также оторван от глагола. Конструкция допускает паузу после вынесенного вперед дополнения, что роднит ее с клефтовыми конструкциями некоторых языков.

(2) *Вася туг-у ыл-ыан баҕар-ар=ый?*

В. что-ACC брать-FUT.ПТС.ACC хотеть-PRS[3SG]=Q

Массыына (эрэ,) Вася ыл-ыан баҕар-ар.

машина только В. брать-FUT.ПТС.ACC хотеть-PRS[3SG]

‘— Вася что хочет купить? — МАШИНУ (только) Вася хочет купить.’

Наконец, также допустим вынос немаркированного дополнения, если оно топикально. В (3) дополнение *суумка* ‘сумка’ топикально за счет левого контекста и может быть вынесено вперед без маркирования аккузативом:

(3) *Суумка эн ким-иэхэ бэлэх-тээ-т-иҥ?*

сумка 2SG кто-DAT подарок-VBLZ-PST-2SG

[Все дети дарят учителям сумки.] ‘Кому ты сумку подарил?’

Обратимся теперь к контексту со «сложными глаголами». Значение ‘дарить’ выражается в якутском не только вербализацией имени *бэлэх* ‘подарок’ как в (3), но также сложным глаголом *бэлэх биэр* ‘подарок дать’. Это сочетание допускает предложения, подобные (4):

- (4) *Кэргэн-им м-иэхэ сибэки бэлэх биэр-д-э.*
супруг-1SG 1SG-DAT цветок подарок дать-PST-3SG
‘Муж подарил мне цветы.’

Немаркированный объект *сибэки* примечателен не только положением в отрыве от глагола, но также нейтральной по числу интерпретацией, допустимой в якутском в подходящих контекстах. Возможность употребления в этом контексте немаркированного дополнения, а также аналогичное употребление в татарском языке [Lyutikova, Pereltsvaig 2015] представляют сильный аргумент против подходов типа [Baker 2014; Branen 2022; Fong 2021], требующих линейного соположения объекта и глагола. Кроме того, этот пример и примеры (1)–(3) служат аргументом против нелексикалистских морфологических подходов [Levin 2014; 2019].

В докладе мы рассмотрим дополнительные данные и попробуем предложить общий анализ явлений, учитывая теоретические положения, высказанные в работе [Driemel 2020], о том, что немаркированные объекты могут частично представлять собой глагольную составляющую.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; FUT — будущее время; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; Q — вопросительная частица; SG — единственное число; VBLZ — вербализатор.

Литература

Татевосов и др. 2017 — С. Г. Татевосов, Е. А. Лютикова, А. А. Бонч-Осмоловская, Д. К. Привознов, А. В. Подобрывев, П. В. Гращенко, А. Г. Пазельская, А. Б. Шулинский. Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М.: Буки Веди, 2017.

- Baker 2014 — M. Baker. Pseudo Noun Incorporation as Covert Noun Incorporation: Linearization and Crosslinguistic Variation // *Language and Linguistics*. 2014. Vol. 15. № 1. P. 5–46.
- Baker, Vinokurova 2010 — M. Baker, N. Vinokurova. Two modalities of case assignment: case in Sakha // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. № 3. P. 593–642.
- Branan 2022 — K. Branan. Licensing with Case // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2022. Vol. 40. P. 1–41. doi: <https://doi.org/10.1007/s11049-021-09503-4>
- Driemel 2020 — I. Driemel. Pseudo-incorporation and its movement patterns // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2020. Vol. 5. № 1. 106. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.1120>
- Fong 2021 — S. Fong. Nominal licensing: the syntactic distribution and number interpretation of bare nominals in Wolof. PhD thesis. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 2021.
- von Heusinger, Kornfilt 2005 — K. von Heusinger, J. Kornfilt. The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages*. 2005. Vol. 9. P. 3–44.
- Kornfilt 1997 — J. Kornfilt. *Turkish*. London; New-York: Routledge, 1997.
- Levin 2014 — T. Levin. Pseudo noun incorporation is M-Merger: evidence from Balinese // *LSA Annual Meeting Extended Abstracts*. 2014. Vol. 5. № 18. P. 1–5. doi: <http://doi.org/10.3765/exabs.v0i0.2396>
- Levin 2019 — T. Levin. On the nature of differential object marking: Insights from Palauan // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2019. Vol. 37. P. 167–213. doi: <http://doi.org/10.1007/s11049-018-9412-5>
- Lyutikova, Ibatullina 2015 — E. Lyutikova, D. Ibatullina. Case theory and case variation in Tatar // E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «TMP-2015» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters” 2015]*. Vol. 5. № 2. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2015. P. 228–244.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — E. Lyutikova, A. Pereltsvaig. The Tatar DP // *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique*. 2015. Vol. 60. № 3. P. 289–325.
- Vinokurova 2005 — N. Vinokurova. *Lexical Categories and Argument Structure: A Study with Reference to Sakha*. PhD Thesis. Utrecht: Utrecht University, 2005.

Л. А. Баркова
НИУ ВШЭ, Москва

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Доклад посвящен трем сериям неопределенных местоимений в амгуэмском говоре чукотского языка. Дистрибуция серии местоимений без показателя и серии с префиксом *imə-* была описана в [Dunn 1999], но недостаточно полно. Серия с префиксом *ipe-* ранее не описывалась. Данные собраны методом элицитации в селе Амгуэма Чукотского автономного округа в 2022–2023 гг.

Дистрибуция рассматриваемых серий местоимений на семантической карте [Haspelmath 1997] приведена на Рис. 1.

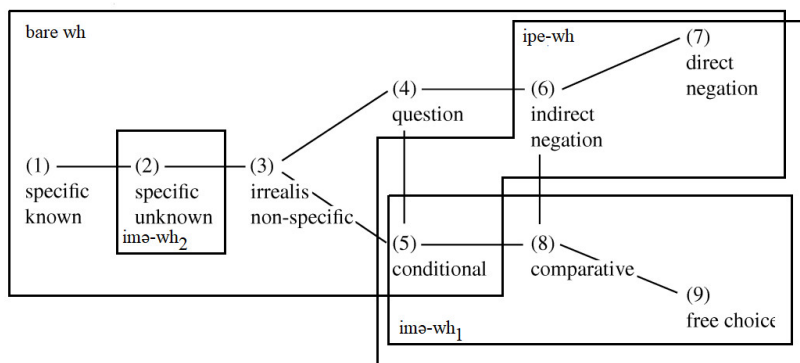

Рис. 1. Семантическая карта чукотских неопределенных местоимений

Для местоимений, состоящих только из *wh*-основы, доступны все значения, кроме значений свободного выбора и стандарта сравнения (1–2).

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

- (1) *Abramoviç-a imə-rʔenut/ipe-rʔenut/*rʔenut*
Абрамович-ERG FC-что/именно-что/что
(*mesənkə*) *re-rkur-γ-ni-n*
возможно 2/3.S/A-FUT-покупать-FUT-3SG.A.3.O-3SG.O
‘Абрамович может купить что угодно.’
- (2) *palina jʔa-kətyənt-e wa-lʔə-n*
Полина быстрый-бегать-ERG быть-ATTR-ABS.SG
*imə-mikə-rə-k / ipe-mikə-rə-k / *mikə-rə-k*
FC-кто-AN.PL-LOC / именно-кто-AN.PL-LOC / *кто-AN.PL-LOC
‘Полина бегает быстрее кого угодно.’

Местоимения этой серии могут обозначать референтный объект, как известный говорящему (3), так и неизвестный (4), и нереферентный объект (5).

- (3) *egwikinotə-k n-ʔatsa-qen*
Эгвекинот-LOC ST-ждать-ST.3SG
*meŋin / *imə-meŋin / *ipe-meŋin*
кто / *FC-кто / *именно-кто
‘Кое-кто ждет меня в Эгвекиноте.’
- (4) *Sonja-na rʔenut / #imə-rʔenut / *ipe-rʔenut*
Соня-AN.ERG что / #FC-что / именно-что
yisi-ni-n nute-k
собирать-3SG.A.3.O-3SG.O земля-LOC
‘Соня что-то собрала в тундре.’
- (5) *γət tite / *imə-tite / *ipe-tite*
я когда / *FC-когда / именно-когда
t-re-tumyə-lʔu-γʔe
1SG.S/A-FUT-друг-искать-TH
‘Когда-нибудь я выйду замуж.’

Такие местоимения употребляются в общем вопросе (6), в антецеденте условного предложения (7), под отрицанием, расположенным как в той же клаузе, что местоимение (8), так и в матричной клаузе, если само местоимение находится во вложенной (9).

- (6) *mejin* / **imə-mejin* / **ipe-mejin* *ya-ta-kawkaw-ŋə-tən*
кто / *FC-кто / *именно-кто PF-MAKE-каукау-MAKE-PF.3SG
‘Кто-нибудь приготовил каукау?’
- (7) *ewət mejin* / *imə-mejin* / *ipe-mejin*
если кто / FC-кто / именно-кто
r-uuŋn-ŋisi-ŋʔe *mət-r-uuŋn-ŋ-ŋʔe*
FUT-ягоды-собирать-TH 1PL.S/A-FUT-ягоды-EAT-TH
‘Если сегодня кто-нибудь соберет ягод, то мы их поедим.’
- (8) *ŋutin-ŋii-k* *lesha miŋkə* / *ipe-miŋkə* / **imə-miŋkə*
этот-год-ЛОС Леша где / именно-где / *FC-где
loŋə-twa-lʔə-n
NEG.PFV-быть-ATTR-ABS.SG
‘В этом году Леша нигде не был.’
- (9) *ŋət-nan wane* *m-lʔu-ŋʔe-n*
я-ERG NEG.NFUT 1SG.S/A.SUBJ-видеть-TH-3SG.O
mejin / *ipe-mejin* / **imə-mejin* *miysiretə-lʔə-n*
кто / именно-кто / *FC-кто работать-ATTR-ABS.SG
‘Я не вижу, чтобы кто-нибудь работал.’

В литературе [Yanovich 2005; Bruening 2007; Yun 2011] утверждается, что неопределенные местоимения, состоящие только из wh-основы, не могут иметь широкую сферу действия (например, более широкую, чем отрицание). Однако в чукотском это возможно:

- (10) *enaratʔ-a rʔenut wane*
сосед-ERG что NEG.NFUT
nə-n-peŋqəntew-ni-n *enaratʔə-ŋaw-etə*
3.S/A.SUBJ-TR-возвращаться-3SG.A.3.O-3SG.O сосед-FEM-DAT
‘Женщина что-то не вернула соседке.’

Местоимения, состоящие из wh-слова и префикса *imə-* (в чукотском встречается только как показатель серии неопределенных местоимений) — FCI (местоимения свободного выбора). Они могут употребляться в контекстах свободного выбора (1), стандарта сравнения (2) и в антецеденте условного предложения (7). В остальных контекстах (3–6, 8–9) они не употребляются.

Серия с показателем *imə-* также употребляется в референтных контекстах. В этом случае местоимения этой серии означают большое количество референтных объектов (11).

- (11) *Sonja-na imə-rʔenut yisi-ni-n nute-k*
Соня-AN.ERG FC-что собирать-3SG.A.3.O-3SG.O земля-LOC
'Соня много чего собрала в тундре.'

Местоимения, состоящие из *wh*-слова и префикса *ipe-* (*ipe* — фокусная частица 'именно') — NPI (отрицательно-полярные местоимения). Они употребляются в сфере действия отрицания (8–9), в антецеденте условного предложения (7), в контекстах свободного выбора (1–2). Однако они не могут означать референтный (3–4) и нереферентный (5) объект и употребляются в общих вопросах (6).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; A — агентивный участник ситуации, названной переходным глаголом; ABS — абсолютив; AN — одушевленность; ATTR — атрибутив; DAT — дательный падеж; EAT — лексический аффикс, означающий поглощение чего-либо; ERG — эргатив; FC — единица свободного выбора; FEM — феминитив; FUT — будущее время; INS — инструменталис; LOC — локатив; MAKE — циркумфикс, означающий изготовление чего-либо; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; O — объект переходного глагола; PF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; S — единственный участник ситуации, названной непереходным глаголом; SG — единственное число; ST — статив; SUBJ — субъектив; TH — тематическая морфема; TR — транзитивизатор.

Литература

- Bruening 2007 — B. Bruening. Wh-in-situ does not correlate with wh-indefinites or question particles. *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. № 1. P. 139–166.
Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. Doctoral dissertation. Canberra: Australian National University, 1999.
Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.

- Yanovich 2005 — I. Yanovich. Choice-functional series of indefinite pronouns and Hamblin semantics // *Semantics and linguistic theory*. 2005. Vol. 15. P. 309–326.
- Yun 2011 — J. Yun. Wh-indefinites and their licensing conditions // *Proceedings of the 47th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society (CLS)*. 2011. P. 361–372.

О. И. Беляев

МГУ, Москва — ИЯз РАН, Москва

ЦЕЛЕВЫЕ КОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В ДЖАЛГАНСКОМ ТАТСКОМ

Доклад¹ посвящен необычному случаю грамматикализации показателя образа действия и цели в митаги-джалганском языке (юго-западно-иранский). Татоидные языки были некогда широко распространены среди мусульман южного Дагестана, однако на сегодняшний день сохранились лишь в сс. Митаги, Митаги-Казмаляр, Джалган и Нижний Джалган. Данные лексикостатистики показывают, что речь этих сел следует рассматривать как самостоятельный язык, отличный как от джуури (горско-еврейского), так и от языков татов-мусульман Азербайджана [Коруаков 2022]. Настоящее исследование основано на данных, собранных в с. Нижний Джалган в июле 2023 г.

Одним из основных показателей стандарта сравнения (о терминологии см. [Haspelmath et al. 2017]) в симулятивных и эквативных конструкциях в джалганском является *vari / varne*, присоединяющийся к стандарту справа (1)–(2). Стандарт может быть выражен нефинитной клаузой с глаголом в форме причастия, в том числе в симулятивной конструкции (simulation, [Treis 2017: 101–102]) (3).

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации». Материал собран в июле 2023 г. в ходе экспедиции в Дербентский район Республики Дагестан. Я благодарен всем носителям, предоставившим языковые данные, в особенности Н. К. Асланову и Г. К. Аслановой, а также М. Сулейманову, Ю. В. Синицыной, И. А. Хомченковой и Ю. Б. Корякову за ценные замечания. Все ошибки — на моей совести.

Особый интерес представляет употребление *vari* в целевых конструкциях (4). В этом случае достижение цели обязательно должно быть связано с определенным способом выполнения действия в главной клаузе; в тех случаях, когда достижению цели служит сам факт выполнения действия, *vari* употребить нельзя (5).

Для других татских языков подобные показатели не описаны. Зафиксирован лишь один пример на *-vori* в значении ‘как только’ в ширванском [Suleymanov 2020: 331].

Диахронический источник *vari* не до конца понятен. По своей внутренней форме это дериват на *-i/-ne* от основы с суффиксом **-var*, который в джалганском отсутствует. В родственных языках есть суффикс *-vâr*, который восходит к глаголу ‘нести’ (**-bâr*) и имеет проприетивное значение, ср. перс. *omid-vâr* ‘имеющий надежду’. В некоторых словах, однако, прослеживается (в современном языке непродуктивное) сравнительное значение: перс. *šâh-vâr* ‘царственный’ [Lazard 1957: 267]. Для кабульского дари в [Farhâdi 1955: 113] описывается «суффикс сходства с обстоятельственным значением» *-wâre/-wârê*; кроме того, Д. Пастор указывает на схожие употребления *-vâr* в разговорном тегеранском персидском [Pastor 2023] и в хазарейском языке (л. с.). Эти разрозненные факты указывают на то, что этот показатель в такой функции, вероятно, встречается чаще, чем принято считать; однако данных для точного описания его дистрибуции в иранских языках пока недостаточно.

Можно предположить следующий сценарий развития *vari* в джалганском: проприетив (адъективная деривация) → симилиатив (образ действия) → цель. Ни один из этих переходов в типологической литературе в чистом виде не засвидетельствован. Полисемия цели и образа действия довольно распространена [Kuteva et al. 2019: 400–401], однако такие показатели часто имеют также другие функции, в частности, используются как комплементаризеры, что может быть промежуточным звеном в их развитии [Greis 2017: 119]. В джалганском, однако, *vari* не может употребляться как комплементаризер (6); на связь с образом действия указывает также семантический эффект в (4)–(5). Таким образом, мы имеем дело с первым надежно установленным случаем развития целевого значения из конструкции образа действия.

Примеры

- (1) *u tu-xund-e quş=vāri / quş=vārne*
тот EVT-петь₂-IPFV[3SG] соловей=SIM соловей=SIM
'Он поет как соловей.'
- (2) *peleng=vāri bir-e-y quwat-i*
лев=SIM быть₂-PRF-3SG сила-ADJ
'Он был сильный как лев.'
- (3) *e= oyrī hūkümet omor-e=wāri u*
ABL другой государство приходить₂-PTCP=SIM тот
çuq doşt-e-y
(говорить) иметь₂-PRF-3SG
'Он разговаривал так, как будто приехал из другой страны.'
- (4) *te pāna bir-am, men=e ne-dir-e=wāri*
я укрытие быть₂-PRF.1SG я=OBL NEG-видеть₂-PTCP=SIM
'Я спрятался (так), чтобы меня не увидели.'
- (5) *be tukun raft-am nu*
LOC магазин идти₂-PRF.1SG хлеб
*bey=xir-e / *xir-e=wāri*
PURP=покупать₂-PTCP покупать₂-PTCP=SIM
'Я пошел в магазин (*так), чтобы купить хлеб.'
- (6) *ali fikir mi-st-em-bü xari*
А. мысль EVT-делать₂-IPFV-PST[3SG] земля
*düz=ü / *düz bir-e=wāri*
плоский=3SG плоский быть₂-PTCP=SIM
'Али думал, будто земля плоская.'

Список условных сокращений

₂ — вторая глагольная основа; 1, 3 — 1, 3-е лицо; ABL — аблатив; ADJ — адъективная деривация; EVT — «эвентуальный» показатель (eventual, [Authier 2012; Suleymanov 2020]); IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; PRF — перфект; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PURP — цель; SG — единственное число; SIM — симилятив.

Литература

- Authier 2012 — G. Authier. Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'Est. Wiesbaden: Reichert, 2012.
- Farhâdi 1955 — A. Farhâdi. Le persan parlé en Afghanistan: grammaire du Kâboli. Paris: Klincksieck, 1955.
- Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath et al. Equative constructions in world-wide perspective // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 9–32.
- Koryakov 2022 — Yu. B. Koryakov. Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation. Presentation at HSE ConLab seminar, 04.10.2022.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World lexicon of grammaticalization. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Lazard 1957 — G. Lazard. Grammaire du persan contemporain. Paris: Klincksieck, 1957.
- Pastor 2023 — D. Pastor. Le persan du XXIe siècle: Études de la langue vernaculaire. Thèse de doctorat. École Normale Supérieure, Paris, 2023.
- Suleymanov 2020 — M. Suleymanov. A grammar of Şirvan Tat. Wiesbaden: Reichert, 2020.
- Treis 2017 — Y. Treis. Similative morphemes as purpose clause markers in Ethiopia and beyond // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 91–142.

К. Е. Берзина

НИУ ВШЭ, Москва

О ДЕЙСТВИЯХ БОЛЬШИХ И МАЛЫХ: ГЛАГОЛЬНЫЕ ДИМИНУТИВЫ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В итальянском языке существует аспектуальная деривация — глагольные диминутивы. Подобно именным диминутивам, обозначающим маленькие объекты, глагольные диминутивы обозначают «маленькие» действия [Audring et al. 2021].

- (1) *l'armadio* ‘шкаф’ > *l'armadicchio* ‘шкафчик’
(2) *dormire* ‘спать’ > *dormicchiare* ‘дремать’

Глагольные диминутивы образуются преимущественно с помощью суффиксов, восходящих к именным диминутивным суффиксам. В работе [Grandi 2015] предлагается список из 9 таких суффиксов: *-Vcchiare*, *-Vzzare*, *-Vttare*, *-(uc)olare*, *-(er)ellare*, *-eggiare*, *-icare*, *-igginare*.

Главная функция данной деривации — указывать на нестандартное протекание какого-либо процесса [Tovena 2015]. Семантика деривации крайне разнообразна: уменьшение аргумента, итеративизация, уменьшение длительности ситуации и т. п.

У деривации есть некоторые сочетаемостные ограничения. Согласно Товена [Tovena 2011], дериваты не имеют предельных интерпретаций и не образуются от состояний и вендлеровских достижений. Мы покажем, что не все из этих ограничений действительно соблюдаются.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Структура составляющих и их интерпретация в архитектуре грамматики языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

В статье [Henri, Winterstein 2014] о редупликации с аттенуативной семантикой в маврикийском креоле авторы показывают, что конкретное значение деривата зависит от акционального класса. Например, от вендлеровских достижений образуются раритивы, а от состояний — ослабленные состояния. Далее мы покажем, что подобные соответствия наблюдаются и в случае глагольных диминутивов.

Исследование основывается на анкетировании девяти носителей. Мы предложили носителям оценить предложения с дериватами, образованными от глаголов различных акциональных классов. Состояния дополнительно были разделены на состояния индивидуального и стадийного уровня. Предельные процессы также разделены на две группы: обыкновенные и со значением *уменьшенный аргумент*. В предложения из последней группы были включены тесты на предельность:

- (3) *Questo mostro ha tagli-uzz-ato il cetriolo*
 этот монстр AUX резать-VDIM-PTCP огурец
in 2 secondi!
 за 2 секунды
 ‘Этот монстр нашинковал огурец за 2 секунды!’

В такой ситуации *уменьшенный аргумент* — кусочки, на которые нарезают огурец (подробнее об этом далее).

Дериватов от состояний индивидуального уровня и событий (в терминологии [Плунгян 2011]) в веб-корпусе [itTenTen20] нет, поэтому мы сконструировали такие глаголы самостоятельно, используя самый частотный диминутивный суффикс *-ucchiare*.

- (4) **A dire la verita, cred-icchi-o in fantasme.*
 честно говоря верить-VDIM-PRS в привидение
 Ожид.: ‘Честно говоря, я немного верю в привидений.’
- (5) **Non posso andare in discoteca,*
 не могу идти на дискотеку
ho frattur-acchi-ato la mano.
 AUX сломать-VDIM-PTCP рука
 Ожид.: ‘Я не могу пойти на дискотеку, я немного сломал руку.’

С точки зрения приемлемости, выше всего носители оценили диминутивные дериваты от неопредельных процессов, состояний стадияльного уровня и предельных процессов, в т. ч. с *уменьшенным аргументом*. Таким образом, наши данные противоречат представленным в работе [Tovena 2011].

Таблица 1. Оценки консультантов в зависимости от типа предиката

Тип предиката	Средняя оценка
Предельный процесс с ум. арг.	3,7
Неопредельный процесс	3,5
Предельный процесс	3,0
Состояние стадияльного уровня	2,9
Событие	2,5
Состояние индивидуального уровня	1,3

Изменения в характере описываемого действия, привносимые деривацией, определяются структурой исходной ситуации. Для семантики деривации имеют значение предельность и итеративность ситуации. Так, в ситуации в примере (3) исходный процесс итеративный и предельный. Деривация действует как оператор, который «уменьшает» кванты ситуации. Из этого следует возникновение т. н. *уменьшенного аргумента*, так как объект остается прежним, но при нарезании происходит больше подсобытий, а значит, кусочков больше, а сами они меньше.

У глаголов, обозначающих ситуации прочих типов, при деривации возникает семантика пониженной интенсивности действия. Например, при присоединении суффиксов к глаголам, обозначающим неитеративные процессы или состояния стадияльного уровня, деривированный глагол может иметь семантику дисконтинуатива: ситуации, происходящей с перерывами.

Таким образом, из всего множества значений, постулируемых в начале, мы получаем базовые для диминутивных глаголов в итальянском: пониженная интенсивность, повышенная итеративность, дисконтинуативность. В докладе мы покажем, что остальные значения можно считать импликатурами из базовых.

Список условных сокращений

AUX — вспомогательный глагол; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; VDIM — глагольный диминутив.

Источники

itTenTen20 — Corpus of the Italian Web. 2020. sketchengine.eu/ittenten-italian-corpus/

Литература

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.

Audring et al. 2021 — J. Audring, S. Leufkens, E. van Lier. Small events. Verbal diminutives in the languages of the world // *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2021. Vol. 1. № 1. P. 223–256.

Grandi 2015 — N. Grandi. Word-formation and lexical aspect: deverbal verbs in Italian // P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.). *Word-Formation: An International Handbook of the Languages of Europe* [= *Handbooks of Linguistics and Communication Science, HSK 40.1*]. Berlin/Boston: De Gruyter, 2015. P. 1467–1482.

Henri, Winterstein 2014 — F. Henri, G. Winterstein. Morpho-Semantics of verbal reduplication: The case of Mauritian. Ms., 2014.

Tovena 2011 — L. M. Tovena. When Small Is Many in the Event Domain // *Lexis* [Online]. 2011. Vol. 6. Online since 27 March 2011, connection on 10 October 2023. URL: <http://journals.openedition.org/lexis/414>; doi: <https://doi.org/10.4000/lexis.414>

Tovena 2015 — L. M. Tovena. Evaluative Morphology and Aspect/Actionality // N. Grandi, L. Körtvélyessy (eds.). *Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. P. 108–120.

Г. Н. Бубнов

НИУ ВШЭ, Москва

НАНОСЕМАНТИКА: ПРОТИВ ЛИНЕЙНОЙ ИЕРАРХИИ ПАДЕЖЕЙ¹

Проблема

В докладе будет рассмотрена иерархия ядерных падежей **NOM** → **ACC** → **GEN** → **DAT**, наиболее сильная интерпретация которой (в наносинтаксическом фреймворке) дана в [Саха 2009], а именно:

- **Синкретизм**: совпадать могут показатели только соседних падежей.
- **Контейнмент**: показатель одного падежа может содержать показатель другого падежа только при наличии направленного пути от второго падежа к первому.

Позднее были найдены эмпирические опровержения обоих пунктов. В работе [Starke 2017] выводится новая модель, согласно которой существуют два аккузатива и два датива: **NOM** → **ACC_{small}** → **DAT_{small}** → **GEN** → **ACC_{big}** → **DAT_{big}**. Несмотря на то что такая иерархия объясняет эмпирические данные, у нее есть существенные недостатки:

- **Данная модель необоснованно множит сущности.**

Старке [Starke 2017], в частности, аргументирует наличие второго аккузатива разницей в значениях, которая проявляется в языках с дифференцированным объектным маркированием, од-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Структура составляющих и их интерпретация в архитектуре грамматики языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

нако в рамках того же наносинтаксиса DOM объясняется гораздо естественней способностью одного падежного показателя и неспособностью другого озвучивать не только собственно падежную составляющую, но и составляющую одушевленности, специфичности, определенности и т. д. [Саха 2021; Türk, Саха 2022].

- **Отсутствие языков с падежной системой NOM \rightarrow DAT_{small} \rightarrow GEN \rightarrow ACC_{big} рассматривается как случайное.**

Другие проблемы линейной иерархии падежей обсуждались, в частности, в работе [Zompi 2019].

Решение

Я предлагаю анализ падежного синкретизма и контейнента с помощью **семантических карт** в духе [Haspelmath 2003]. Семантические карты точно так же, как и синтаксические структуры, позволяют показать ограничения на синкретизм, однако не ограничиваются линейными иерархиями.

Отличительной особенностью моего анализа является разложение семантических единиц на отдельные признаки, как это делается в наносинтаксисе (1), только в нашем случае раскладываться будут не сами падежи, а их значения (2) **(которых у падежей конкретных языков может быть несколько)**.

(1) Cumulative classification [Саха 2009: 21]

- NOM = W
- ACC = W, X
- GEN = W, X, Y
- DAT = W, X, Y, Z

(2) Воображаемая семантическая кумулятивная классификация

- BEN = W
- EXTPOSS = W, X
- REC = W, X, Y
- POSS = W, X, Y, Z

Такое теоретическое допущение позволяет не только объяснить, почему показатель одного значения содержит показатель другого, но и унаследовать основополагающий для наносинтак-

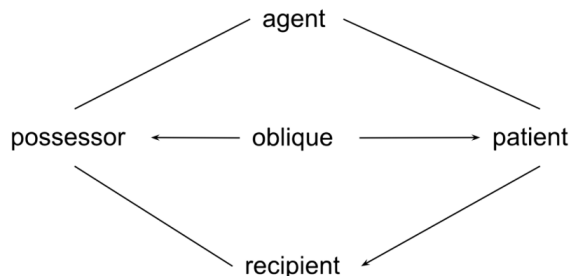
сиса *Superset Principle* (3), который накладывает дополнительные ограничения на синкретизм для нелинейной иерархии.

(3) *Semantic Revised Superset Principle* (адаптировано из [Vanden Wyngaerd 2018])

Лексическая статья L может озвучить значение M тогда и только тогда, когда множество признаков L является надмножеством множества признаков M.

Основываясь на данных собственно из работ, в которых выводится линейная иерархия падежей [Саха 2009; Starke 2017], и рассматривая падежи таким образом, что в любом языке номинатив может обозначать агенса (хотя и не только), аккузатив — пациенса, генитив — посессора, а датив — реципиента, можно построить такую **наносемантическую** карту (семантическую карту, где стрелки соответствуют контейнменту показателей, а равно и контейнменту признаков) (4). Такая карта **позволяет избежать множественности аккузатива и датива** и одновременно с этим отсутствие прямого пути от агенса к реципиенту **делает незасвидетельствованность** языков с «большим» аккузативом, но «малым» дативом **тривиальной**.

(4) Наносемантическая карта ядерных падежей

В докладе я докажу необходимость «значения» *oblique* аналогично тому, как доказывается необходимость двух проекций компаративов в [Саха et al. 2019]. При более точном установлении направленности линий в (4) я буду основываться, в частности, на семантических картах из [Haspelmath 1999; Malchukov 2010] и на других языковых данных.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ACC_{big} — «большой» аккузатив; ACC_{small} — «малый» аккузатив; BEN — бенефактив; DAT — датив; DAT_{big} — «большой» датив; DAT_{small} — «малый» датив; EXTPRO — внешний посессор; GEN — генитив; NOM — номинатив; POSS — посессор; REC — реципиент.

Литература

- Caha 2009 — P. Caha. The nanosyntax of case. PhD thesis. Tromsø: Universitetet i Tromsø, 2009.
- Caha 2019 — P. Caha. ‘Syncretism as Merge F: the Nanosyntax of case ten years on’ // P. Caha, K. De Clercq, G. Vanden Wyngaerd (eds.). A collection of Lingbuzz papers to celebrate Michal Starke’s 50th birthday. Manuscript, 2019. P. 19–38.
- Caha 2021 — P. Caha. Modeling declensions without declension features. The case of Russian // Acta Linguistica Academica. An International Journal of Linguistics (Until 2016 Acta Linguistica Hungarica). 2021. Vol. 68. № 4. P. 385–425.
- Caha et al. 2019 — P. Caha, K. De Clercq, G. Vanden Wyngaerd. The fine structure of the comparative // Studia Linguistica. 2019. Vol. 73. № 3. P. 470–521.
- Haspelmath 1999 — M. Haspelmath. External possession in a European areal perspective // D. L. Payne, I. Barshi (eds.). External possession. Amsterdam: Benjamins, 1999. P. 109–135.
- Haspelmath 2003 — M. Haspelmath. The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). The new psychology of language. Vol. 2, Mahwah / New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. P. 211–242.
- Malchukov 2010 — A. L. Malchukov. Analyzing semantic maps: a multifactorial approach // Linguistic Discovery. 2010. Vol. 8. № 1. P. 176–198.
- Starke 2017 — M. Starke. Resolving (DAT = ACC) ≠ GEN // Glossa: a journal of general linguistics. 2017. Vol. 2. № 1. 104.
- Türk, Caha 2022 — U. Türk, P. Caha. Nanosyntactic analysis of Turkish case system // Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic, Vol. 6. New York: Linguistic Society of America, 2022. 5051.

Vanden Wyngaerd 2018 — G. Vanden Wyngaerd. The feature structure of pronouns: A probe into multidimensional paradigms // L. Baunaz, K. D. Clercq, L. Haegeman, E. Lander (eds.). *Exploring Nanosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 277–304.

Zompi 2019 — S. Zompi. Ergative is not inherent: Evidence from *ABA in suppletion and syncretism // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2019. Vol. 4. № 1. 73. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.816>.

Е. И. Будзинская

РГГУ, Москва

ТИПЫ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ В ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Относительное придаточное предложение — зависимая клауза, модифицирующая некоторое имя и интерпретируемая как определение к этому имени [Lehmann 1986: 664]. Настоящее исследование посвящено стратегиям релятивизации в людиковском наречии карельского языка. Данные собраны путем анкетирования носителей в ходе экспедиции в с. Михайловское в июне 2023 года.

Относительные придаточные в людиковском карельском образуются при помощи местоимений *kudamb* ‘который’, *mičče* ‘какой’, *ken* ‘кто’, *mid* ‘что’. В Таблице 1 приведено распределение местоимений по позиционным типам придаточных.

Таблица 1. Распределение местоимений по позиционным типам

Местоимение	Позиционные типы			
	После вершины	Internal	До вершины	Free
<i>kudamb</i>	+	+	+	*
<i>mičče</i>	+	+	+	*
<i>ken</i>	+	+	+	+
<i>mid</i>	*	+	+	+

В людиковском наречии наблюдается множество равноправных стратегий образования относительных придаточных. Рассмотрим некоторые из них.

Непосредственное следование за вершиной является самым частотным позиционным типом относительных придаточных:

- (1) *nejžne* [*kudamb andu-i grisha-le*
девушка который дать-PST Гриша-ALL
kniiga-n] *o-m čoma.*
книга-GEN быть-3SG.PRS красивый
'Девушка, которая дала Грише книгу, красивая.'

Опционально дублирование антецедента после относительной
клаузы:

- (2) *nejžne* [*kudamb andu-i grisha-le*
девушка который дать-PST Гриша-ALL
kniiga-n] *hän o-m čoma.*
книга-GEN 3SG быть-3SG.PRS красивый
'Девушка, которая дала Грише книгу, красивая.'

Относительные придаточные с антецедентом внутри (internally
headed):

- (3) [*mida-l veič müö leitka-m leiba-d*] *tupihtu-i.*
что-AD нож 1PL резать-1PL.PRS хлеб-PART затупиться-PST
'Нож, которым мы режем хлеб, затупился.'

Коррелятивные конструкции (предшествование вершине):

- (4) [*ken hän-t süü-ta-b*] *se*
кто 3SG-PART есть-CAUS-3SG.PRS DEM
o-m i tovarišč.
быть-3SG.PRS и товарищ
'Кто его кормит, тот ему и товарищ.'

В коррелятивных конструкциях допускается множественная
релятивизация:

- (5) [*ken mi-da tahtu-b*] *si-da hän*
кто что-PART хотеть-3SG.PRS DEM-PART 3SG
i suo-b.
и получить-3SG.PRS
'Кто чего хочет, тот это и получит.'

Безвершинные относительные предложения (free relatives),
в которых могут быть употреблены только относительные место-
имения *mi* 'что' (неодуш.) и *ken* 'кто' (одуш.):

- (6) [*ken mihästu-i*] *o-m* *liekar*.
кто опоздать-PST быть-3SG.PRS доктор
'Тот, кто опоздал, — это доктор.'

В ходе анкетирования был обнаружен эффект *attractio inversa*, известный для ряда финно-угорских языков [Kholodilova, Privizentseva 2015], но не описанный для карельского языка. Это явление, при котором вершина относительной клаузы получает такое же маркирование, как соответствующий участник зависимой клаузы (7).

- (7) *nejžne-le* [*kudamba-le grisha andu-i*
девушка-ALL который-ALL Гриша дать-PST
kniiga-n] *o-m* *čoma*.
книга-GEN быть-3SG.PRS красивый
'Девушка, которой Гриша дал книгу, красивая.'

Примечательно, что релятивизироваться способны все позиции по иерархии доступности Кинэна-Комри [Keenan, Comrie 1977: 66]:

- (8) SU > DO > IO > OBL > GEN > COMP,

где SU — субъект относительной клаузы (1), DO — прямое дополнение (9), IO — непрямое дополнение (7), OBL — косвенное дополнение (10), GEN — зависимое при именной группе (11), COMP — основание сравнения (12).

DO (GEN):

- (9) *kniig* [*kudamba-n e-n os-nuu*]
книга который-GEN NEG-1SG купить-CNG.PST
oli-i ülen kalliš.
быть-PST слишком дорогой
'Книга, которую я не купил, была слишком дорогой.'

OBL (EL):

- (10) *lidn* [*kudamba-spiä siä aiüi-i-d*]
город который-EL 2SG уехать-PST-2SG
o-m suur.
быть-3SG.PRS большой
'Город, из которого ты уехал, большой.'

GEN POSS:

- (11) *prihač* [*kudamba-n druuga-nke siä*
мальчик который-GEN друг-COM 2SG
min-da znakomi-i-t] *tuli-i.*
1SG-PART знакомить-PST-2SG прийти-PST
‘Мальчик, с чьим другом ты меня познакомил, пришел.’

COMP:

- (12) *tuam pashtu-i ščipanika-d* [*magedemba-d toiže*
мама готовить-PST калитка-PL лучше-PL другой
kudamb-i-d miä ni konz e-n süa-nu].
который-PL-PART 1SG NEG когда NEG-1SG есть-CNG.PST
‘Мама приготовила калитки, вкуснее которых я не ела.’

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AD — адессив; ALL — аллатив; CAUS — каузатив; CNG — коннегативное причастие; COM — комитатив; DEM — демонстратив; EL — элатив; GEN — генитив; NEG — отрицание / отрицательная копула; PART — партитив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. № 1. P. 63–99.
- Kholodilova, Privizentseva 2015 — M. Kholodilova, M. Privizentseva. Inverse attraction in Finno-Ugric languages. Talk at ‘Insufficient strength to defend its case’: Case attraction and related phenomena. Wrocław, Poland, September 18–19, 2015.
- Lehmann 1986 — C. Lehmann. On the typology of relative clauses // *Linguistics*. 1986. Vol. 24. P. 663–680.

Д. А. Буров

МГУ, Москва

О НЕОФОРМЛЕННЫХ ЗАВИСИМЫХ ИМЕНИ В КАЗЫМСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Настоящая работа посвящена свойствам двух типов конструкций в казымском диалекте хантыйского языка, где зависимым в именной группе выступает имя, не оформленное словоизменительными показателями: это (а) определительные конструкции, выражающие нереферентные отношения, и (б) один из вариантов оформления отношения часть-целое.

а. В казымском хантыйском такие отношения, как материал, предназначение и ряд других [Каксин 2010; Лельхова 2011; Плешак 2018] в ИГ выражаются именем в немаркированной форме. В таких конструкциях вершинное существительное не присоединяет показателей посессивного согласования с зависимым [Каксин 2010; Лельхова 2011], при этом зависимое не может быть референтным¹.

- (1) *nawrem kinška*
ребенок книжка
'книжка для детей'

П. С. Плешак [Плешак 2018] подробнее рассматривает свойства таких конструкций, отмечая, в частности: более близкое к вершине положение таких зависимых в ИГ относительно других типов зависимых и ограниченные возможности модификации по сравнению с посессорами.

Так, у неоформленных зависимых не может быть в качестве зависимых указательных местоимений, числительных или посес-

¹ Хантыйские примеры, для которых не указан источник, получены методом анкетирования носителей в 2022–2023 гг.

соров, но они могут модифицироваться прилагательными (2), причастиями (3), другими неоформленными зависимыми.

(2) *šejk aj nawrem kinška*
очень маленький ребенок книга
'книга для очень маленьких детей'

(3) *welši tw-əm χul suχ χir*
недавно нести-NFIN.PST рыба кожа мешок
'мешок из недавно собранной рыбьей кожи'

Неоформленные зависимые могут быть оторваны от вершины другими неоформленными зависимыми (4) или прилагательными (5).

(4) *aj nawrem χanti kinška*
маленький ребенок ханты книга
'хантыйская книга для маленьких детей'

(5) *tām imi χuratəj χir*
этот женщина красивый мешок
'эта красивая женская сумка' [Плешак 2018]

Анафора к неоформленным зависимым невозможна:

(6) 1: *pāsan øxtij-n tunti jiŋəλ oməs-λ*
стол поверхность-LOC береста короб сидеть-NPST[3SG]
'На столе стоит короб из бересты.'

2: **šit-en apalneŋ-əm-n*
это-POSS.2SG младшая_сестра-POSS.1SG-LOC
χur-s-a
собрать-PST-PASS[3SG]
Ожид. 'Ее собрала моя младшая сестра.'

В работе П. С. Плешак [Плешак 2018] в качестве объяснения свойств неоформленных зависимых постулируется ограниченное количество у них именной структуры. Имеющиеся данные позволяют сделать уточнение — их можно описать как NP, подобные, например, одной из изафетных конструкций в татарском языке [Pereltsvaig, Lyutikova 2014].

б. В приименных конструкциях, выражающих отношения часть-целое, зависимые со значением целого в общем случае не демонстрируют признаков ограниченного количества именной структуры: они могут присоединять словоизменительные показатели и самые разные типы зависимых.

Но зависимое-целое в такой конструкции также может быть выражено неоформленным существительным, и такие конструкции отличаются по свойствам от описанных выше: невозможна модификация зависимого даже прилагательными (7), оно не может быть оторвано от вершины (8).

(7) **katra* *ăškap ow-em* *jiləp*
 старый шкаф дверь-POSS.1SG новый
 Ожид.: 'Дверь моего старого шкафа новая.'

(8) а. **χop* *ńarturn pɲɪl-em-a*
 лодка зеленый сторона-POSS.1SG-DAT
wɲɪŋa oms-əs
 ворона сидеть-PST[3SG]

б. *ńarturn* *χop pɲɪl-em-a*
 зеленый лодка сторона-POSS.1SG-DAT
wɲɪŋa oms-əs
 ворона сидеть-PST[3SG]
 'Ворона села на зеленый борт моей лодки.'

При этом, в отличие от настоящих композитов (9), к зависимому элементу в таких конструкциях возможна анафора (10):

(9) 1: *χot_i-χăr-em* *jowəl-s-em*
 дом-пространство-POSS.1SG мести-PST-1SG>1SG

2: а. *in* *χot lipij-n* *iši* *śistam*
 сейчас дом внутри-LOC тоже чистый

б. **in* (*śit-em_i*) *lipij-n* *iši* *śistam*
 сейчас это-POSS.1SG внутри-LOC тоже чистый
 {Вчера я убрал двор} 'Я подмел у себя пол. Теперь дом и внутри чистый.'
 *'Я подмел у себя в доме пол. Теперь он и внутри чистый.'

- (10) 1: *χop_i pāt-em lāp wɛr-s-em*
лодка дно-POSS.1SG вплотную делать-PST-1SG>SG
‘Я починил дно своей лодки.’
- 2: *śit-em-n_i mān-λ-əm χил wel-ti*
это-POSS.1SG-LOC идти-NPST-1SG рыба добывать-NFIN.NPST
‘Пойду на ней ловить рыбу.’

Таким образом, можно сделать вывод о том, что за неформленными зависимыми, выражающими нереферентные отношения, и неформленными зависимыми со значением целого в конструкции часть-целое стоит разная структура.

Список условных сокращений

1, 3 — 1-е, 3-е лицо; DAT — дательный падеж; LOC — местный падеж; NEG — отрицание; NFIN — нефинитная глагольная форма; NPST — не прошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число; X>X — субъектно-объектное согласование.

Литература

- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.
- Лельхова 2011 — Ф. М. Лельхова. Структурно-семантические типы словосочетаний в хантыйском языке (на материале шурышкарского диалекта). Ханты-Мансийск: Dominus, 2011.
- Плешак 2018 — П. С. Плешак. Некоторые сюжеты о структуре хантыйской ИГ. Экспедиционный отчет, 2018.
- Pereltsvaig, Lyutikova 2014 — A. Pereltsvaig, E. Lyutikova. Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar // Advances in the Syntax of DPs: Structure, agreement, and case [Linguistik Aktuell / Linguistics Today, Vol. 217]. Amsterdam, Netherlands, 2014. P. 93–219.

А. А. Бызова

МГУ, Москва — ИЯз РАН, Москва

**ЦЕЛЕВЫЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ
ЦАМÆЙ И КУЫД В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
СФЕРА УПОТРЕБЛЕНИЯ
И ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ¹**

Целевые конструкции (ЦК) выражают такое отношение двух ситуаций, когда одна из них совершается с намерением каузировать другую [Schmidtke-Vode 2009: 20]. Целевая полипредикация остается малоизученной областью, и поиск противопоставлений в семантической зоне цели остается актуальным. ЦК также интересны в свете уровневых теорий полипредикации (см. [Dik et al. 1990; Tsunoda (ed.) 2018]), предполагающих, что дистрибуция подчинительных показателей определяется «оболочкой» присоединяемых единиц: пропозиции (уровень ситуаций) vs речевые акты (иллокутивный уровень). Отдельные аспекты осетинских ЦК рассматриваются в работах [Выдрин 2011; Беляев 2014]. Настоящая работа, однако, представляет собой первый опыт анализа осетинского материала в свете уровневого подхода. Данные элицированы в ходе экспедиции в г. Владикавказ в 2023 году.

В осетинском языке распространены коррелятивные конструкции: в них зависимая клауза имеет подчинительный показатель, а главная — местоименный коррелят. В ЦК такими показателями могут быть *цамæй* (коррелят — группа с целевым послелогом) и *куыд* (коррелят — *афтæ*). Исходное значение союза *куыд* — ‘как’, и ЦК с *куыд* в некоторых идиолектах могут выражать цель, связанную с образом действия, ср. (1) и (2).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации»).

- (1) *Цæмæй хæринаг балц-мæ ра-йс-он,*
 чтобы еда поход-ALL PV-взять-SBJV.1SG
уый тыххæй / уы-мæ гæсгæ / уым-æн =æй
 тот[GEN] для тот-ALL согласно тот-DAT 3SG.GEN
с-цæттæ₁ код₂-тон.
 PV-приготовить_{1,2}-PST.1SG
 ‘Я приготовила еду, чтобы взять ее в поход.’

- (2) *Æз с-цæттæ₁ код₂-тон хæринаг,*
 я PV-приготовить_{1,2}-PST.1SG еда
балц-мæ =йæ куд райс-он, афтæ.
 поход-ALL 3SG.GEN чтобы взять-SBJV.1SG так
 ‘Я приготовила еду (так), чтобы взять ее в поход.’

Рассмотрим пропозициональный уровень. Для ЦК с показателем *цæмæй* при постпозиции зависимой клаузы характерно отсутствие коррелята, ср. (1) и (3):

- (3) *Æз с-цæттæ₁ код₂-тон хæринаг,*
 я PV-приготовить_{1,2}-PST.1SG еда
цæмæй =йæ балц-мæ ра-йс-он.
 чтобы 3SG.GEN поход-ALL PV-взять-SBJV.1SG
 ‘Я приготовила еду, чтобы взять ее в поход.’

Коррелят *афтæ* с союзом *куд* в той же конфигурации может быть опущен в одних контекстах и не может в других, ср. (4) и (5). Этот контраст позволяет предположить, что возможность опущения коррелята можно связать со степенью контроля над реализацией целевой ситуации — когда ситуация скорее не контролируема, *афтæ* опционален. Данный фактор может определять дистрибуцию целевых коннекторов, см. [Schmidtke-Bode 2009: 60–62]. С другой стороны, наличие коррелята может быть нетривиальным образом связано со значением образа действия. В докладе мы подробнее обсудим возможность такого анализа.

- (4) *Мад с-кодт-а чъири-тæ, райсом*
 мама PV-делать-PST.3SG пирог-PL утром
сывæлæт-тæ куд ба-хæр-ой, ^{??}(æфтæ).
 ребенок-PL чтобы PV-есть-SBJV.3PL так
 ‘Мама приготовила пироги (так), чтобы дети утром поели.’

- (5) *Фыстаг кæрт-ы ба-ныгæдт-а, адæм йæ*
письмо двор-LOC PV-копать-PST.3SG люди GEN.3SG
кыд ба-кæс-ой ис-кыу, (афтæ).
чтобы PV-читать-SBJV.3PL INDEF-когда так
‘Он закопал письмо во дворе (так), чтобы люди его когда-нибудь прочитали.’

На иллокутивном уровне, в отличие от пропозиционального, использование любого коррелята при *цæмæй* неграмматично, ср. (1) и (6):

- (6) *Цæмæй ма а-сай-он, *уый тыххæй /*
чтобы NEG PV-лгать-SBJV.1SG тот для
**уы-мæ гæсгæ / *уымаен уу авд минут-ы*
тот-ALL согласно тот.DAT APPROX семь минута-NUM
ра-цъд.
PV-идти-PST.3SG
‘{Сколько ты меня ждал?} Чтобы не соврать, минут семь прошло.’

Данный контраст можно объяснить тем, что «иллокутивная» целевая клауза с подчинительным показателем имеет низкую степень интеграции по отношению к главной, являясь самостоятельным речевым актом (см. [Frey 2020]), и анафорическая отсылка к ее пропозициональной оболочке через коррелят невозможна, поскольку она работает только на уровне пропозиций.

В докладе мы также рассмотрим другие синтаксические свойства конструкций с *кыд* и *цæмæй*.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ALL — аллатив; APPROX — аппроксиматив; DAT — датив; GEN — генитив; INDEF — показатель неопределенности; LOC — локатив; NEG — маркер отрицания; NUM — нумератив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PV — преверб; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число.

Литература

- Беляев 2014 — О. И. Беляев. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, Москва, 2014.
- Выдрин 2011 — А. П. Выдрин. Система модальности осетинского языка в сопоставительном освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН, СПб, 2011.
- Dik et al. 1990 — S. C. Dik, K. Hengeveld, E. Vester, C. Vet. The hierarchical structure of the clause and the typology of adverbial satellites // J. Nuyts, M. A. Bolkestein, C. Vet (eds.). *Layers and levels of representation in language theory*. Amsterdam: Benjamins, 1990. P. 25–70.
- Frey 2020 — W. Frey. On the categorical status of different dependent clauses. Manuscript, ZAS Leibniz-Centre General Linguistics, Berlin, 2020.
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. *A typology of purpose clauses*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Tsunoda (ed.) 2018 — T. Tsunoda (ed.). *Levels in Clause Linkage: A Cross-linguistic Survey*. [Comparative Handbook of Linguistics, Vol. 2]. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2018.

М.-Э. А. Винклер

ИЯз РАН, Москва — МГУ, Москва

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТАТСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ КОНТАКТОВ С АЗЕРБАЙДЖАНСКИМ¹

Татский язык (< иранские < индоевропейские) распространен на территории Азербайджана и Республики Дагестан, РФ. Существует только одно грамматическое описание ширванского татского идиома (< Азербайджан) [Suleymanov 2020]. Наше исследование проведено на материале другого татского идиома в с. Джалган и с. Нижний Джалган (Дербентский р-н РД) в 2023 г. методом анкетирования. Данный идиом на настоящий момент не изучен: в т. ч. отсутствуют сведения о морфосинтаксисе числительных и конструкций с ними, что и составит предмет обсуждения в докладе.

В работе [Suleymanov 2020] отмечается сильное влияние азербайджанского языка как государственного на ширванский татский. В Дербентском районе азербайджанский также распространен. Мы покажем, что в джалганском татском также широко представлено заимствование как материала, так и паттернов из азербайджанского (в терминологии [Matras, Sakel 2007]).

Как отмечено в работе [Suleymanov 2020: 236–239], в ширванском татском **количественные числительные** чаще всего употребляются с классификатором *-to*, ср. *çor-* ‘четыре’ → *çorto buror* ‘четыре брата’. Также в этом идиоме засвидетельствован классификатор *näfär*, заимствованный из азербайджанского (ср. [Гусейнов 1941: 226]) и сочетающийся только с наименованиями людей: *häš näfär ŗel* [восемь CLS ребенок] ‘восемь детей’. В ширванском

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

татском классификаторы не используются в конструкциях, где выражены единицы измерения: *di sähät* [два час] ‘два часа’.

Система джалганского диалекта татского языка устроена иначе. Лексема *näfär* не выступает в качестве классификатора и имеет только лексическое значение ‘человек’. Элемент *-to* также не имеет функции классификатора, поскольку может употребляться в конструкциях с единицами измерения (1). Также для ширванского в работе [Suleymanov 2020: 234] отмечается, что в конструкциях с количественными числительными существительное не маркируется показателем мн. ч. В докладе мы покажем, что в джалганском диалекте это не так: например, мн. ч. допустимо при наличии зависимых между числительным и существительным, ср. (2)–(3). В этом отношении джалганский татский типологически схож с рядом финно-угорских языков, см. [Винклер, в печати].

В ширванском татском существуют исконные **порядковые числительные**, образованные от количественных числительных с помощью составного аффикса *-toyin* (*satoyin* ‘третий’, *çortoyin* ‘четвертый’), однако они используются редко [Suleymanov 2020: 235]. Более частотны формы, образованные от татских количественных числительных с помощью азербайджанского маркера *-imji/-injî* (*säyimji* ‘третий’, *çorimji* ‘четвертый’). В джалганском татском используются порядковые числительные, целиком заимствованные из азербайджанского: *üçünji* ‘третий’, *dördenji* ‘четвертый’. Порядковые числительные татского происхождения известны носителям, однако, согласно их суждениям, практически не употребляются. Из типологических источников нам известно крайне мало примеров заимствования целого класса порядковых числительных (ср. с ситуацией в языке цак (тибето-бирманские) [Keisuke 2008]).

Для ширванского диалекта отмечается два способа выражения **приблизительности**: с помощью маркеров *ye-* ‘один’ и *bäjä=sä* [где=IND] ‘где-то’ [Suleymanov 2020: 234]. В джалганском диалекте используется стратегия с *ye-*, также мы обнаружили стратегии с препозитивным элементом *kündi* ‘близко’ и с постпозитивным эквативно-аппроксимативным элементом *gädäri*. Последний используется и в азербайджанском. С учетом более широкого типологического фона мы сопоставим дистрибуцию показателя

gädäri в татском и азербайджанском языках и сравним татскую стратегию с *ye-* с азербайджанской стратегией с *bir* 'один'.

(1) *bä mä panž-to kile ard kerek-ü.*
DAT/LOC 1SG пять-CARD килограмм мука быть_нужным-COP:2/3
'Мне нужно пять килограммов муки.'

(2) *bä sä ustul panž-to*
DAT/LOC верх стол пять-CARD
*čäške / *čäškə-ho pojstej.*
чашка чашка-PL стоять.PRS:3
'На столе стоят пять чашек.'

(3) *bä sä ustul panž-to*
DAT/LOC верх стол пять-CARD
ispoħi čäške / čäškə-ho pojstej.
красивый чашка чашка-PL стоять.PRS:3
'На столе стоят пять красивых чашек.'

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; CARD — количественное числительное; CLS — классификатор; COP — копула; DAT — датив; IND — неопределенность; LOC — локатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- Винклер, в печати — М.-Э. А. Винклер. Конструкции с количественными модификаторами // Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / отв. ред. Е. В. Кашкин, ред. М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М., в печати.
- Гусейнов 1941 — Г. Гусейнов. Азербайджанско-русский словарь. Баку: Изд-во АзФАН, 1941.
- Keisuke 2008 — Н. Keisuke. Cak numerals // Dhaka University Journal of Linguistics. 2008. Vol. 1. № 2. P. 1–10.

Matras, Sakel 2007 — Y. Matras, J. Sakel. Introduction // Y. Matras, J. Sakel (eds.). *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*, Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. P. 1–13.

Suleymanov 2020 — M. Suleymanov. *A Grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2020.

М. А. Волина

РГГУ, Москва

СИСТЕМА ДЕМОНСТРАТИВОВ В СОБСТВЕННО ХВАРШИНСКОМ¹

В контексте существующих описаний, в том числе в работе [Mukhin 2023], хваршинская система демонстративов кажется типологически непримечательной на фоне систем в языках ареала. В ее основе лежит бинарная оппозиция по дистанции (PROX vs DIST), самая распространенная в языках мира [Diessel 2013], дейктический центр² строго на говорящем, также по [Khalilova 2009] и [Khalilova, Testeleets, in prep.] система не имеет отдельных лексических или морфологических средств для различения видимости и высоты³.

Однако эта структурно «простая» система включает, согласно Khalilova, Testeleets, in prep], не менее 7 местоимений: «*ʒu* ‘he, she, it’», «*idu* ‘he, she, it (here)’», «*a-◊⁴-(e)du*», «*a-◊⁴endu*», «*hobo-du*», «*o-◊⁴-(e)ʒu*», «*hobo-ʒu*», и не менее 5 наречий: «*a-CL-d-i* ‘here’», «*hobo-d-i* ‘here’», «*o-CL-engo* ‘there’», «*a-CL-e* ‘right here’», «*o-CL-e* ‘right there’».

Причем легко заметить подобие их парадигм:

- общий для всех известных хваршинских указательных местоимений корень косвенной основы: *-s(u)-//l-(i)-//zid(u)-*, для I класса SG, не-I класса SG и PL, соответственно

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»). Данные собраны в 2023 году в селах Муцалаул и Хонох, Республика Дагестан.

² Точка, относительно которой оценивается отнесение к «близкой» или «дальней» зоне [Diessel 1999].

³ “Elevation” в работе [Mukhin 2023].

⁴ “◊ stands for the gender-number infix” [Khalilova, Testeleets, in prep.: 26].

- всего два варианта абсолютивной основы единственного числа в ABS.SG: *-du* — проксимальная основа, *-ʒu* — дистальная

С точки зрения структуры можно выделить три серии⁵ указательных местоимений, в каждую серию входят местоимения с дистальной и проксимальной основой и схожей во всем остальном морфологической структурой. Чтобы выяснить, есть ли у лексем одной серии общие семантические характеристики, был проведен эксперимент по анкете [Wilkins 1999] с расчетом дифференцировать функционал известных демонстративов — в первую очередь в их собственно дейктическом употреблении. Результаты эксперимента представлены в Таблице 1:

Таблица 1: Шкала осязаемой доступности

	<i>a-CL-(en)-du</i>	<i>o-CL-ʒu</i>	<i>hobo-(n)-du</i>	<i>hobo-ʒu</i>	<i>idu</i>	<i>ʒu</i>
части тела	+	-	₊??	-	₊?	-
в прямом контакте с телом	+	-	₊?	-	+	-
на расстоянии вытянутой руки	+	?	+	₊?	+	₊??
в зоне досягаемости адресата	+	+	+	+	+	₊?
в пределах социального пространства	+	+	+	+	+	+
в пределах дома	+	+	+	+	+	+
в шаговой доступности за пределами дома	+	+	+	+	₊?	+
около дня пути	₊?	+	?	₊??	-	+
несколько дней пути	-	+	-	-	-	+

Оказалось, зоны доступности для местоимений *hobo*-серии различаются меньше, чем для местоимений других серий, т. е. совокупно *вся серия*, хотя и сохраняет некоторую оппозицию по дистальности, демонстрирует признаки среднего дейктика.

Таблица 2. Матрица семантических компонентов демонстративов

	PROX	DIST
+MIDDLE +VIS	<i>hobo-du</i>	<i>hobo-ʒu</i>
-MIDDLE ?VIS	<i>idu</i>	<i>ʒu</i>
	<i>a-CL-du</i>	<i>o-CL-ʒu</i>

⁵ Термин позаимствован из [Forker 2013].

Литература

- Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: Form, Function, and Grammaticalization. T. 42. [Typological Studies in Language]. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Diessel 2013 — H. Diessel. Distance Contrasts in Demonstratives (v2020.3) // The World Atlas of Language Structures Online. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). Zenodo. doi: 10.5281/zenodo.7385533. URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7385533>.
- Forker 2013 — D. Forker. A Grammar of Hinuq. De Gruyter Mouton, 2013.
- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. A grammar of Khwarshi. Doctoral dissertation. Leiden: Leiden University, 2009.
- Khalilova, Testelefs, in prep. — Z. Khalilova, Y. Testelefs. Khwarshi // The Caucasian Languages. An International Handbook. [Handbooks of Linguistics and Communication Science]. The Hague; New York, Netherlands: Mouton, in prep.
- Mukhin 2023 — T. Mukhin. Demonstratives // M. Daniel et al. (eds.). Typological Atlas of the Languages of Daghestan (TALD). Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. doi: 10.5281/zenodo.6807070. URL: <http://lingconlab.ru/dagatlas>.
- Wilkins 1999 — D. Wilkins. The 1999 demonstrative questionnaire: “This” and “that” in comparative perspective // Manual for the 1999 field season. Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1999. P. 1–24.

А. А. Данилова

МГУ, Москва

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС ЧАСТИЦ *ik* И *es'* В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

В работе освещается в типологической перспективе семантика двух частиц татышлинского говора удмуртского языка, представляемых в лексикографии как синонимичные, — *ik* ('же; же и; даже' по [Udmcorp]) и *es'* ('ведь, же' [ibid.]). Также будут затронуты их синтаксические свойства. В работе [Зубова 2016] обсуждается семантика частицы *ik* в бесермянском удмуртском. Развернутых описаний частицы *es'* нам неизвестно. Материал исследования собран в 2023 г. в д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево и других населенных пунктах Татышлинского района Республики Башкортостан методом анкетирования. Также использовался экспедиционный корпус текстов (ок. 27,4 тыс. словоупотреблений).

Частица *es'* не засвидетельствована в большинстве диалектов удмуртского, где в похожих контекстах употребляется частица *uk* (ср. одинаковое значение в (1) и (7)). В работе [Arkhangelskiy 2023: 104] и *es'*, и *uk* отнесены к маркерам непротиворечивой информации, т. н. энимитивам (англ. *enimitive* по [Panov 2020]). Более детально их дистрибуция будет сопоставлена в докладе, предварительно мы считаем, что их функции и значение схожи.

(1) БЕСЕРМЯНСКИЙ УДМУРТСКИЙ

kəč'e so van'a, pet'a=uk so!

какой тот Ваня Петя=ЕМРН тот

{— Смотри, это Ваня.} — 'Какой же это Ваня, это Петя!'

[Зубова 2016: 449]

В работе [Зубова 2016: 444] отмечается, что в бесермянских текстах частицы *ik* и *uk* имеют практически дополнительную дистрибуцию, при этом *ik* преимущественно присоединяется к об-

стоятельствам и никогда — к финитным глаголам, в то время как *ik* встречается в основном при предикатах. По нашим данным, и *ik*, и *es'* употребляются как при аргументах/атрибутах (2), так и при предикатах (6)–(8), с различием в семантике выражения. Значение частицы *ik* лежит в зоне эмфатической идентичности (англ. *emphatic assertion of identity* по [König 1991: 120–125]), в то время как *es'* маркирует непротиворечивую информацию.

- (2) а. *pet'a derem=ik bas't-i-z.*
 Петя рубашка=PTCL взять-PST-3SG
 ‘Петя именно рубашку купил.’ / ‘Петя снова рубашку купил.’
- б. *pet'a derem=es' bas't-i-z.*
 Петя рубашка=PTCL взять-PST-3SG
 ‘Петя рубашку купил [ты забыл что ли?].’

По нашим данным, частица *ik* указывает на совпадение двух элементов разных ситуаций (3). Это значение обнаружено и в других диалектах удмуртского [Arkhangelskiy 2023; Зубова 2016].

- (3) *maša sil' žarit' kar-em*
 Маша мясо жарить делать-PST2
taba-ja-z=ik alma
 сковорода-LOC/ILL-POSS.3SG=PTCL картошка
žarit' kar-i-z.
 жарить делать-PST-3SG
 ‘Маша мясо пожарила в той же сковородке, где жарила картошку.’

При этом у частицы *ik*, в отличие от некоторых аналогичных частиц в языках Волжско-Камского союза (ср. горномарийскую частицу *ok* [Кашкин и др., в печати: 78–94; Kozlov, Zakirova 2023]), отсутствует значение подтверждения ранее введенной информации (4). Эти и другие ограничения будут подробнее обсуждены в докладе в ареальной перспективе.

- (4) *vas'a=ik tergaš-i-z?*
 Вася=PTCL ругаться-PST-3SG
 *‘Вася ведь ругался, так?’
 ОК ‘Опять Вася ругался?’

Кроме того, *ik* — это оператор над неким множеством, обозначающий выбор элемента из множества (5).

- (5) *pet'a futbolka no sviter óz*
 Петя футболка и свитер NEG.PST.3
bas'tâ, derem=ik bas't-i-z.
 взять рубашка=PTCL взять-PST-3SG
 'Петя не стал покупать футболку и свитер, а купил рубашку.'

Для значительного числа носителей допустимо присоединение частицы *ik* к предикатам с указанием на выбор из бинарного множества возможных исходов:

- (6) *ʔso lâkt-i-z=ik.*
 тот прийти-PST-3SG=PTCL
 'Он все-таки пришел[, а мы думали, что не придет].'

Частица *es'* модифицирует пропозицию, которую слушающий, по мнению говорящего, должен принять как истинную (7), и покрывает все значения энимитива на типологической карте [Рапов 2020], не употребляясь при этом в смежных с этой зоной контекстах, например, в общем вопросе (8).

- (7) — *uč'kâ-∅ kâč'e pič'i pinä pot-em!*
 смотреть-IMP какой маленький собака выйти-PST2
 — *a so koč'âš=es'!*
 а тот кошка=PTCL
 '— Смотри, какая маленькая собака выбежала!
 — А это же кошка!'

- (8) *ton bas't-i-d=es' derem?*
 ты взять-PST-3SG=PTCL рубашка
 *'Ты же купил рубашку?' / ОК 'Ты же купил рубашку! [напоминание]'

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; EMPH — эмфатическая частица; GEN — генитив; IMP — императив; ILL — иллатив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — первое

прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCL — частица; SG — единственное число.

Источники

Udmcorpus — Корпус удмуртского языка. Словарь. [Электронный ресурс] URL: <https://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения: 03.09.2023)

Литература

- Зубова 2016 — Ю. Н. Зубова. Синтаксис и семантика фокусных частиц в бесермянском диалекте удмуртского языка (на примере частиц *ik* и *uk*) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. XII. № 1. С. 442–450.
- Кашкин и др., в печати — Е. В. Кашкин, М-Э. А. Винклер, Д. Д. Мордашова. Конструкции с энклитикой =*ok* // Е. В. Кашкин (отв. ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. М., в печати.
- Arkhangelskiy 2023 — Т. Arkhangelskiy. Dialectal variation of Udmurt discourse clitics // Linguistica Uralica. 2023. Vol. 59. № 2. P. 100–129. doi: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2023.2.03>
- Kozlov, Zakirova 2023 — А. Kozlov, А. Zakirova. The exhaustive particle =*ok* in Hill Mari and beyond // Linguistica Uralica. 2023. Vol. 59. № 2. P. 154–188. doi: <https://dx.doi.org/10.3176/lu.2023.2.05>
- König 1991 — E. König. The meaning of focus particles. A comparative perspective. Routledge: London, New York, 1991.
- Panov 2020 — V. Panov. The Marking of Uncontroversial Information in Europe: presenting the enimitive // Acta Linguistica Hafniensia. 2020. Vol. 52. № 1. P. 1–44. doi: <https://doi.org/10.1080/03740463.2020.1745618>.

Е. П. Дорофеева

МГУ, Москва

НЕМНОГО О КОНТРАСТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ *-č* И *-msA* В ТЕРСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА¹

В терском диалекте кумыкского языка существуют два маркера, которые можно рассматривать как показатели контрастивного топика: *-č* и *-msA*.

- (1) *me toj-va bu gölek-ni gij-ge-me,*
1SG свадьба-DAT этот платье-ACC надеть-PFCT-1SG
ana-m bu gölek-ni ber-ge,
мать-1SG.POSS этот платье-ACC дарить-PFCT
me gör-e-me se bu
1SG видеть-IPFV-1SG 2SG этот
gölek-ni-č/-mse jarata-kan-iŋ.
платье-ACC-č/-MSA любить-PFCT-2SG
'(говорящая перебирает платья в шкафу) Это платье я надевала на свадьбу, это мне мать подарила, а это платье, я вижу, тебе нравится.'

Показатель *-č* описан в грамматике литературного варианта кумыкского языка [Гаджихмедов (отв. ред.) 2014] как одна из «повелительно-побудительных частиц». Носители терского диалекта считают *-č* эмоционально окрашенным и используют его или омонимичную ему единицу для образования более «приказного» императива.

Второй показатель, *-msA*, представляет собой стяженную форму условного наклонения глагола 'быть' (*bu-sa* → *m-sa* (быть-COND)); в терском кумыкском этот маркер контраста омонимичен показа-

¹ Материал собран методом анкетирования в Моздокском районе Республики Северная Осетия (с. Предгорное) в 2023 г.

телю условного наклонения *-msA* [Тевелева, Дорофеева 2022], однако им не является, свидетельством чему может служить (2), где *-msA* присоединяется к глаголу в форме условного наклонения:

- (2) *biz-ge Alim gel-se, it-ibiz uhla-p*
1PL-DAT A. приходит-COND собака-1PL.POSS спать-CVB
bol-a, Kerim gel-se-mse, hapla-p tur-a.
быть-IPFV K. приходит-COND-MSA лаять-CVB стоять-IPFV
'Когда к нам приходит Алим, наша собака спит, а когда приходит Керим, лает.'

Несмотря на взаимозаменяемость в (1) и подобных контекстах, существует несколько различий между этими двумя показателями. Например, *-msA* может встретиться в клаузе только один раз, тогда как для *-č* такого ограничения нет:

- (3) *Fatima Zaur-mnan, Sanijat-č Alim-mnen-č /*
Ф. З.-СОМ С.-Č А.-СОМ-Č
**Sanijat-msa Alim-mnen-mse.*
С.-MSA А.-СОМ-MSA
'(А: С кем из Заура и Алима встречаются Фатима и Саният?)
Б: Фатима с Зауром, а Саният с Алимом.'

Второе отличие состоит в том, что *-msA* вводит пресуппозицию данности, а *-č* — нет. Предложение (4) носители считают приемлемым только в том случае, когда фокусная составляющая, чей денотат дискурсивно дан (в случае (4) это *tüne* 'вчера'), маркирована при помощи *-msA*. В этом плане контраст между двумя рассматриваемыми маркерами схож с различием между русскими *только* и *именно*, см. [Козлов 2020].

- (4) *Ребенок хочет X, мать дает деньги на покупку X, ребенок покупает не X; на следующий день ребенок опять просит денег на X, мать спрашивает его:*

А: *tüne ne al-di-ŋ?*

вчера что покупать-PST-2SG

'Что ты вчера купил?'

В: *tüne-mse/*-č zarjadnik al-di-m.*

вчера-MSA/-Č зарядник покупать-PST-1SG

'А вчера я купил зарядник.'

Согласно [Bassi et al. 2022] существует два взгляда на оператор типа английского *only*: можно рассматривать его или как квантор с подвижным семантическим типом, или как пропозициональный оператор определенного семантического типа, который может реализоваться на любой составляющей. В работе [Yip 2023] приведены данные из кантонского языка, где даже в случае множественного фокуса устроенный как пропозициональный оператор *zinghai...zaa* ‘только’ реализуется только один раз, подобно кумыкскому *-msA* в (3). Можно предположить, что *-msA* является исключительно пропозициональным оператором (располагающимся на клаузальном уровне, но способным найти реализацию на любой составляющей в фокусе; если проводить параллель с отрицанием, то в терминах [Dahl 2010] это «синтаксический» оператор). Что касается *-č*, то он (возможно, являясь квантором) из-за подвижности своего типа может иметь сферу действия как только над составляющей (как «лексическое» отрицание), так и над всей клаузой (как в (5), где в фокусе не только субъект, а вся пропозиция):

- (5) *ten-či ajt-ti-m sava!*
 1SG-Č говорить-PST-1SG 2SG.DAT
 ‘(говорящий упрекает слушающего в том, что тот поступил не так, как хотел говорящий) Я же говорил тебе!’

Список условных сокращений

1, 2 — 1, 2 лицо; ACC — аккузатив; COM — комитатив; COND — условное наклонение; CVB — конверб; DAT — датив; IPFV — имперфектив; MSA, Č — контрастивные показатели *-msA*, *-č*; PFCT — перфект; PL — множественное число; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Гаджихмедов (отв. ред.) 2014 — А. З. Абдуллаева, Н. Э. Гаджихмедов, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев. Современный кумыкский язык / Отв. ред. Н. Э. Гаджихмедов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.

- Козлов 2020 — А. А. Козлов. Именно // ВАПросы языкознания: Мега-сборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плулуняна. М.: ООО «Буки-Веди», 2020. С. 250–255.
- Тевелева, Дорофеева 2022 — А. Е. Тевелева, Е. П. Дорофеева. Контрфактивные условные конструкции в терском диалекте кумыкского языка // Д. В. Герасимов (ред.). Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2022 г.). СПб: ИЛИ РАН, 2022. С. 153–156.
- Bassi et al. 2022 — I. Bassi, A. Hirsch, T. Trinh. Pre-DP only is a propositional operator at LF: a new argument from ellipsis // *Semantics and Linguistic Theory*. 2022. Vol. 1. 814. doi: 10.3765/salt.v1i0.5358.
- Dahl 2010 — Ö. Dahl. Typology of negation // L. R. Horn (ed.). *The expression of negation*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 9–38.
- Yip 2023 — K.-F. Yip. Agreeing with ‘only’. Talk presented at the 41st West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL-41), University of California, Santa Cruz. May 5–7, 2023.

А. С. Евдокимова

РГГУ, Москва

**ОН ВЫБРАЛ СМЕРТЬ:
АНАЛИТИЧЕСКИЕ ВИДО-ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ
СОБСТВЕННО ХВАРШИНСКОГО ЯЗЫКА¹**

Хваршинский язык — язык западноцезской подгруппы цезской ветви нахско-дагестанской языковой семьи. Он разделяется на два основных диалекта: инхокваринский и хваршинский. В настоящий момент видо-временная система собственно хваршинского языка описана в [Шарафутдинова, Левина 1961; Клягина 2016; Khalilova, Testelet, in prep.].

В хваршинском языке выделяется пять синтетических временных форм. Номенклатура аналитических конструкций, по предварительным данным, представляет собой ограниченное количество сочетаний форм настоящего, общего и непрямого прошедшего времен и инфинитива смыслового глагола с формами настоящего, общего и обоих прошедших времен вспомогательного. Вспомогательным выступает глагол *eša* ‘быть’. Вне аналитической конструкции форма настоящего времени выражает референцию к настоящему и запланированному будущему, форма общего времени — хабитуалис и будущее. Две формы прошедшего времени противопоставлены по эвиденциальности.

Таким образом, аналитические формы со смысловым глаголом в настоящем времени выражают прогрессив или имперфект, со смысловым глаголом в непрямом прошедшем времени — результатив; форма вспомогательного глагола зависит от временного и эвиденциального значения конструкции. Инфинитив смыслового

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

глагола в сочетании со вспомогательным глаголом в настоящем времени выражает будущее.

Таблица 1. Допустимые, согласно существующим описаниям, аналитические формы

Форма вспомога- тельного глагола	Форма смыслового глагола		
	Настоящее	Непрямое прошедшее	Инфинитив
Настоящее	Настоящее прогрессивное	Настоящее результативное	Аналитическое будущее
Общее	Настоящее хабитуальное	—	—
Прямое прошедшее	Имперфект	Прошедшее I результативное	—
Непрямое прошедшее	Имперфектный эвиденциалис	Прошедшее II результативное	—

В настоящем докладе мы покажем, что система аналитических форм хваршинского языка сложнее и типологически интереснее, чем предполагалось ранее.

Во-первых, каждый тип конструкций (при классификации по форме смыслового), по-видимому, формирует самостоятельную категорию, и эти категории могут сочетаться между собой. Так, сочетание прогрессива с аналитическим будущим приведено в примере (1).

- (1) *kur girida-ha j-eč-a gole*
 камень катиться-PRS V-быть-INF быть.PRS
 ‘Камень будет катиться.’

Во-вторых, Таблица 1 выше отражает лишь часть существующих форм. С одной стороны, матрицу можно расширить на одну строку за счет конструкций с общим временем смыслового глагола и прошедшим временем вспомогательного (2), с другой стороны, можно заполнить всю строку со смысловым глаголом в инфинитиве за счет конструкций с прошедшим временем вспомогательного, предсказуемо имеющих контрфактивное значение (3).

- (2) *de lako:χa ejča*
 1SG.ERG находить\GNT быть\PST.W
 ‘Я находил’ (раньше, хабитуально).
- (3) *žu ih-a ejča*
 DEM.AN.DIST.ABS умирать-INF быть\PST.W
 ‘Он бы умер’ (если бы его не спасли).

Наиболее интересным оказалось сочетание инфинитива смыслового глагола с формой общего времени вспомогательного. Форме общего времени доступно два значения: будущего времени и хабитуалиса; второе могло бы дать конструкции значение хабитуалиса в будущем, первое — сочетание будущего с будущим — кажется логически невозможным. Однако, вопреки предположениям, мы видим обратный контрафактив: описываемое будущее событие имеет альтернативы, которые не будут реализованы (4).

- (4) *žu ih-a e:ča*
 DEM.AN.DIST.ABS умирать-INF быть\GNT
 ‘Он умрет’ (намеренно, несмотря на шанс выжить).

Система аналитических форм хваршинского языка оказалась более сложной и интересной, чем описано ранее; помимо не описанных, но ожидаемых сочетаний различных граммем в языке обнаруживается совершенно новая, не укладывающаяся в привычные видо-временные категории форма.

Список условных сокращений

I — первое лицо; V — один из классов хваршинских существительных; ABS — абсолютив; AN — анафорический; DEM — демонстратив; DIST — дистальный; ERG — эргатив; GNT — общее время; INF — инфинитив; PRS — настоящее время; PST.U — непрямо прошедшее время; PST.W — прямо прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Клягина 2016 — Е. С. Клягина. Вид и время в собственно хваршинском. Экспедиционный отчет, 2016.

Шарафутдинова, Левина 1961 — Р. Шарафутдинова, Р. И. Левина. Хваршинский язык // Е. А. Бокарев (ред.). Вопросы изучения иберийско-кавказских языков: сборник статей. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. С. 89–122.

Khalilova, Testelets, in prep. — Z. Khalilova, Y. Testelets. Khwarshi // *The Caucasian Languages. An International Handbook*. [Handbooks of Linguistics and Communication Science]. The Hague; New York, Netherlands: Mouton, in prep.

К. В. Еремченко

РГГУ, Москва

**АСИММЕТРИЯ И ХАОС:
ГЛАГОЛЬНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ
В ХВАРШИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

О видо-временной системе хваршинского языка известно довольно много: в [Khalilova, Testelets, in prep.] отмечено, что в языке есть пять синтетических временных форм, аналитические же формы выражают скорее аспектуальные значения: прогрессив, хабитуалис, имперфект, результатив и проч. При этом хваршинский — один из тех языков, где существует синтетическая форма общего времени, выражающая хабитуалис или будущее время. Согласно существующей на эту тему литературе, подобное совмещение функций может быть связано с диахроническим развитием прогрессива в сторону как хабитуалиса, так и будущего времени [Haspelmath 1998: 48], или же с развитием хабитуалиса в сторону будущего времени, минуя прогрессив [Tatevosov 2005]. Семантическая зона глагольной множественности (ГМ), в которую входит хабитуалис, для хваршинского ранее подробно не изучалась. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

В соответствии с организацией семантической зоны ГМ [Шлуинский 2006: 72] мы составили анкету, контексты которой учитывали все представленные на карте значения. При работе с носителем учитывалось как порождение (перевод с русского), так и оценка грамматичности сконструированных примеров.

В Таблице 1 в Приложении представлено распределение форм для значений ГМ при референции к прошлому. Заметим, что конструкция имперфекта (по [Khalilova, Testelets, in prep.]), тяготеет к внесобытийным и индивидуальным значениям, а синтетическая форма прямого прошедшего — к эпизодическим, итеративным и внутрисобытийным значениям.

В парадигме настоящего времени также есть разделение на зоны; причем зона, где в настоящем регулярно порождается конструкция прогрессива (1), совпадает с зоной, где в прошедшем регулярно порождается ассиметричная ей форма прямого прошедшего времени (2); аналогичная асимметрия есть в зоне индивидуальных значений между общим временем и имперфектом (3) и (4).

(1) *da hoboža q^waja-ha gole hiše*
я.ABS сейчас писать-PRS быть.PRS книга

miša b-ajšo b-ajšo
воздух III-поднимать\PRS III-поднимать\PRS
'Я сейчас пишу книгу с перерывами.'

(2) *de hiṭχo hiše q^waj-ja ak`-ak`ej-t`a*
я.ERG вчера книга писать-PST.W RED-маленький-DSTR
'Вчера я писала книгу с перерывами.'

(3) *is-i kalen b-a:k^wa*
он-ERG кальян III-жечь\GNT
'Он курит.'

(4) *is-i b-ak^wa-ha b-ejča*
он-ERG III-жечь-PRS III-быть.PST.W
'Он раньше курил.'

На карте для референции к будущему (Таблица 2) уже нет деления на зоны, которые в той или иной степени совпадали на двух предыдущих картах: практически все значения могут выражаться как при помощи общего времени (GNT), так и при помощи аналитического будущего (INF + быть.PRS).

Таким образом, временная референция в хваршинском языке значительно влияет на выбор средства выражения значений в зоне ГМ. Возможно, причина такой особенности заключается как раз в том, что значения этой области и будущей временной референции в языке совмещены — тогда подобная картина ожидается также в других нахско-дагестанских языках.

Интересно, что аналитическое будущее выражает не только будущую референцию, но и обслуживает зону хабитуальных и других значений ГМ. Особенно интересно, на наш взгляд, что

оно появляется на карте прошедшего времени во внутрисобытийных значениях (5).

- (5) *huntxo himid-a j-ejca*
вчера смеяться-INF II-быть.PST.W
'Она вчера хихикала.'

Мы предполагаем, что в данном случае не хабиитуалис развивается в будущее время, как это описано в работе [Tatevosov 2005], а наоборот: будущее время развивается в хабиитуалис, минуя прогрессив.

Список условных сокращений

II, III — согласовательный класс; ABS — абсолютив; DSTR — дистрибутив; ERG — эргатив; GNT — общее время; INF — инфинитив; PRS — настоящее время; PST.W — прошедшее засвидетельствованное время; RED — редупликация.

Литература

- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 46–75.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without gramaticalization // Diachronica. 1998. Vol. 15. № 1. P. 29–62.
- Khalilova, Testelets, in prep. — Z. Khalilova, Y. Testelets. Khwarshi // The Caucasian Languages. An International Handbook. [Handbooks of Linguistics and Communication Science]. The Hague; New York, Netherlands: Mouton, in prep.
- Tatevosov 2005 — S. G. Tatevosov. From habituales to futures // H. J. Verkuyl, H. Swart, A. Hout (eds.). Perspectives on Aspect. Netherlands: Springer, 2005. P. 181–197.

Приложение

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМАТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ПРЕДИКАТНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ					ГЕНЕРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
ВНУТРИСОБЫТИЙНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	ИТЕРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	ВНЕСОБЫТИЙНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	ИНДИВИДУИЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	ИНДИВИДУИЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	
				характеризация (квалилатив) PRS + PST.W	генерич. знач.
	повторение (рефактив) PST.W	фреквентатив PRS + PST.W			
		ст. жаб. PRS + PST.W	индивидуальное состояние PRS + PST.W		
Дисконтинуатив PST.W		узватив PST.U + PST.W			
альтернатив				врожденный капац. PRS + PST.W	
				приобр. капац. PRS + PST.W	
Дупликатив PRS + PST.W					
PST.U + PST.W					
INF + PST.W					
мультипликатив (RED-)PRS + PST.W		раритив PRS + PST.W			
INF + PST.W					

Таблица 1. Глагольная множественность в прошедшем времени

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ПРЕДИКАТНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ			
ВНУТРИСОБЫТИЙНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ		ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДИКАТНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ	
ИТЕРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	ВНЕСОБЫТИЙНОЕ ЗНАЧЕНИЕ	ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ	ГЕНЕРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
		характеризация (кавалитатив)	генерич. знач.
	повторение (рефактив) GNT INF + PRS	фреквентатив GNT INF + PRS	
		ст.жаб. INF + PRS	индивидуальное состояние INF + PRS
Дисконтинуатив GNT		узкитив INF + PRS GNT	
альтернатив GNT INF + PRS			врожденный капац. GNT INF + PRS
Дупликатив INF + PRS			приобр. капац. INF + PRS
мультипликатив INF + PRS GNT		раритив GNT INF + PRS	

Таблица 2. Глагольная множественность в будущем времени

К. В. Ерохина

РГГУ, Москва

**ОЧЕНЬ ВЕТРЕННЫЙ NEG:
ТРИ СТЕПЕНИ ДОСТУПНОСТИ ОТРИЦАНИЯ
В АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ
ХВАРШИНСКОГО ЯЗЫКА**

Доклад посвящен степени доступности отрицания смысловому глаголу в аналитических видо-временных формах в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка (цезская группа < нахско-дагестанская семья).

В [Khalilova, Testelets, in prep.] описано пять синтетических видо-временных форм: презенс, общее время, прямое прошедшее (или аорист), непрямо прошедшее и будущее, а также несколько аналитических форм, состоящих из вспомогательного глагола ‘быть’ и различных форм смыслового глагола.

Отрицание в синтетических формах глагола выражается преимущественно кумулятивно со временем — различаются показатели отрицания для презенса, общего и прямого прошедшего времени, в то время как для непрямого прошедшего отрицание образуется аналитически, а у синтетического будущего нет соответствующей отрицательной конструкции.

Аналитические конструкции, по нашим данным, можно разделить на три типа: конструкции, которые не допускают отрицание на смысловом глаголе; конструкции, которые не всегда допускают отрицание на смысловом глаголе, и конструкции, которые всегда допускают такое отрицание.

**1. Конструкции, не допускающие отрицания
на смысловом глаголе**

К не допускающим отрицания относятся конструкции со смысловым глаголом в общем (1а–с) и непрямом прошедшем (2а–с)

временах; отрицание на смысловом глаголе запрещается носителями в сочетании с любой формой вспомогательного глагола.

- (1) a. *Šamil c'ali:da eč-aj.*
Шамиль учиться\GNT AUX-NEG.PST.W
- b. **Šamil c'alid-a:te ejša.*
Шамиль учиться-NEG.GNT AUX.PST.W
- c. **Šamil c'alid-a:te eč-aj.*
Шамиль учиться-NEG.GNT AUX-NEG.PST.W
'Шамиль не поучился.'
- (2) a. *Da iha-na gobč'i.*
1SG умирать-PST.U NEG.AUX.PRS
- b. **Da iha-na gobč'i gole.*
1SG умирать-PST.U NEG.AUX.PRS AUX.PRS
- c. **Da iha-na gobč'i gobč'i.*
1SG умирать-PST.U NEG.AUX.PRS NEG.AUX.PRS
'Я не умер.'

Данный запрет мог бы быть объяснен отсутствием синтетической формы отрицания у непрямого прошедшего, но, по-видимому, это не так (см. пункт 3).

2. Конструкции, нерегулярно допускающие отрицание на смысловом глаголе

В прогрессиве и имперфекте, где смысловой глагол стоит в форме презенса, а вспомогательный — в настоящем и прошедшем временах, соответственно, отрицание на смысловом глаголе допускается не для всех предикатов, ср (3) и (4):

- (3) *Qeta l-iχ-ate l-eča-na.*
дождь IV-идти-NEG.PRS IV-AUX-PST.U
'Дождь не шел.'
- (4) **Dawud-i hoboda l-ał-ate l-eča-na.*
Давуд-ERG поле.ABS IV-пахать-NEG.PRS IV-AUX-PST.U
Ожид.: 'Давуд не вспахивал поле.'

Интересно, что при двойном отрицании — и на смысловом глаголе, и на вспомогательном — появляются интерпретации

с модальной семантикой, которую обычно конструкции с ‘быть’ не демонстрируют (5).

- (5) *Qeta l-iḡ-ate l-eča-na gobč'i.*
дождь IV-идти-NEG.PRS IV-AUX-PST.U NEG.AUX.PRS
‘Дождь хотел идти, но что-то помешало.’

3. Конструкции, допускающие отрицание на смысловом глаголе

Аналитическая конструкция будущего времени, где используется инфинитив смыслового глагола, всегда допускает отрицание на смысловом глаголе. Интересно, что отрицательный инфинитив образуется при помощи отрицательного нарративного конверба и инфинитива вспомогательного глагола ‘быть’, то есть в данном случае отсутствие синтетической формы отрицания у лексического глагола в составе конструкции никак не влияет на допустимость переноса отрицания.

- (6) a. *Šamil c'alid-abč'u eča eča-na.*
Шамиль.ABS учиться-NEG.CVB быть AUX-PST.U
‘Шамиль не учился бы.’
- b. *Šamil c'alid-abč'u eča eča-na gobč'i.*
Шамиль.ABS учиться-NEG.CVB быть AUX-PST.U NEG.AUX.PRS
‘Шамиль учился бы.’

Способность допускать отрицание на смысловом глаголе можно рассматривать как тест на степень грамматикализации аналитической конструкции в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка. Аналитические формы в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка разделяются на три класса по допущению спуска отрицания с вспомогательного глагола на смысловой, что, таким образом, свидетельствует о разной степени грамматикализации этих аналитических форм.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; IV — четвертый согласовательный класс; ABS — абсолютив; AUX — вспомогательный глагол; CVB — конверб; ERG — эрга-

тив; FUT — будущее время; GNT — общее время; NEG — отрицание; PRS — презент; PST.U — непрямо́е прошедшее время; PST.W — прямо́е прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Khalilova, Testelets, in prep. — Z. Khalilova, Y. Testelets. Khwarshi // The Caucasian Languages. An International Handbook. [Handbooks of Linguistics and Communication Science]. The Hague; New York, Netherlands: Mouton, in prep.

А. А. Зиновьева

РГГУ, Москва

ТАКСИСНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В настоящем исследовании рассматриваются средства выражения таксисных отношений в михайловском говоре людиковского наречия карельского языка в сопоставлении с близкородственными языками — финским и вепским.

Таксисные отношения в финском [Храковский (отв. ред.) 2009] и вепском [Иванова 2014] языках могут быть выражены видо-временными глагольными формами, союзами, нефинитными формами — инфинитивами и причастиями, а также лексически, обстоятельствами одновременности, следования и предшествования [Храковский (отв. ред.) 2009].

Некоторые способы выражения темпоральных отношений в карельском языке представлены в работах [Зайков 1999] и [Иванова 2014], однако нет общего описания системы. Более того, таксисные отношения людиковского говора практически не описаны — большая часть работ посвящены либо собственно-карельскому, либо ливвиковскому говорам. В докладе будет подробно описана таксисная система михайловского наречия людиковского говора в терминологии [Храковский (отв. ред.) 2009] по материалам данных, собранных с помощью полевых методов (преимущественно элицитации) в ходе экспедиций в с. Михайловское 2022–2023 гг.

Таксисные конструкции михайловского говора в целом сопоставимы с финскими и вепскими таксисными конструкциями и могут быть как союзными, так и бессоюзными. Однако в михайловском говоре обнаружен ряд нетривиальных особенностей.

В данном говоре, в отличие от близкородственных идиомов, в союзной конструкции в зависимой клаузе допустимы нефинит-

ные формы глагола. Стоит отметить, что в рамках языковой выборки [Храковский (отв. ред.) 2009] конструкция нетипична, и, если в бессоюзных конструкциях причастия в зависимой клаузе обнаружены в ряде языков, в том числе в вепском и финском, то причастия в союзных конструкциях представляют собой проблему для формального описания в типологических терминах.

Предшествование и одновременность могут выражаться посредством II причастия — активного и пассивного, соответственно, — в зависимой клаузе при союзе *konz*:

- (1) *Konz D. stroi-nu kodi-t, häin*
 когда Д. строить-ACT.ПТСР2 дом-PART 3SG
ombli-i uzora-n.
 шить-PST.3SG узор-GEN
 ‘Когда Дарья построила дом, она вышивала (ковер/узор).’

- (2) *Konz D. stroi-tu kodi-t, häin*
 когда Д. строить-PASS.ПТСР2 дом-PART 3SG
ombli-i uzora-n.
 шить-PST.3SG узор-GEN
 ‘Когда Денис строил дом, она вышивала (ковер/узор).’

Конструкции с кореферентным субъектом в михайловском говоре также довольно необычны в сопоставлении с аналогичными в других рассматриваемых языках. В таких конструкциях таксисные отношения может выражать форма I инфинитива (форма сентенциального актанта при безличных глаголах, а также при фазовых и модальных глаголах). В таксисе эта форма используется в зависимой клаузе в конструкциях одновременности при не-предельном глаголе (3) и конструкциях предшествования при предельном глаголе (4):

- (3) *Višivai-da uzora-n D. nägi-i koiran.*
 вышивать-INF1 узор-GEN Д. видеть-PST.3SG собака-GEN
 ‘Вышивая узор, Д. увидела собаку.’
- (4) *Ombel-da uzora-n D. nägi-i koiran.*
 сшить-INF1 узор-GEN Д. видеть-PST.3SG собака-GEN
 ‘Дошив узор, Д. увидела собаку в дверях.’

Конструкции, подобные (3), (4) с I инфинитивом в вепсском и финском языках не наблюдаются, в грамматике карельского [Зайков 1999] такое поведение инфинитива также не описано. При этом II и/или III инфинитив в финском, вепсском, а также карельском языках участвуют в формировании бессоюзных таксисных конструкций, в то время как I инфинитив в финском и вепсском выступает исключительно как форма сентенциального актанта при глаголах.

Таким образом, таксисные конструкции михайловского говора людиковского наречия демонстрируют интересные и типологически нетривиальные отличия от близкородственных идиомов.

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; АСТ.РТСР2 — II активное причастие; GEN — генитив; INF1 — I инфинитив; PART — партитив; PASS.РТСР2 — II пассивное причастие; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Зайков 1999 — П. М. Зайков. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика, 1999.
- Иванова 2014 — Г. П. Иванова. Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИФЛ СО РАН, 2014.
- Храковский (отв. ред.) 2009 — Типология таксисных конструкций / Отв. ред. В. С. Храковский. М.: Знак, 2009.

А. Д. Иванова

НИУ ВШЭ, Москва

НЕМНОГО О ГЛАГОЛЬНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ: ПОКАЗАТЕЛЬ *-lʔet* В АМГУЭМСКОМ ЧУКОТСКОМ¹

Доклад посвящен семантике и дистрибуции одного из показателей глагольной множественности в амгуэмском говоре чукотского языка — суффиксу *-lʔet* (*-lʔat* в сильной гармонии). Данные были собраны методом элицитации в с. Амгуэма летом 2023 года. Стимулы составлялись с опорой на анкету для исследования семантики предикатной множественности из диссертации [Шлуинский 2005].

-lʔet занимает предпоследнюю позицию среди деривационных показателей глагола (перед фазовым показателем). В литературе имеются следующие его интерпретации: постоянность или длительная непрерывность действия [Скорик 1977; Dunn 1999], мультипликатив, дистрибутив и итератив [Nedjalkov et al. 1997]. В исследовании этого показателя в амгуэмском чукотском отмечается размытость его семантики — «маркирование повышенной интенсивности, высокой скорости, внешне- и внутрисобытийной множественности, а также множественности участников» [Волков, Игнатенко 2018]. В последней работе утверждается также, что в амгуэмском чукотском *-lʔet* необязательно меняет акциональный тип предиката, что контрастирует с более ранними интерпретациями данных стандартного чукотского [Dunn 1999; Недялков и др. 1984].

По нашим данным, показатель *-lʔet* может присоединяться к непереходным и ограниченно к переходным глаголам, причем от переходности исходного глагола зависит набор возможных интерпретаций деривата с показателем *-lʔet*.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В качестве показателя **внутрисобытийной множественности** *-lʔet* встречается с мультипликативными непереходными глаголами типа ‘кашлять’, ‘лаять’ и совместим со сценариями собственно мультипликатива, стандартного хабитуалиса, длительной продолжительности действия, итератива, фреквентатива и интенсивности, в качестве показателя **внешнесобытийной множественности** — также со сценарием большого количества объекта (*Бабушка сварила много супа*). Ни в одном из сценариев суффикс *-lʔet* не является обязательным — передача соответствующих значений возможна с помощью наречий, но в предложениях без наречий добавление к глаголу показателя *-lʔet* привносит значение **итератива, фреквентатива, интенсивности, большого количества объекта**:

- (1) *nɛnɛnə-∅ nə-teryat-lʔat-qen / teryatə-lʔatə-rkən*
ребенок-NOM.SG ST-плакать-PLAC-ST.3SG / плакать-PLAC-IPFV
а. ‘Ребенок постоянно/часто плачет.’
б. ‘Ребенок долго плачет.’
с. ‘Ребенок сильно/истерично плачет.’

Употребление *-lʔet* невозможно в контексте одного кванта мультипликатива, раритива, интенсивности в сочетании с одним квантом мультипликатива (*Старик один раз очень сильно кашлянул*), малого количества объекта (*Бабушка сварила мало супа*), а также в контексте нежелания агенса выполнять совершаемое действие или некачественного выполнения действия (2).

- (2) *nastʔa nə-miysiret-lʔet-qin*
Настя ST-работать-PLAC-ST.3SG
‘Настя (нормально) работает.’
*‘Настя (неохотно/медленно/кое-как) работает.’

С множественными объектами переходный дериват на *-lʔet* всегда сочетается и добавляет семантику большого количества объекта. С единичными объектами *-lʔet* либо не сочетается, либо сочетается в одном из значений, описанных выше для непереходных дериватов (3), то есть возникает множественность участников, считающаяся ядерной функцией глагольной множественности [Mattiola 2017].

(3) *epeqeј-ne*

бабушка-AN.INS

n-in-ɫeptə-ɫɫet-qin

neɫyɔ-n

ST-INV-выделять.шкуру.ногами-PLAC-ST.3SG шкура-NOM.SG

a. *‘Бабушка выделяет ногами шкуру/шкуры.’

b. *‘Бабушки выделяют ногами шкуры.’

c. ‘Бабушка усердно/долго/много раз выделяет ногами шкуру.’

Мы предполагаем, что как переходный дериват *-ɫɫet* допустим только со множественными объектами, а его интерпретация с единичными объектами в системах некоторых носителей возникает в результате коэрсии.

Актуальные по нашим данным значения суффикса *-ɫɫet* изображены в концептуальном пространстве глагольной множественности [Mattiola 2017] (Рис. 1).

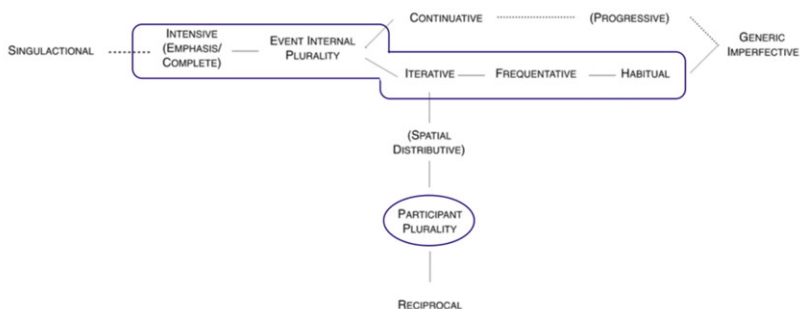

Рис. 1. *-ɫɫet* в концептуальном пространстве глагольной множественности [Mattiola 2017: 129]

В докладе мы также сравним наши выводы о показателе *-ɫɫet* с анализом, представленным в работах [Волков, Игнатенко 2018] и [Nedjalkov et al. 1997], и обсудим показатель в типологическом контексте.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AN — одушевленный; INS — инструменталис; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; NOM — номинатив; PL — множественное

число; PLAC — показатель глагольной множественности *-lʔet*; SG — единственное число; SING — сингулятив; ST — статив.

Литература

- Волков, Игнатенко 2018 — О. С. Волков, Д. И. Игнатенко. Глагольные деривации чукотского языка сквозь призму глагольной множественности // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2018. Т. 14. № 2. С. 111–131.
- Недялков и др. 1984 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, И. В. Недялков, В. Г. Рахтилин. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // А. В. Бондарко (отв. ред.). *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. Л.: ЛО издательства «Наука», 1984. С. 200–259.
- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. *Грамматика чукотского языка. Часть вторая: Глагол, наречие, служебные слова*. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1977.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. *Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.
- Dunn 1999 — M. Dunn. *A Grammar of Chukchi*. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999.
- Mattiola 2017 — S. Mattiola. The conceptual space of pluractional constructions // *Lingue e linguaggio*. 2017. Vol. 16. № 1. P. 119–146.
- Nedjalkov et al. 1997 — V. P. Nedjalkov, I. A. Muravyova, V. G. Raxtilin. Plurality of situations in Chukey // V. S. Xrakovskij (ed.). *Typology of Iterative Constructions*. München — Newcastle: LINCOM Europa, 1997. P. 310–328.

Э. Х. Измайлова

МГУ, Москва

-ЙЕДТÆ И ЕМУ ПОДОБНЫЕ: ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ МАРКЕРА СИМИЛЯТИВНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ИРОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

В настоящем исследовании рассматриваются особенности дистрибуции показателей репрезентативной множественности: *-йедтæ*, *-тедтæ* и *-итедтæ* в иронском диалекте осетинского языка.

Материал был собран методом элицитации в ходе экспедиции в г. Владикавказ (респ. Северная Осетия-Алания) летом 2023 г. Также привлекались данные Осетинского национального корпуса [ОНК].

Симилиативная множественность («класс объектов, включающих эксплицированный референт и другие объекты, обладающих чертами сходства с эксплицированным референтом» [Даниэль 2000: 26]) в осетинском языке ранее подробно не изучалась: формы с подобной структурой множественной референции описаны в грамматиках лишь в общих чертах [Ахвледиани (ред.) 1963: 95, 176; Багаев 1965: 126–127, 275], см. также краткие упоминания в работах [Цопанова, Качмазова 2016: 149; Цопанова, Айларова 2017: 104].

Конструкция представляет собой сочетание форм множественного числа прототипического референта (далее ПР) и плейсхолдера (слова-«заместителя», ср. рус. *этот самый, как его*) *йед* (1), при этом ПР может подразумеваться как в единственном числе, так и во множественном.

(1) *фæткъуы-тæ-йед-тæ*

яблоко-PL-PH-PL

‘яблоко/яблоки и тому подобное’

Имеющиеся сведения о падежном маркировании в симилиативных формах весьма противоречивы. Так, во всех примерах не

в номинативе в работах [Ахвледиани (ред.) 1963; Багаев 1965] падежом маркируются оба элемента конструкции (2), в то время как корпусные данные, представленные в Таблице 1, отражают предпочтение к стратегии с немаркированным ПР (3).

(2) *Мәләет-т-ы-йед-т-ы кой ыы та кәен-ыс?*
смерть-PL-GEN-PH-PL-GEN разговор что же делать-PRS.2SG
'Что ты говоришь о смерти и прочем?' [Багаев 1965: 126]

(3) *Хъазтызәер-тә-йед-т-әм нә ыд-ысты.*
вечеринка-PL-PH-PL-ALL NEG идти-PST.INTR.3PL
'На вечеринки и тому подобное они не ходили.' [ОНК]

Примечателен тот факт, что в разговорной речи конструкции вида *Х-тә-йедтә* постепенно вытесняются ранее не засвидетельствованными в литературе фонетически упрощенными формами вида *Х-тедтә*. Отлична ли дистрибуция маркера *-тедтә* от *-тә-йедтә*? Обусловлена ли этим противоречивость корпусных данных? Искажает ли их орфографическая традиция? Для ответа на эти вопросы мы решили исследовать поведение данных показателей с ПР, у форм которых происходит чередование в корне при образовании множественного числа.

Таблица 1. Падежное маркирование конструкций симулятивной множественности в ОНК

Падеж формы ПР Падеж <i>-йедтә</i>	Падеж <i>-йедтә</i>	NOM
GEN	9	8
DAT	7	15
ALL	4	13
ABL	6	15
IN	4	4
SUPER	–	7
COM	–	5

В результате мы отметили не только высокую степень грамматикализации показателя *-тедтә* и разницу в дистрибуции

с *-тæ-йедтæ* (5)–(8), но и возможность разграничения числовой интерпретации, ср. (4).

- (4) *Стъол-тæ-йед-тæ* / *стъол-медтæ*
стол-PL-PH-PL стол-SIM.PL
ба-лхæд-т-он *ног хæдзар-мæ.*
PV-купить-TR-PST.TR.1SG новый дом-ALL
'Я купил стол/столы и {другие предметы мебели} в новый дом.'
- (5) *Чингуы-тæ-йед-тæ* / *чингуы-медтæ* *Аллон-Биллон-ы*
книга-PL-PH-PL книга-SIM.PL А.-IN
ба-уæй *кæн-ыны.*
PV-продажа делать-PRS.1PL
'В (магазине) Аллон-Биллон продаются книги и {другая печатная продукция}.'
- (6) *Чиныг-медтæ* / **чиныг-тæ-йед-тæ* *стъол-ыл*
книга-SIM.PL книга-PL-PH-PL стол-SUPER
хуыссыд-ысты.
лежать-PST.INTR.3PL
'На столе лежали книга и {другие учебные принадлежности}.'
- (7) *Чиныгдон-ы* *чингуы-медт-ыл* /
библиотека-IN книга-SIM.PL-SUPER
чингуы-т-ыл-йед-т-ыл / *??чингуы-тæ-йед-т-ыл*
книга-PL-SUPER-PH-PL-SUPER книга-PL-PH-PL-SUPER
мыхуыр æвæр-ыны.
печать ставить-PRS.3PL
'В библиотеке на книгах и {другой печатной продукции} ставят печать.'
- (8) *Чиныг-медт-ыл* / **чиныг-тæ-йед-т-ыл*
книга-SIM.PL-SUPER книга-PL-PH-PL-SUPER
мыхуыр лæууыд-и.
печать лежать-PST.INTR.3SG
'На (той) книге и {другой печатной продукции} стояла печать.'

В докладе мы также обсудим конструкции вида *X(-тæ) æмæ йедтæ/медтæ*, путь грамматикализации маркера ассоциативной множественности *-итедтæ* и его семантику.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; COM — комитатив; DAT — датив; GEN — генитив; IN — инессив; INTR — непереходность; NEG — отрицание; PH — плейсхолдер; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PV — преверб; SG — единственное число; SIM — симилятив; SUPER — суперэссив; TR — переходность.

Источники

ОНК — Осетинский национальный корпус (электронный ресурс). URL: <http://corpus.ossetic-studies.org/>

Литература

- Ахвледиани (ред.) 1963 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.
- Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Часть I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.
- Даниэль 2000 — М. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2000.
- Цопанова, Айларова 2017 — Р. Г. Цопанова, Э. Д. Айларова. Стилистическая характеристика местоимения (на материале осетинского языка) // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 6. С. 103–105.
- Цопанова, Качмазова 2016 — Р. Г. Цопанова, Е. С. Качмазова. Категория числа имени существительного в системе стилистических средств // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Вып. 8. № 50. С. 147–150.

Т. Б. Казакова
НИУ ВШЭ, Москва

**БИНОМИНАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ
В АМГУЭМСКОМ ЧУКОТСКОМ:
КОМИТАТИВЫ И НЕ ТОЛЬКО¹**

Чукотский язык (< чукото-камчатская семья) — язык с последовательным эргативным падежным маркированием [Скорик 1961; Dunn 1999]. Однако, согласно нашим полевым данным², в амгуэмском чукотском в некоторых конструкциях, выражающих совместность, А-участник может, а иногда даже должен маркироваться тем же падежом³, что и объект (1а).

(1) а. *atləyə-n* (/atləy-e) *y-ekke-te*
отец-NOM.SG (/отец-INS) СОМ-сын-INS
ne-kənʔu-yʔe-n *qora-ŋə*
LOW.A-поймать.арканом-ТН-3SG.O олень-NOM.SG
‘Отец с сыном поймали оленя.’

б. *atləy-e* (*/atləyə-n)
отец-INS (*/отец-NOM.SG)
∅-kənʔu-ni-n *qora-ŋə*
2/3.S/A-поймать.арканом-3SG.A.3.O-3SG.O олень-NOM.SG
‘Отец поймал оленя.’

Работы, посвященные чукотской эргативности [Comrie 1979; Nedjalkov 1979; Polinsky 2016; Kasyanova 2019], рассматривают

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

² Материалы собраны в 2022 и 2023 годах в селе Амгуэма Иультинского района.

³ Вслед за [Muravyova et al. 2001: 310–311], я называю падеж, маркирующий А-участника, инструменталисом, а падеж S- и Р-участников — номинативом.

преимущественно вопросы синтаксической эргативности, в них не упоминаются отклонения от стратегии падежного маркирования, в частности из-за наличия спутника у А-участника.

В типологических работах о комитативах [Архипов 2009; Stolz et al. 2006] влияние семантики совместности на эргативность не отмечается, описываемую конструкцию нельзя назвать типологически ожидаемым явлением, связанным с комитативностью.

В работе [Dixon 1994: 70–110] описываются факторы, которые могут влиять на выбор падежа в языках с расщепленной системой кодирования актантов. Среди них семантические свойства именных групп и ТАМ (время, аспект и наклонение).

В то время как биабсолютивные конструкции в нахско-дагестанских языках достаточно подробно изучены [Forker 2012], параметры, влияющие на возникновение двух номинативов в чукотском, лишь предстоит описать.

Подобная биноминативная конструкция с разной частотой встречается в целом ряде случаев:

- спутник А-участника маркируется комитативом на *ye-...-te* (COM-...-INS) (1)
- спутник стоит в комитативе на *ya-...-ma* (COM-...-SIM), который чаще используется с малоагентивными низкоодушевленными спутниками (2)
- спутник оформляется послелогом =*reen* ('с') (3)
- наличие спутника выражается сочинением (4)
- наличие спутника выражается атрибутивным причастием (5)

При этом глагол всегда остается переходным.

- (2) *qlawət-∅* *ya-təŋasʔə-ma*
 мужчина-NOM.SG COM-растение-SIM
n-en-atsʔa-qen *ŋewəsqet-∅*
 ST-INV-ждать-ST.3SG женщина-NOM.SG
 'Мужчина с цветами ждал девушку.'

- (3) *saša tan'a-na=reən ne-re-keŋi-ŋə-n*
 Саша Таня-AN.INS=с LOW.A-FUT-писать-FUT-3SG.O
keliket-∅
 книга-NOM.SG
 'Саша с Таней напишут книжку.'

- (4) *ətʔa-∅* *ənkʔam ɲe-ekek*
 мама-NOM.SG и FEM-сын
ne-rkur-ne-t *kenti-t*
 LOW.A-покупать-3SG.O-PL конфета-NOM.PL
 ‘Мама с дочкой купили конфеты.’
- (5) *ʔorawetʔa-n* *ɣiteneɲə-ʔə-n* *ʔəttʔəjot*
 человек-NOM.SG бинокль-ATTR-SG перед
∅-ʔu-ni-n *ʔinə-∅*
 2/3.S/A-видеть-3SG.A.3.O-3SG.O волк-NOM.SG
 ‘Человек с биноклем первым увидел волка.’

Так как только одна из этих стратегий (1) связана с морфологическим показателем инструменталиса на спутнике, это явление не удастся объяснить групповой флексией.

Как и предсказывается в работе [Dixon 1994: 85], чем ниже позиция А-участника в расширенной иерархии одушевленности, тем обязательнее эргативное маркирование. Так, наиболее часто инструменталис запрещают в конструкциях с А-участником, выраженным местоимением, а наиболее обязателен он при множественном низкоодушевленном А-участнике (6).

- (6) *mren-e* *(*mre-nti)* *ɣa-panrapʔak-ma ɣət*
 комар-INS *(*комар-NOM.PL)* СОМ-мошка-SIM я
ne-ni-ɣət
 LOW.A-кусать-1SG.O
 ‘Комары с мошками меня покусали.’

В докладе будут описаны особенности конструкций: поведение при разрыве А-участника со спутником и иных изменениях порядка слов, возможность вставки местоимения, обобщающего А-участника со спутником, возможность вставки деепричастия *wa-ma* (быть-SIM) для разделения предложения на две клаузы, поведение конструкции в вопросительных предложениях, зависимость от информационной структуры.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — показатели лица участников ситуации; А — активный участник переходной конструкции; AN — высокоодушевленный; ATTR — атрибу-

тивизатор; COM — комитатив; CS — каузатив; DIM — диминутив; FEM — феминитив; FUT — будущее время; INS — инструменталис; INV — инверсив; LOW — низкий по иерархии лиц; NOM — номинатив; O — прямой объект; PL — множественное число; S — единственный актант непереходного глагола; SG — единственное число; SIM — конверб одновременности; ST — статив; TH — тематический показатель на глаголе; TR — транзитивизатор.

Литература

- Архипов 2009 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Часть первая. Фонетика и морфология именных частей речи. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of ergativity: some Chukchee evidence // F. Plank. (ed.). Ergativity: Towards a theory of grammatical relations. London: Academic Press, 1979. P. 219–240.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. Doctoral dissertation. Canberra: Australian National University, 1999.
- Forker 2012 — D. Forker. The bi-absolute construction in Nakh-Daghestanian // *Folia Linguistica*. 2012. Vol. 46. № 1. P. 75–108.
- Kasyanova 2019 — P. A. Kasyanova. Inconsistent ergativity in Chukchi. М.: HSE, 2019.
- Muravyova et al. 2001 — I. A. Muravyova, M. A. Daniel, T. Yu. Zhdanova. Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz. Part 1, Part 2. Moscow: A RSS/OSSF report (Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No 584/1999), 2001.
- Nedjalkov 1979 — V. P. Nedjalkov. Degrees of ergativity in Chukchee // F. Plank. (ed.). Ergativity: Towards a theory of grammatical relations. London: Academic Press, 1979. P. 241–262.
- Polinsky 2016 — M. Polinsky. Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On Comitatives and Related Categories. A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. Berlin: Walter de Gruyter, 2006.

И. В. Калякин

ИЯз РАН, Москва — НИУ ВШЭ, Москва

АНТИПАССИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В МУИРИНСКОМ ДАРГИНСКОМ¹

В языках даргинской группы имеется достаточно редкая для нахско-дагестанской семьи антипассивная конструкция. Даргинский антипассив примечателен и с типологической точки зрения, поскольку он не имеет формального маркирования в глагольной словоформе [Polinsky 2005]. В докладе рассматриваются свойства антипассивной конструкции в муиринском языке (< северно-центрально-даргинские < даргинские < нахско-дагестанские [Коряков 2021]), а также предлагается анализ ее аргументной структуры. Материал для исследования был собран методом элицитации в ходе лингвистической экспедиции в селение Калкни (Дахадаевский район, Республика Дагестан) в июне-июле 2023 года.

Антипассивная конструкция (антипассив) — конструкция, в которой логический объект переходного предиката реализуется не как прямое дополнение, а как неядерный аргумент/адъюнкт или вовсе не выражается [Spreng 2010; Polinsky 2017]. Иными словами, антипассивный предикат является семантически переходным, но морфологически непереходным, поскольку в синтаксисе прямое дополнение не может быть лицензировано.

Наличие в муиринском языке антипассива подтверждается рядом морфологических фактов. В первую очередь следует отметить падежное маркирование. Муиринский является морфологически эргативным языком: внешний аргумент переходного предиката оформляется эргативом, а внутренний — абсолютивом (1a). В антипассивной конструкции имеет место падежное маркирование,

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-01648 «Вариативность в дискурсе и словаре: исследование близкородственных языков цифровыми методами».

свойственное непереходным клаузам: внешний аргумент получает абсолютив, а внутренний — (неядерный) эргатив, характерный адъюнктивным DP (1b). На разную природу эргативных падежей в данных примерах указывает то, что лишь эргатив внешнего аргумента может контролировать классно-числовое согласование в связке, ср. (1a) и (1b).

- (1) a. *učeniku-n-a-li žuz-i d-uč'-u-li*
 ученик-PL-OBL.PL-ERG книга(ABS)-PL NPL-читать-PRS-CVB
sai
 <HPL>COP
- b. *učeniku-ni žuz-Ø-a-li*
 ученик(ABS)-PL книга-PL-OBL.PL-ERG
b-uč'-u-li {*sai* /**sa<d>i*}
 HPL-читать-PRS-CVB <HPL>COP <NPL>COP
 (a=b) 'Ученики читают книги.'

Муиринский антипассив также характеризуется интерпретационными свойствами, часто ассоциируемыми с данной конструкцией: требуется, чтобы употреблялся глагол несовершенного вида (2), а внутренний аргумент был нереферентным/неопределенным (3).

- (2) a. *ħuša bic:i-gan c'ulħa-li d-uc'-u-r=ra*
 вы(ABS) вкусный-ADJ хлеб-ERG 1/2PL-печь.IPFV-PRS-CVB=2PL
 'Вы печете вкусный хлеб.'
- b. **ħuša bic:i-gan c'ulħa-li d-erc'-ib*
 вы(ABS) вкусный-ADJ хлеб-ERG 1/2PL-печь.PFV-AOR
 Ожид.: 'Вы испекли вкусный хлеб.'
- (3) **pat'imat har zamana ħuni r-iq:-u-li sa<r>i*
 П.(ABS) каждый время ты.ERG F-носить-PRS-CVB <F>COP
 Ожид.: 'Патимат всегда носит тебя (на руках).'

Наконец, антипассивная конструкция допускает лишь такую интерпретацию, при которой внутренний аргумент имеет узкую сферу действия относительно прочих операторов (4), в то время как в эргативной конструкции для данного аргумента доступной оказывается и широкая сфера действия.

- (4) *liir=ra buk'u-ni si-vuna-l mac:a-li*
 <HPL>все=ADD чабан(ABS)-PL что-LIKE-ATR овца-ERG
luʔ-aʕ-li sai
 стричь.IPFV-PRS-CVБ <HPL>COP
 'Все чабаны стригут какую-то овцу.' ($\forall > \exists$; $*\exists > \forall$)

Вслед за рядом работ [Spreng 2012; Yuan 2018; Coon 2019] в рамках нашего анализа постулируется специальная функциональная вершина — *ap*, имеющая аспектуальную природу, которая отражена в наличии признака [-telic], и лицензирующая внутренний аргумент, приписывая ему ингерентный эргатив. Вершина Voice, не найдя на первом цикле подходящей DP, приписывает абсолютив своему спецификатору и согласуется с ним [Béjar, Rezac 2009]. Прочие свойства обуславливаются низким положением внутреннего аргумента в синтаксической структуре [Diesing 1992]. Более подробное обсуждение аргументной структуры антипассивной конструкции, а также возможных проблем для предлагаемого анализа будет представлено в докладе.

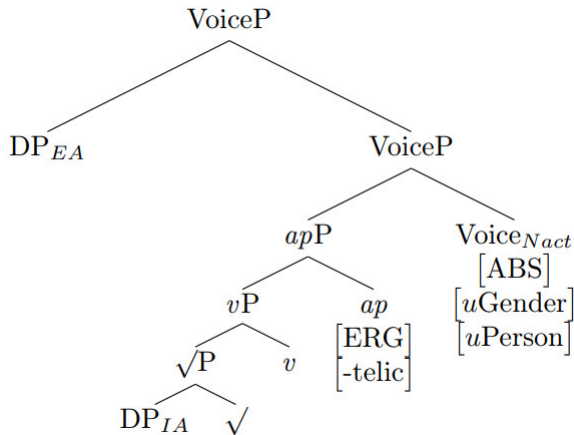

Рис. 1. Аргументная структура антипассивной конструкции

Список условных сокращений

1, 2 — 1, 2 лицо; ABS — абсолютив; ADD — аддитивный показатель; ADJ — прилагательное; AOR — аорист; ATR — атрибутивный показатель;

SOP — идентифицирующая связка; CVB — простое деепричастие; ERG — эргатив; F — женский класс; NPL — личный множественный класс; IPFV — имперфектив; LIKE — частица, выражающая подобие; M — мужской класс; NPL — неличный множественный класс; OBL — косвенная основа; PFV — совершенный вид; PL — множественное число; PRS — презент.

Литература

- Коряков 2021 — Ю. Б. Коряков. Даргинские языки и их классификация // Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец (ред.). Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова. М.: Буки Веди, 2021. С. 139–154.
- Béjar, Rezac 2009 — S. Béjar, M. Rezac. Cyclic Agree // *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40. № 1. P. 35–73.
- Coon 2019 — J. Coon. Building Verbs in Chuj: Consequences for the Nature of Roots // *Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 55. № 1. P. 35–81.
- Diesing 1992 — M. Diesing. *Indefinites*. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
- Polinsky 2005 — M. Polinsky. Antipassive Constructions // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 438–441.
- Polinsky 2017 — M. Polinsky. Antipassive // J. Coon, D. Massam, L. Travis (eds.). *The Oxford Handbook of Ergativity*. Oxford: Oxford Handbooks, 2017. P. 308–331.
- Spreng 2010 — B. Spreng. On the Conditions for Antipassives // *Language and Linguistics Compass*. 2010. Vol. 4. № 7. P. 556–575.
- Spreng 2012 — B. Spreng. *Viewpoint Aspect in Inuktitut: The Syntax and Semantics of Antipassive*. PhD Thesis. Toronto: University of Toronto, 2012.
- Yuan 2018 — M. Yuan. *Dimensions of Ergativity in Inuit: Theory and Microvariation*. PhD Thesis. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology, 2018.

Э. К. Кожевникова

МГУ, Москва

КОНСТРУКЦИИ ВТОРИЧНОЙ ПРЕДИКАЦИИ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Депиктив — конструкция вторичной предикации, которая обозначает совпадающее по времени с главным событием состояние участника этого события:

(1) *Рустам встретил Олю грустной.*

В докладе мы рассмотрим морфосинтаксические и семантические свойства депиктивов и прочих конструкций вторичной предикации в татышлинском говоре удмуртского языка, сравним наш материал с данными литературного языка, а также оценим допустимость различных типов конструкций в зависимости от выражаемых ориентированных на участника значений, опираясь на семантическую карту [Himmelman, Schultze-Berndt 2005: 29]. Материал собран методом анкетирования в селах Старый Кызыл-Яр, Ивановка и Нижнебалтачево Татышлинского района Республики Башкортостан в 2023 г.

Ранее вторичная предикация в удмуртском языке подробно не рассматривалась. В работе [Edugarova 2017: 314], где содержится краткая справка об этом, в качестве депиктивной приводится конструкция, маркированная инструменталисом:

(2) *šu náń-ez páš-en no,*
калина хлеб-ACC горячий-INS ADD
kežyt-en no síynu lu-e
холодный-INS ADD есть-INF стать-PRS.3SG
‘Пирожки с калиной можно есть горячими и холодными.’
(Ken’eš, April 2007: 35)

В татышлинском говоре конструкция с инструменталисом не во всех контекстах связывается с вѐременным состоянием участника события и воспринимается частью носителей как комитативная:

- (3) *rustam ol'a-jez pinal-en pumita-Ø-z*
 Рустам Оля-АСС молодой-INS встретить-PST-3SG
 ?'Рустам встретил Олю молодой/молодым.'
 #'Рустам встретил Олю с ребенком.'

В [Edugarova 2017] в качестве альтернативной конструкции с семантикой состояния участника приводится конструкция с послелогом *dърja* 'во время'. В татышлинском говоре данная стратегия является основной:

- (4) *mi ol'a-jez źad'-em dърja-z /*
 мы Оля-АСС устать-PTCP.PST во_время-POSS.3SG
 ??*źad'-em-en pumita-Ø-m*
 устать-PTCP.PST-INS встретить-PST-1PL
 'Мы встретили Олю уставшей.'

Синтаксической особенностью конструкции с послелогом является согласование по лицу с ее контролером, ср. (5a–b).

- (5) a. *mi źad'-em dърja-mъ*
 мы устать-PTCP.PST во_время-POSS.1PL
ol'a-jez pumita-Ø-m
 Оля-АСС встретить-PST-1PL
 'Мы встретили Олю уставшими.'
- b. *mi ol'a-jez źad'-em dърja-z*
 мы Оля-АСС устать-PTCP.PST время-POSS.3SG
pumita-Ø-m
 встретить-PST-1PL
 'Мы встретили Олю уставшей.'

Ранее в типологических работах упоминались конструкции с послелогамии в качестве одной из стратегий кодирования вторичной предикации [Амека 2005: 360; van der Auwera, Malchukov 2005: 401; Boeder 2005: 233], однако их синтаксическая и семан-

тическая дистрибуция не описывалась подробно. Мы рассмотрим значения, выражаемые конструкцией с послелогом *dârja*, и ее синтаксические особенности.

В [Edugarova 2017: 316] также приводится конструкция с деепричастием *luysa* (< *luynu* ‘стать, становиться’), которая может выражать функцию или профессию участника. Данная конструкция выражает в татышлинском говоре и другие значения вторичной предикации, в частности, физическое состояние, как в примере (6):

- (6) a. *pünä uram-is' kot dârja-z pâr-i-z*
 собака улица-EL мокрый время-POSS.3SG зайти-PST-3SG
 b. **pünä uram-is' kot-en pâr-i-z*
 собака улица-EL мокрый-INS зайти-PST-3SG
 c. *pünä uram-is' kot lû-sa pâr-i-z*
 собака улица-EL мокрый становиться-CVB зайти-PST-3SG
 ‘Собака вернулась с улицы мокрой.’

Однако в некоторых контекстах у данной конструкции возникает значение притворной модальности (см. также [Кельмаков 1973]), блокирующее депиктивную интерпретацию (7). В докладе мы подробно рассмотрим контексты ориентированных на участника значений по [Himmelman, Schultze-Berndt 2005: 29] и определим, в каких из них допустима конструкция с деепричастием бытийного глагола в качестве вторичной предикации.

- (7) *ol'a d'ivan-ân vis'-em lû-sa kâl'l'-e*
 Оля диван-LOC болеть-PTCP.PST стать-CVB лежать-PRS.3SG
 ‘Оля притворяется больной и лежит на диване.’
 *‘Оля больная лежит на диване.’

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CVB — деепричастие; EL — элатив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Кельмаков 1973 — В. К. Кельмаков. Об отглагольных послелогох *шуйса* и *луыса* в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Удмурт. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Сов. Мин. Удмурт. АССР, 1973. С. 123–151.
- Амека 2005 — F. K. Ameka. Forms of secondary predication in serializing languages: On depictives in Ewe // N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt (eds.). Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 335–378.
- van der Auwera, Malchukov 2005 — J. van der Auwera, A. Malchukov. A semantic map for depictive adjectivals // N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt (eds.). Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 393–421.
- Boeder 2005 — W. Boeder. Depictives in Kartvelian // N. P. Himmelmann, E. F. Schultze-Berndt (eds.). Secondary predication and adverbial modification: The typology of depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 201–236.
- Edygarova 2017 — S. Edygarova. The Udmurt essive and its functional counterparts // C. de Groot (ed.). Uralic Essive and the Expression of Impermanent State [Typological Studies in Language, 119]. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 309–323.
- Himmelmann, Schultze-Berndt 2005 — N. Himmelmann, E. Schultze-Berndt (eds.). Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives. Oxford: Oxford University Press, 2005.

М. Р. Копосова

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

К ПРОТОТИПУ ИНТОНАЦИОННОГО ПОДЪЕМА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В нейтральном высказывании маркером темы выступает акцент типа ИК-3, характеризующийся подъемом на гласном предцентра. Вместе с тем рематический акцент ИК-1 также может характеризоваться восходящим предцентром, выполняющим, однако, «техническую», компенсаторную функцию [Янко 2008: 30].

В последнее время было отмечено наличие подъема на сказуемом в т. н. нерасчлененных высказываниях (*Наступила весна*), который не столь однозначно автоматичен и иногда довольно сильно напоминает ИК-3; этот подъем было предложено называть эхо-тематическим, так как он компенсирует отсутствие выраженной темы [Дымарский 2017].

Таким образом, возникла необходимость определить различие между видами подъема: 1) акцентом ИК-3; 2) техническим / компенсаторным подъемом и 3) эхо-тематическим подъемом. В докладе будут изложены результаты эмпирического исследования названных интонационных контуров: был проанализирован 261 пример речевых реализаций предложений типа *Наступила весна* из произведений художественной литературы 1800–1950 гг.

Для этого был разработан метод сопоставительного анализа интонационных конструкций, содержащих подъем. Этапы анализа следующие: 1) выявление частоты основного тона (ЧОТ) на пике подъема, а также на уровне среднего тона говорящего; 2) выявление крутизны подъемов ($Kp\Pi$) на разных участках высказывания, которая рассчитывается по формуле: $((\text{средний ЧОТ} / \text{ЧОТ пика}) - 1) \times 100$; 3) выявление соотношения крутизны подъемов на разных участках высказывания: $Kp\Pi_1 / Kp\Pi_N$.

Частота среднего тона и частота тона на пике подъема могут существенно варьировать, поэтому для оценки крутизны подъема,

характерной для ИК-3, представляется правильным использовать процент отклонения от частоты среднего тона. Разница в крутизне подъема между акцентом типа ИК-3 и автоматическим подъемом не всегда очень велика, однако она всегда есть.

Вместе с тем, если отличать автоматический подъем от ИК-3 и эхо-тематического подъема, опираясь лишь на количественные показатели крутизны, то мы получим либо три пересекающихся (автоматический подъем, ИК-3, эхо-подъем), либо два совпадающих (ИК-3 и эхо-подъем) множества. Однако в индивидуальных просодических стратегиях средняя крутизна подъема акцента типа ИК-3 и эхо-тематического подъема всегда в несколько раз (от 1,6 до 6,9) больше крутизны автоматического подъема. Обратимся к индивидуальной стратегии интонационного оформления предложений:

- (1) [Лицо его↗]_T [было (↗) пасмурно↘]_R.
- (2) [Рассказ↘]_R.
- (3) [Пришла (↗) зима↘]_R.

Интонирование словоформы *лицо* характеризуется восходящим предцентром (170–190 Гц), ударный слог произносится на высоте 276 Гц (крутизна подъема 53%, ИК-3). Предцентровая часть ремы также содержит подъем на словоформе *было*: ударный слог произносится на высоте 186 Гц, заударный — 222 Гц (крутизна подъема 19%, технический подъем). Предцентр одиночной реплики (2) произносится с восходящей интонацией — от 192 до 231 Гц (крутизна подъема 20%, технический подъем). Мера крутизны технического подъема на одиночной реплике *Рассказ* и на рематической группе *было пасмурно* практически одинакова. В (3) предцентр словоформы *Пришла* произносится средним тоном (121 Гц), на ударном слоге высота тона достигает 159 Гц (крутизна подъема 31%, эхо-тематический подъем).

Результаты эмпирического анализа показали, что три вида подъема имеют вполне выявляемые различия: 1) ИК-3 имеет крутизну подъема 22–215%; 2) технический / компенсаторный подъем имеет крутизну подъема 1–35%; 3) эхо-тематический акцент, подобный ИК-3, имеет крутизну подъема 22–35%. Несмотря на наличие зоны пересечения, в которой различия между типами

подъема могли бы нейтрализоваться (в интервале от 22 до 35% может оказаться каждый из трех типов), эти общие характеристики в каждой индивидуальной коммуникативной стратегии преломляются так, что все три типа подъема явным образом различаются.

Список условных сокращений

R — рема; T — тема.

Литература

- Дымарский 2017 — М. Я. Дымарский. Элиминация темы и постулат о базовом порядке слов в русском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. № 3. Культура русской речи. М., 2017. С. 230–237.
- Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК, 2008.

А. И. Крюкова

МГУ, Москва — ИЯз РАН, Москва

ДОМ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ: ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ

В докладе мы рассмотрим роль факторов, выделяемых в дискурсивной модели референциального выбора [Givón (ed.) 1983; Ariel 1988; Kibrik 2011], в вариативном маркировании прямого дополнения (ПД) в татышлинском говоре удмуртского языка.

Анализ основан на 28 переводах четырех сказок (более 70 контекстов употребления прямого дополнения), полученных методом элицитации в Татышлинском р-не Республики Башкортостан в 2023 г. Тексты сказок были разработаны Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой для исследования разных грамматических аспектов уральских идиомов (бесермянский удмуртский, мокшамордовский, коми-зырянский и др.). Сбор одних и тех же текстов одним методом позволяет проводить более точное сравнение между языками; некоторые результаты применения этих текстов в элицитации опубликованы в работе [Сердобольская, Толдова, 2017].

В татышлинском удмуртском кумулятивный показатель аккузатива и посессивности в большинстве случаев употребления выражает принадлежность. В остальных контекстах с ПД выбор происходит между отсутствием оформления и аккузативом. Методом анкетирования, предполагавшего перевод изолированных предложений или их пар, мы выявили следующие факторы, влияющие на выбор стратегии оформления:

- положение на иерархии одушевленности: обозначения людей практически всегда оформляются аккузативом, наименования не-людей, в т. ч. животных, демонстрируют вариативность;
- актуальное членение: находящееся в реме неодушевленное ПД не может быть оформлено аккузативом;

- нахождение в фокусе контраста дает возможность оформить ПД аккузативом.

Перейдем далее к описанию результатов анализа.

Непрерывность топики — референциальное расстояние между упоминаниями референта [Givón (ed.) 1983] — отражает значимость референта в дискурсе. В (1) речь идет об одном из второстепенных персонажей сказки с 6 упоминаниями на 44 предикации, тогда как конь в (2) упоминается (в другой сказке) однажды и не значим для сюжета. В (1) носители используют ACC или ACC.POSS, тогда как в (2) ACC.POSS чередуется с отсутствием падежного оформления.

(1) *so ber-e val(-ez/-ze) s'ij-i-zâ,*
 тот зад-ILL конь-ACC/ACC.POSS.3SG есть-PST-3PL
kü-ze gine kelt-i-zâ no
 шкура-ACC.POSS.3SG только оставить-PST-3PL ADD
 ‘Затем они съели коня, только шкуру оставили.’

(2) *lez'-o-∅ mon tâñâd val(-me)*
 прислать-FUT-1SG я ты.DAT конь-ACC.POSS.1SG
i bâdes voz azves'
 и целый воз серебро
 ‘Пришлю я тебе коня и целый воз серебра.’

Животные-главные герои сказок в позиции ПД всегда оформлены аккузативом (3). С одной стороны, они получают статус протагониста (см. о нем [Kibrik 2011]), с другой — сближаются в иерархии одушевленности с людьми. В сказке, где есть и человек, и говорящая мышь (второстепенный персонаж), аккузативный показатель на лексеме, обозначающей мышь, опущен в трех переводах из семи (4), что свидетельствует в пользу первого объяснения.

(3) *dal'se tâñ-o, kijon-ez aʒʒ'-o*
 дальше идти-PRS.3PL волк-ACC видеть-PRS.3PL
 ‘Едут дальше, видят волка.’

(4) *nâl gur-ze est-i-z, žuk*
 девочка печь-ACC.POSS.3SG топить-PST-3SG каша

póʒ'-t-i-z *no šârpi(-jez)* *aʔž'-i-z*
вариться-CAUS-PST-3SG ADD мышонок-ACC видеть-PST-3SG
'Девушка затопила печь, сварила кашу и вдруг увидела мы-
шонка.'

Случаи, когда ПД, не получающее по общему правилу показатель, при первом упоминании маркировано, в работе [Сердобольская, Толдова 2017] предлагается трактовать как указание на последующую дискурсивную выделенность референта (ср. анализ определенного артикля в английском в работе [Erstein 2002]). Для татышлинского удмуртского это объяснение не применимо: в ситуации, когда вводится важный для эпизода неодушевленный референт (зернышко в (5)), он не маркируется аккумулятивом.

(5) *ž'ól'gâri mak kidâs šed't-em*
воробей мак зерно найти-PST2
'Воробей нашел маковое зернышко.'

Для татышлинского удмуртского также не подтверждается обнаруженная для бесермянского, мокшанского и марийского закономерность, состоящая в том, что определенные ИГ с низким дискурсивным статусом (единственная функция которых — актуализировать ситуацию целиком) не получают падежного оформления.

В докладе мы обсудим более широкий круг дискурсивных факторов, их взаимодействие с базовыми грамматическими ограничениями, индивидуальное варьирование в переводах и продолжим сопоставительный анализ вариативного маркирования ПД в уральских языках.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккумулятив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; DAT — датив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; LOC — локатив; NEG — отрицание; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- Сердобольская, Толдова 2017 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Оформление прямого дополнения в финно-угорских языках: между предикацией и дискурсом // Урало-алтайские исследования. 2017. Вып. 4. № 27. С. 92–112.
- Ariel 1998 — M. Ariel. Referring and accessibility // Journal of Linguistics. 1998. Vol. 24. № 1. P. 65–87.
- Epstein 2002 — R. Epstein. The Definite Article, Accessibility, and the Construction of Discourse Referents // Cognitive Linguistics. 2002. Vol. 12. № 4. P. 333–378.
- Givón (ed.). 1983 — T. Givón. Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study [Typological Studies in Language, Vol. 3]. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1983.
- Kibrik 2011 — A. A. Kibrik. Reference in discourse [Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory]. Oxford University Press, 2011.

А. А. Куликова
НИУ ВШЭ, Москва

В ПОИСКАХ ЛЕСНОГО НЕНЕЦКОГО ПЕРФЕКТА¹

С типологической точки зрения перфект — кластер из нескольких значений. Традиционно выделяют экспериенциальное, результативное, универсальное, а также прочтение недавнего прошедшего [Comrie 1976]. Как показывает исследование [Bertrand et al. 2022], данные прочтения имеют тенденцию выражаться независимыми формами. Согласно результатам исследования, экспериенциальные, результативные и сочетающие два вышеупомянутых прочтения формы противопоставлены перфективам в прошедшем. Кроме этого, как перфектные рассматривают и употребления в качестве относительного времени [ibid.; Vohndemeier 2014].

Настоящее исследование посвящено употреблениям форм прошедшего времени и аориста в лесном ненецком языке. Форма прошедшего времени имеет суффикс, оканчивающийся на *-s'* после согласовательных показателей, а аорист (настоящее время [Nikolaeva 2014], будущее время [Burkova 2022]) не имеет эксплицитного морфологического показателя. Согласно грамматическим описаниям [ibid.], формы имеют разную семантику в зависимости от типа основы: с перфективными глаголами форма прошедшего времени обозначает давнее прошедшее, а аорист — недавнее прошедшее, в то время как с имперфективными глаголами форма прошедшего времени обозначает прошедшее, а аорист — настоящее и не может отсылать к прошедшему (1).

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Структура составляющих и их интерпретация в архитектуре грамматики языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

- (1) *s'and'et loxom-p'i-s'* / **loxom-p'i*
 чайник кипеть-PROG-PST / кипеть-PROG
tajn'a kinile-j²
 затем замерзнуть-SFS
 'Чайник кипел, потом остыл.'

Форма прошедшего времени употребляется в экспериенциальных контекстах: в (2) описывается ситуация, имевшая место в некоторый момент в прошлом. Кроме этого, форма допустима как предпрошедшее время (3). В отличие от аориста, прошедшее время сочетается с наречиями точной временной локализации (4).

- (2) *man' s'ica tima xalaxaw^ot-xaŋa*
 1SG 2 раз Салехард-LOC
kæŋ-ŋa-t-as' / **kæ-ŋa-m*
 ездить-GFS-SUBJ.1SG-PST / ездить-GFS-SUBJ.1SG
 'Я два раза в Салехард ездила.' [А так все время в Харампуре живу.]

- (3) *man' kali nama-t čiki n'el'n'a m'aɽaj*
 1SG рыба есть-SUBJ.1SG DEM спереди дом
katpulunopn'a-m pad'ila-t-as'
 мусор-ACC выбросить-SUBJ.1SG-PST
 'Я ел рыбу. А перед этим я выбросил мусор.'

- (4) *čeŋ s'ičals'i-m næ-ŋa-m-as'* /
 вчера окно-ACC открыть-GFS-SUBJ.1SG-PST /
 **næ-ŋa-m*
 открыть-GFS-SUBJ.1SG
 'Я вчера окно открыла.' [Потом пошла на работу.]

Аорист употребляется в результативных контекстах: в (5) ас-серируется результирующее состояние окна, наступившее в результате прошлого действия.

² Данные получены методом элицитации с носителями в 2023 г. в рамках совместной экспедиции НИУ ВШЭ и МГУ в д. Харампур и г. Тарко-Сале.

- (5) *čuku d'olnu okos'ko næ-ŋa-t* /
DEM утро окно открыть-GFS-SUBJ.1SG /
^{ok}*næ-ŋa-t-as'*
открыть-GFS-SUBJ.1SG-PST
'Я утром открыл окошко.' [Надо вернуться и закрыть, а то намочит шторы.]

В отличие от формы прошедшего времени (7), аористу доступны универсальные прочтения: в (6) аорист допустим, только если описываемая говорящим ситуация не закончилась.

- (6) *man' d'olnu n'aŋat kalita-ŋa-t*
1SG утро LOC рыбачить-GFS-SUBJ.1SG
'Я с утра рыбачу.'
ок: Говорящий сидит на рыбалке и говорит с проходящим мимо человеком.
#: Говорящий ушел с рыбалки и рассказывает дома.

- (7) *man' d'ułnu n'aŋat kalita-ŋa-t-as'*
1SG утро LOC рыбачить-GFS-SUBJ.1SG-PST
'Я с утра рыбачил.'
ок: Говорящий ушел с рыбалки.
#: Говорящий на рыбалке.

Также аорист недопустим в невоспроизводимых контекстах — демонстрирует т. н. эффект жизнепродолжительности, отсутствующий для формы прошедшего времени.

- (8) *pus'kin patał pat-ŋa-s'* / **pat-ŋa*
Пушкин книга писать-GFS-PST / писать-GFS
Ruslan i L'udmila
«Руслан и Людмила»
'Пушкин написал «Руслан и Людмилу».'

Можно сделать вывод о том, что форма прошедшего времени является неограниченным аспектуально прошедшим временем, в то время как аорист можно рассматривать как перфект, ограниченный результативным и универсальным прочтениями (ср. с анализом неэкспериментального перфекта в экари [Marquardt et al. 2019]). Таким образом, данные лесного ненецкого подтвер-

ждают наблюдения А. Берtrand и ее коллег [Bertrand et al. 2022], сделанные на сравнительно небольшой выборке языков.

Список условных сокращений

I — 1 лицо; ACC — аккузатив; DEM — демонстратив; GFS — General Finite Stem [Burkova 2022]; LOC — локатив; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SFS — специальный финитный корень; SUBJ — субъектное спряжение.

Литература

- Bertrand et al. 2022 — A. Bertrand, Y. Aonuki, S. Chen, H. Davis, J. Gambarage, L. Griffin, M. Huijsmans, L. Matthewson, D. Reisinger, H. Rullmann, R. Salles, M. D. Schwan, N. Todorovic, B. Trotter, J. Vander Klok. Nobody's Perfect // *Languages*. 2022. Vol. 7. № 2. 148. doi: <https://doi.org/10.3390/languages7020148>
- Bohnmeyer 2014 — J. Bohnmeyer. Aspect vs Relative Tense: The Case Reopened. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2014. Vol. 3. № 3. P. 917–954.
- Burkova 2022 — S. Burkova. Nenets // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 674–708.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Marquardt et al. 2019 — C. Marquardt, M.-L. Schwarzer, S. E. Tebay. The perfect in Mee: New evidence for a result state approach // R. Bochnak, M. Butt, E. Meertens, M. M. Zymla (eds.). *Proceedings of TripleA 5: Fieldwork Perspectives on the Semantics of African, Asian and Austronesian Language*, Konstanz, Germany, June 27–29. Universitätsbibliothek Tübingen, Publikationssystem, 2019. P. 122–136.
- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. *A grammar of Tundra Nenets* [Mouton Grammar Library 65]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.

К. М. Лапина
НИУ ВШЭ, Москва

ПРОПРИЕТИВНЫЕ И ПРИВАТИВНЫЕ АФФИКСЫ В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ¹

Предметом исследования являются проприетивные и привативные² аффиксы — атрибутивизаторы, образующие от именных основ производные со значением ‘имеющий X’, ‘лишенный X-а’, соответственно (ср. англ. *beard-ed* ‘бородатый’, *beard-less* ‘безбородый’). Работа основывается на материалах грамматик и корпусов девяти уральских языков: тундрового ненецкого, мокшанского, горномарийского, удмуртского, мансийских, хантыйских, финского, колтта- и северносаамского, а также данных, предоставленных носителями тундрового ненецкого языка.

В докладе будут представлены результаты исследования морфосинтаксических свойств проприетивных и привативных аффиксов: их способности оформлять составляющие разной структуры (горномар. *sar üp-än* [желтый волосы-PROPR] ‘со светлыми волосами’ [КГМ 2019]) и присоединяться к основам разных типов имен (т. нен. *ǰəmke-sawey*^o [что-PROPR] ‘с чем?’). Мы также рассматриваем показатели комитатива и каритива, маркирующие участника на уровне клаузы (прийти *с* ножом / *без* ножа), так как в некоторых языках они совпадают с соответствующими атрибутивизаторами: мокш. *s'urə-ftəmə kaza* [рог-CAR/PRIV коза] ‘безрогая коза’ [Толдова, Холодилова (отв. ред.) 2018: 276], *er'a-m-s*

¹ Данные для исследования собраны в рамках НУЛ Социогуманитарных исследований Севера и Арктики. Исследование было поддержано программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

² Мы используем термин «приватив» для обозначения атрибутивизаторов и «каритив» для показателей, маркирующих отсутствующего участника на уровне клаузы.

<...> *pin'ə-ftəmə* [жить-INF-ILL собака-CAR/PRIV] 'жить <...> без собаки' [ibid.: 131].

Рассмотрев свойства 29 показателей, выраженных связанными морфемами, мы приходим к следующим выводам.

1. Приватив и каритив чаще выражаются одним показателем, чем проприетив и комитатив.
2. Проприетивные средства более многочисленны, чем привативные. Нередка ситуация, когда в одном языке есть два проприетивных показателя, различающихся по семантическим и морфосинтаксическим свойствам, но только один привативный.

Это позволяет утверждать, что проприетив и приватив связаны отношением маркированности. Приватив является маркированным членом оппозиции, так как различает меньше противопоставлений и реже выражается особым показателем. Ранее подобное отношение между комитативом и каритивом отмечалось в работе [Stolz et al. 2007]. Наше исследование показывает, что то же верно и для атрибутивизаторов.

3. Показатели комитатива и каритива, выраженные связанными морфемами, в среднем имеют меньше ограничений на зависимые производящей основы, чем проприетивные и привативные аффиксы.
4. Если атрибутивизатор может присоединяться к имени с синтаксическими зависимыми, то чаще будут допустимы зависимые прилагательное и числительное и реже — зависимые посессор, указательное местоимение или квантор.

Наши данные показывают, что именные свойства проявляются в разной степени у производных с разными показателями. Так, некоторые показатели оформляют только именную группу с низким (неопределенным) референциальным статусом, тогда как другие допускают высокий (определенный) референциальный статус атрибутивизируемой ИГ. Как следует из п. 3, ограничения на зависимые производящей основы возникают в атрибутивной позиции чаще, чем в адвербиальной.

5. Проприетивные и привативные аффиксы, отличные от показателей комитатива и каритива, не сочетаются со словоизменительными показателями производящей основы — показателями числа и посессивности.

Это создает трудность при определении категориального статуса рассматриваемых показателей. Мы обсудим словообразовательный и словоизменительный (падежный) статус таких аффиксов в некоторых уральских языках и способы их описания, предлагаемые в работах [Гращенков 2015] и [Nikolaeva 2008].

В докладе также будут рассмотрены другие свойства проприетивных и привативных показателей, например, такие, как способность образовывать причастия от глагольных основ.

Список условных сообщений

CAR — каритив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; PRIV — приватив; PROPR — проприетив.

Источники

КГМ 2019 — Корпус горномарийских текстов. URL: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>. 2019.

Литература

- Гращенков 2015 — П. В. Гращенков. Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках: функции и возможная эволюция // Урало-алтайские исследования. 2015. Вып. 4. № 19. С. 7–16.
- Толдова, Холодилова (отв. ред.) 2018 — С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: БукиВеди, 2018.
- Nikolaeva 2008 — I. Nikolaeva. Between nouns and adjectives: A constructional view // *Lingua*. 2008. Vol. 118. № 7. P. 969–996.
- Stolz et al. 2007 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. With(out): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives // *WORD: Journal of the International Linguistic Association*. 2007. Vol. 58. № 1–3. P. 63–122.

В. В. Маринина
НИУ ВШЭ, Москва

ПЛЮРАКЦИОНАЛЬНО-РЕЦИПРОКАЛЬНАЯ И ДРУГАЯ ПОЛИСЕМИЯ: К ОПИСАНИЮ ЧУКОТСКОГО СУФФИКСА *-SIT*

В чукотском языке существует несколько показателей зоны глагольной множественности. В настоящем исследовании представлен анализ семантики и дистрибуции одного из них — суффикса *-sit/-set*. Данные получены методом элицитации в с. Амгуэма летом 2023 года¹.

В работе [Скорик 1977: 185–186] значение *-sit* описано как ‘очередность обоюдного совершения прерывистого действия’ (*itkek* — *itkesitək* ‘отнимать друг у друга’), в работе [Dunn 1999: 218] — как итеративность/дуративность и реципрокальность, в работе [Nedjalkov 2007a: 1699–1705] дополнительно выделяются значения ‘соревновательности, игры, борьбы’ и повышенной интенсивности. По нашим данным, *-sit* в амгуэмском чукотском имеет значения итеративности, мультипликативности, слабой и сильной реципрокальности (в терминах [Langendoen 1978]), компетитивности, повышенной и пониженной интенсивности.

Показатель *-sit*, как правило, присоединяется к двухместным глаголам (как переходным, так и непереходным). Например, он регулярно присоединяется к непереходным глаголам речи, добавляя значение повышенной или пониженной интенсивности (*wetyawək* ‘говорить’ — *wetyawsetək* ‘спорить; сплетничать; переговариваться’). К переходным глаголам *-sit* чаще присоединяется при наличии детранзитивизатора *-tku* (о его функциях см., например, [Nedjalkov 2007a: 1688; Волков, Игнатенко 2018: 118–124])

¹ Экспедиция поддержана Фондом образовательных инициатив НИУ ВШЭ в рамках конкурса «Открываем Россию заново».

и интерпретируется как итератив, повышенная интенсивность, компетитив, сильный или слабый реципрок:

- (1) *son¹a ətri nast¹a n-ommasajpə-tko-set-qena-t*
Соня они Настя ST-обнимать-ITER-COMB-ST.3SG-PL
a. ‘Соня и Настя обнимаются много раз.’
b. ‘Соня и Настя крепко обнимаются.’
c. ‘Соня и Настя соревнуются, кто кого крепче обнимет.’
d. ‘Соня и Настя обнимаются вдвоем друг с другом/в толпе.’

Присоединение *-sit* к переходному глаголу при выраженном прямом объекте более маргинально; консультанты, которые его допускают, предпочитают контексты с субъектом и объектом во множественном числе. Интерпретации в этом случае возникают те же:

- (1) *son¹a-na ətri nast¹a-na tumɣə-t*
Соня-AN.INS они Настя-AN.INS друг-NOM.PL
nə-winret-sit-qine-t
ST-помогать-COMB-ST.3SG-PL
a. ‘Соня и Настя много раз помогают друзьям.’
b. ‘Соня и Настя во многом помогают друзьям.’
c. ‘Соня и Настя соревнуются в помощи друзьям.’
d. ‘Соня и Настя взаимно помогают друзьям.’

Показатель *-sit* может иметь реципрокальную интерпретацию при наличии прямого объекта (2d), в отличие от типичных морфологических маркеров реципрока, которые понижают число валентностей глагола [Nedjalkov 2007b: 21]. Похожая конструкция зафиксирована, например, в языке тонга [Nordlinger 2023: 80].

Присоединение *-sit* к одноместным глаголам возможно в мультипликативном, итеративном (в терминах [Шлуинский 2005]) и компетитивном значении (*piŋkuk* ‘прыгать (один раз)’ — *piŋkusitək* ‘прыгать несколько раз; играть в классики; соревноваться в прыжках’, *ralek* ‘скатываться’ — *ralesetək* ‘кататься’), однако оно малопродуктивно и, предположительно, лексикализовано.

Помимо ограничения на количество участников, обнаруживается ограничение на сочетаемость со стативами: *-sit* со стативами может интерпретироваться компетитивно, однако такие контексты

оцениваются как прагматически странные (*ʔetyʔuk* ‘скупать’ — *#ʔetyʔusitək* ‘скупать наперегонки’).

Значение *-sit* в чукотском слабо конвенционализировано: интерпретации и суждения о приемлемости часто расходятся. Опираясь на выделенные в работе [Mattiola 2017] функции показателей глагольной множественности, мы предполагаем, что синхронно ядерным значением *-sit* следует считать итеративность, так как из него логически выводятся другие значения: реципрокальность как способ интерпретации протекания множественного события при двух и более участниках; повышенная и пониженная интенсивность; из интенсивности и/или итеративности — компетитивность. Подобная полисемия встречается, например, в тюркских языках: турецкий *-(N)ş* имеет значения плюракциональности, сильной и слабой реципрокальности [Atlamaz, Öztürk 2023: 2–4], балкарский *-ş* — реципрокальности, социативности и компетитивности [Gruzdeva, Paramonova 2023]. В докладе мы подробнее обсудим на примерах возможные интерпретации *-sit* в свете типологических данных.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; AN — одушевленный; COMB — показатель *-sit*; INS — инструменталис; ITER — итератив; NOM — номинатив; ST — статив; SG — единственное число; PL — множественное число.

Литература

- Волков, Игнатенко 2018 — О. С. Волков, Д. И. Игнатенко. Глагольные деривации чукотского языка сквозь призму глагольной множественности // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2018. Т. 14. № 2. С. 111–131.
- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Часть вторая: Глагол, наречие, служебные слова. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1977.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М: МГУ, 2005.

- Atlamaz, Öztürk 2023 — Ü. Atlamaz, B. Öztürk. Reciprocals in Turkish // *Languages*. 2023. Vol. 8: № 3. 158. doi: <https://doi.org/10.3390/languages8030158>.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD thesis. Canberra: Australian National University, 1999.
- Gruzdeva, Paramonova 2023 — A. Gruzdeva, D. Paramonova. On meanings of the reciprocal suffix -š- in Balkar // Si Kai Lee, S. Asinari, S. Lazakovits (eds.). *Proceedings of the Workshop on Turkic and Languages in Contact with Turkic*. 2023. Vol. 7. P. 24–31.
- Langendoen 1978 — T. Langendoen. The Logic of Reciprocity // *Linguistic Inquiry*. 1978. Vol. 9. № 2. P. 177–197.
- Mattiola 2017 — S. Mattiola. The conceptual space of pluractional constructions // *Lingue e linguaggio*. 2017. Vol. 16. № 1. P. 119–146.
- Nedjalkov 2007a — V. Nedjalkov. Reciprocal constructions in Chukchi (with an appendix on Koryak) // V. Nedjalkov (ed.). *Reciprocal Constructions*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 1677–1713.
- Nedjalkov 2007b — V. Nedjalkov. Overview of the research. Definitions of terms, framework, and related issues // V. Nedjalkov (ed.). *Reciprocal Constructions*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. P. 3–115.
- Nordlinger 2023 — R. Nordlinger. The Typology of Reciprocal Constructions // *Annual Review of Linguistics*. 2023. Vol. 9. P. 71–91.

М. Г. Меленченко
НИУ ВШЭ, Москва

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИРАТИВНОСТИ И АСПЕКТА¹

Миратив — грамматическая категория (граммема), выражающая удивление говорящего от события, новизну сообщаемой им же информации. Впервые выделить миративность как межязыковую категорию предложил Скотт Делэнси. По его мнению, миративными нужно считать некоторые глагольные показатели, которые традиционно описывали как эвиденциальные ([DeLancey 1997; 2001]; см. обзор в [Hill 2012]). Впоследствии его идея о выделении миративности стала предметом бурных дискуссий (см. [Aikhenvald 2012; Delancey 2012; Hengeveld, Olbertz 2012; Hill 2012]).

Необходимость выделения этой категории в литературе часто объясняют тем, что у форм, в обычном случае выражающих незавидетельствованность, встречаются употребления, в которых говорящий наблюдал (или сейчас наблюдает) описываемое событие, и которые, следовательно, нельзя объяснить эвиденциальностью. Классический пример — турецкий Перфект, который традиционно описывается как эвиденциальная форма, но может использоваться в контекстах типа (1).

(1) турецкий [Slobin, Aksu 1982: 197]

Kız-ınız çok iyi piyano çal-ıyor-muş!
девушка-POSS.2PL очень хорошо фортепиано играть-PRS-PRF
‘[Как я вижу,] ваша дочь отлично **играет** на фортепиано!’

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№22-00-034 «Полевые и корпусные исследования языков шугнано-рушанской группы») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

В проблеме выделения миративности особую роль играет аспект. При описании выражения миративности в конкретных языках часто указывается, что миративные контексты допустимы с имперфективными предикатами, в то время как для перфективных предикатов та же форма дает значение инферентивности (логического вывода) — одно из подзначений непрямо́й эвиденциальности [DeLancey 1997; 2001; Aikhenvald 2004: 201; Татевосов 2007: 380; Hengeveld, Olbertz 2012: 500].

Я предлагаю рассмотреть иной анализ феномена миративности. Виктор Фридман в своем описании «адмиративных» форм в языках Балкан заметил, что выражаемые ими события всегда отсылают к состояниям, уже имевшим место на момент речи — то есть в таких высказываниях всегда есть скрытая референция к прошлому [Friedman 2003: 200]. Идею Фридмана можно перенести и на другие языки. Таким образом, подобные контексты можно рассматривать как инферентивные, только инференция относится не к прошлому, а к настоящему: говорящий делает вывод о событии, которое началось и длилось в прошлом, но не закончилось к моменту речи. Так, в примере (1) говорящий на самом деле наблюдает только процесс игры в моменте, а на основании этого наблюдения делает вывод о перманентном состоянии «уметь играть».

Первичная элицитация подтверждает корректность такого анализа для двух иранских языков: шугнанского и таджикского. Покажем это на примере шугнанского. Шугнанский Перфект имеет значение непрямо́й эвиденциальности, а глагол *ви:вуд* ‘быть’ — по-видимому, единственный глагол, который в форме Перфекта (*вудч*) может реферировать к настоящему времени [Меленченко, в печати]. Такие употребления глагола ‘быть’ в близкородственных шугнанскому языках в литературе анализируются как миративные [Palmer 2016: 93; Bashir 2010: 14]. Как выясняется, носители шугнанского запрещают использование этой формы в контекстах, не подразумевающих протяженность состояния в прошлое. Так, в примере (2) жена воспринимает событие как начавшееся только что, так как ей известно, что муж вплоть до недавнего времени был брюнетом, поэтому *вудч* в таком контексте не используется. Элицитация этого стимула дала те же результаты для таджикского языка.

(2) шугнанский (элицитация)

*Tu=t ačab zīrd (*вудч)!*

PRON.2SG=2SG такой рыжий быть.PRF.M

[Муж был брюнетом, но вдруг покрасился в рыжий цвет, не сообщив об этом жене. Увидев его, она с удивлением восклицает:] ‘Какой ты рыжий!’

Таким образом, миративность в шугнанском и таджикском можно представить как своего рода «расширенную» в настоящее инферентивность. Вероятно, такой анализ может помочь в описании подобных глагольных форм без использования концепции миративности и в других языках. Вместе с тем во многих языках форма, выражающая удивление говорящего, по-видимому, все же устроена иначе (см., например, [Aikhenvald 2012]) — возможно, для них выделение категории миративности релевантно в большей степени.

Список условных сокращений

2 — второе лицо; M — мужской род; PL — множественное число; POSS — посессивный аффикс; PRF — Перфект; PRON — личное местоимение; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- Меленченко, в печати — М. Меленченко. Эвиденциальный Перфект в шугнанском языке // Вопросы языкознания. 2023. № 6, в печати.
- Татовосов 2007 — С. Г. Татовосов. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 351–397.
- Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, New York: Oxford University Press, 2004.
- Aikhenvald 2012 — A. Y. Aikhenvald. The essence of mirativity // Linguistic Typology. 2012. Vol. 16. № 3. P. 435–485.
- Bashir 2010 — E. Bashir. Traces of mirativity in Shina // Himalayan Linguistics. 2010. Vol. 9. № 2. P. 1–55.

- DeLancey 1997 — S. DeLancey. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information // *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. № 1. P. 33–52.
- DeLancey 2001 — S. DeLancey. The mirative and evidentiality // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. № 3. P. 369–382.
- DeLancey 2012 — S. DeLancey. Still mirative after all these years // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. № 3. P. 529–564.
- Friedman 2003 — V. Friedman. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian // A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Studies in Evidentiality [Typological Studies in Language]*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. P. 189–218.
- Hengeveld, Olbertz 2012 — K. Hengeveld, H. Olbertz. Didn't you know? Mirativity does exist! // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. № 3. P. 487–503.
- Hill 2012 — N. W. Hill. “Mirativity” does not exist: *hdug* in “Lhasa” Tibetan and other suspects // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. № 3. P. 389–433.
- Palmer 2016 — T. S. Palmer. *Verbal Morphology and Grammatical Aspect in Sarikoli*. Grand Forks: University of North Dakota, 2016.
- Slobin, Aksu 1982 — D. Slobin, A. Aksu. Tense, Aspect and Modality in the Use of the Turkish Evidential // P. J. Hopper (ed.). *Tense-Aspect: Between semantics & pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 185–200.

А. М. Миньковская

НИУ ВШЭ, Москва

ГЛАГОЛЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПАДЕНИЯ В ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ: ПРЯМЫЕ И ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ¹

Доклад посвящен лексикализации семантического поля падения в древнееврейском языке. Исследование проводилось с применением фреймового подхода Московской Лексико-Типологической группы (MLexT) [Рахилина, Резникова 2013] на материале древнееврейского текста Ветхого Завета.

Поле падения ранее становилось предметом типологического анализа на материале 42 языков [Резникова и др. 2020]. В рамках настоящего исследования мы хотели проверить, насколько структура поля, выявленная по данным современных языков, приложима к материалу мертвого языка. Для этого мы, во-первых, рассмотрим зону прямых значений и соотнесем полученную систему с типологическими моделями. Во-вторых, мы опишем переносные употребления и сравним их с производными значениями, зафиксированными в типологическом материале.

В поле падения выделяют четыре фрейма: падение с высоты (*Кирпич упал с крыши мне на голову*); потеря вертикальной ориентации (*Дерево срубили, и оно упало на землю*); открепление из фиксированного положения (*Кольцо упало с пальца*); разрушение (*Здание рухнуло*) [Резникова и др. 2020]. В ходе исследования были рассмотрены все контексты в древнееврейском тексте Ветхого Завета, в которых описаны ситуации, относящиеся к этим четырем фреймам.

¹ Тезисы подготовлены в рамках проекта «Лексический анализ библейских текстов в типологической перспективе» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Специфика работы с материалом мертвого языка состоит в ограниченности доступных примеров: если тот или иной фрейм представлен в корпусе лишь единичными контекстами, причем в этих контекстах задействованы разные глаголы, то невозможно однозначно определить, какой из глаголов задает основной способ лексификации данного фрейма. В поле падения, с одной стороны, фреймы падения сверху и потери вертикальности заведомо покрываются глаголом *npl* в основной породе *qal*. С другой стороны, в двух остальных фреймах *npl* «конкурирует» с другими лексемами: разрушение также описывается глаголом *hrs* в пассивно-рефлексивной породе *niphal*, а открепление — корнем *nšl* в породе *qal*. С большой вероятностью именно эти глагольные лексемы являлись основными для своих фреймов, а употребление *npl* было окказиональным.

Эта вариативность делает возможным существование в древнееврейском квазидоминантной системы, где *npl* в *qal* описывает все фреймы, кроме разрушения (Рис. 1). В докладе мы покажем, что именно этот вариант системы является, по нашим данным, наиболее вероятным. Примечательно, что и типологически эта система встречается достаточно регулярно (в частности, она отмечается для русского, французского, корейского, турецкого, индонезийского языков).

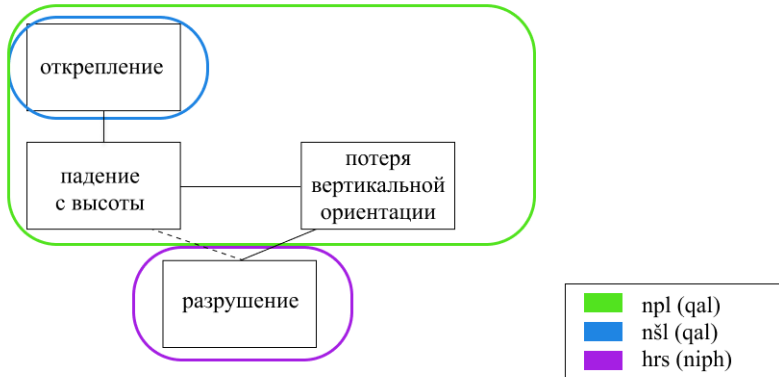

Рис. 1. Квазидоминантная система лексикализации семантического поля падения в древнееврейском языке

Второй, менее вероятный вариант, — это доминантная система, в которой глагол *npl* в породе *qal* покрывает все четыре основных фрейма поля. Эта система тоже имеет целый ряд типологических параллелей (в частности, в греческом, хинди, баскском и др.)

С точки зрения переносных значений, корпус показал большое разнообразие интересующих нас контекстов. Были обнаружены многие из описанных типологически метафор [Рахилина и др. 2020]: падение с высоты чего-л. как его уменьшение/ухудшение, потеря значимости; падение во что-л. как попадание в ситуацию; падение обстоятельств/состояния (чаще всего неприятного) как его внезапное появление; потеря вертикальности как потеря функциональности; разрушение как потеря функциональности неодушевленного объекта; открепление как отсоединение от какой-л. социальной группы или блага.

Кроме того, была обнаружена еще не описанная типологически и достаточно распространенная в корпусе (15 вхождений) метафора *перебежчика*: X падает на Y = X переходит на сторону Y (1).

(1) 1Хр. 12:20

«...тогда перешли к нему из Манассиян...»

wi-mi-mṯaṣe nārālū 'al-dawīd

и-от-Манассия падать.QAL.PF.3PL на-Давид

Этот случай также является косвенным свидетельством в пользу гипотезы о квазидоминантной системе лексикализации поля. Метафоры отсоединения от группы характерны для глаголов фрейма открепления, следовательно, тот факт, что глагол *npl* в породе *qal* 15 раз используется в подобной метафоре, указывает на то, что этот глагол мог описывать открепление в прямом значении.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; M — мужской род; PF — перфект; PL — множественное число; QAL — породе *qal*.

Литература

Коган, Лёзов 2009 — Л. Е. Коган, С. В. Лёзов. Древнееврейский язык // А. Г. Белова, Л. Е. Коган, С. В. Лёзов, О. И. Романова (ред.). Языки

- мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М.: Academia, 2009. С. 296–373.
- Рахилина, Резникова 2013 — Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
- Резникова и др. 2020 — Т. И. Резникова, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 16. № 1. С. 9–63.
- Резникова, Рахилина 2020 — Т. И. Резникова, Е. В. Рахилина. Типология метафор падения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 16. № 1. С. 64–112.

А. Г. Монастырская

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ПОЛИСЕМИЯ КОМИТАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В УРМИЙСКОМ НОВОАРАМЕЙСКОМ

Настоящее исследование посвящено вариативности маркирования комитативных конструкций (далее «КК») в урмийском новоарамейском идиоме. В большинстве случаев в качестве маркера комитативных отношений выступает предлог *tən*, основной функцией которого является кодирование пространственной и временной исходной точки. Однако при наличии определенных семантических модификаций структуры КК также допускается использование предлога *bi* (варианты *b*, *p*) с базовой семантикой инструменталиса. Для определения условий, которые влияют на выбор предлога, нами была проведена инвентаризация значений *tən* и *bi*, в процессе которой особое внимание уделялось вариативности употребления предлогов в зависимости от разнообразных семантических ролей участников ситуации. Данные для исследования собраны методом элицитации в 2023 г. в Нижнем Новгороде и в с. Урмия (Краснодарский край).

Происхождение аблативно-комитативного синкретизма в урмийском новоарамейском идиоме принято возводить к диахроническому развитию показателя *tən* путем контаминации двух предлогов — аблативного *tin* и комитативного *am* [Khan 2016: 583–584]. Таким образом у предлога формируется круг значений, ограничивающий сочетаемость предлога с участниками КК.

Согласно нашим данным, *tən* оформляет такие КК, в которых оба участника — Ориентир и Спутник — имеют одинаковую роль в ситуации, выраженной предикатом, и обладают высокой степенью автономности по отношению друг к другу.

Предлог *bi* же, помимо инструментальной зоны, покрывает обширную область периферийных для КК значений, общей особенностью которых является неравнозначность участников си-

туаии в ролевой иерархии: часто предлог маркирует такие семантические отношения, как неотчуждаемая принадлежность, вместилище — содержимое, сущность — параметр сущности (1) и т. д. У Спутников, оформляемых *bi*, в основном низкий уровень волитивности и автономности относительно Ориентира.

- (1) *brata tuuyi-la varda bi*
 девочка(F) приносить.PST-LS.3F цветок(М) с
rexa basima
 запах(М) приятный.М
 ‘Девочка принесла цветок с приятным запахом.’

Тем не менее, в случае возникновения некоторых семантических модификаций КК, использование предлогов при нестандартных для них участниках становится возможным. Так, показатель *mən* способен кодировать неволитивного Спутника, но лишь в том случае, если в комитативной группе участники автономны и «отчуждены» друг от друга. Такое происходит, к примеру, если комитативная группа играет роль приименного модификатора, ср. (2a) и (2b):

- (2) a. *brata сумка labul=əva b +halta*
 девочка(F) уносить.PROG=3.RETR с еда(F)
 ‘Девочка несла сумку с едой.’ (еда находится в сумке)
- b. *brata сумка labul=əva mən +halta*
 девочка(F) уносить.PROG=3.RETR от еда(F)
 ‘Девочка несла сумку с едой.’ (еда и сумка отдельно)

Кроме того, удалось выявить категории участников, свойства и семантическая роль которых, по-видимому, не позволяют сделать однозначный выбор в пользу того или иного предлога, обуславливая вариативность в данных. В него входят преимущественно Спутники с неопределенной автономностью, чья зависимость от Ориентира определяется экстралингвистическими условиями высказывания. Следовательно, в таком случае выбор предлога зависел от субъективной интерпретации говорящего:

- (3) *baxta bəxdar=əla bi/mən calb-o*
 женщина(F) гулять.PROG=3F с/от собака(М)-P.3F
 ‘Женщина гуляла со своей собакой.’

- (4) *+avvo tiyu=əl* *laħxa bi/mən baxt-u*
он прийти.RES.M=3М здесь с/от женщина(F)-P.3М
‘Он переехал сюда со своей женой.’

В докладе будет показано подробнее, как тип отношений Ориентиры и Спутника и свойства участников влияют на выбор показателей *mən* и *bi*, а также какие функциональные особенности предлоги проявляют в различных типах КК.

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; DEM — указательное местоимение; F — женский род; LS — L-суффикс; M — мужской род; P — притяжательность; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; RES — результатив.

Литература

Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 583–584.

П. В. Падалка
НИУ ВШЭ, Москва

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС НЕКОТОРЫХ ШУГНАНСКИХ¹ ПОСЛЕЛОГОВ С ПРОТОТИПИЧЕСКИ ПАДЕЖНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И АРЕАЛЬНАЯ ВНУТРИГЕНЕТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

В истории ряда языков иранской ветви можно проследить последовательное сокращение падежной системы, в связи с чем формировались альтернативные стратегии выражения отношений в предложении. Подробно типология данных языковых инноваций описана в [Stilo 2009]. Подобные паттерны представляют интерес для морфологии, синтаксиса и грамматической семантики.

В шугнанском языке синтаксические отношения в предложении выражаются предлогами и послелогоми. В исследовании рассматривались показатели *-and* (POSS), *-ard* (DAT), *-ti* (SUP) и *-qati* (COM|INSTR). Доклад посвящен проблеме определения их морфологического статуса. Исследуемые единицы ранее определялись как послелогои [Карамшоев 1963], в то же время их семантика соответствует выделяемым типологически в языках мира значениям падежей, которые чаще всего выражаются синтетически. Кроме того, в [Sarkisov 2018] приводятся данные, свидетельствующие о том, что эти послелогои находятся в процессе морфологизации.

В ходе полевой работы применялись тесты, направленные на определение места этих показателей в континууме аффикс–

¹ Все приведенные данные собраны методом элицитации в г. Хорог (Республика Таджикистан) в 2023 г. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№22-00-034 “Полевые и корпусные исследования языков шугнано-рушанской группы”) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

клитика. Морфологические критерии противопоставления аффикса и клитики были взяты из [Spencer, Luís 2012; Плуноян 2016]. Наиболее эффективно дифференцирующие критерии для шугнанского языка — отделимость и морфологическая интегрированность. Первый важен в силу того, что в шугнанском клитики одного ранга могут свободно меняться местами [Чистякова 2021: 41; Карамшоев 1963: 239].

Консультантов просили перевести русские предложения, а затем оценить грамматичность формы с послелогом, переставленным в позицию после клитики. Для сравнения с исследуемыми единицами были взяты локальные клитики =*ga* (аддитивный показатель) и =*aθ* (показатель эмфазы²), которые тяготеют к первой позиции после опорного слова [Чистякова 2021: 41–42].

- (1) *Karamšo-yand=aθ yulā čīd.*
 K.-POSS=INT большой дом
- (2) **Karamšo=yath-and yulā čīd.*
 K.=INT-POSS большой дом
 ‘Только у Карамшо есть большой дом.’

В (1–2) дан контекст, в котором консультанты запрещали использование клитики =*aθ* между именем и послелогом, что свидетельствует о том, что *-and* обладает большей степенью морфологизации, чем =*aθ*.

Специально изучалось взаимодействие показателей с местоимениями, так как в сочетании с местоимениями показатели *-and* и *-ard* обнаруживают такие алломорфы, которые несвойственны им в сочетании с существительными, см. (3).

- (3) *Parwiz=i wi-rd divi yet čū-d.*
 П.=3SG D3.M.SG.O-DAT дверь открытый делать-PST
 ‘Парвиз открыл ему дверь.’

Анализ собранных данных позволил построить шкалу морфологизации для исследованных показателей. В (4) слева направо перечислены единицы от наиболее «похожих на аффиксы» к наиболее «похожим на клитики». Наиболее морфологизованным

² В (1–2) этот показатель имеет значение ‘только’.

оказался маркер датива *-ard*; *-and* несколько лучше отделим, но (как и *-ard*) имеет алломорфические чередования при взаимодействии с основой; на той же ступени отделимости, но без алломорфии — *-ti*; *-qati* же ведет себя скорее как клитика. Бóльшая степень морфологической интеграции и запрет на отделение *-and* и *-ard* другими клитиками в формах с местоимениями позволили нам постулировать для современного хорогского шугнанского систему вторичных местоименных падежей, включающую в себя номинатив, косвенный падеж, посессив и датив.

(4) *-ard* > *-and* > *-ti* > *-qati*.

В докладе также сравниваются родственные дативу и локативу/посессиву показатели в других памирских языках: бартангском, ваханском, ишкашимском, рушанском, сангличском и язгулямском. В этих языках когнаты *-and* и *-ard* обладают разной степенью морфологизации, прежде всего в сочетании с местоимениями. В грамматиках ваханского, язгулямского, сангличского и ишкашимского посессивная форма выделяется как отдельный падеж местоимений, в описаниях ваханского, рушанского и бартангского отмечаются особые чередования основы местоимений при сочетании с посессивным и дативным показателями.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; COM — комитатив; D — демонстратив; DAT — дательный падеж; F — женский род; INSTR — инструменталис; INT — эмфатический показатель; M — мужской род; NOM — именительный падеж; O — объектная форма; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессивный падеж; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SUP — суперэссив.

Литература

- Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963.
Плунгян 2016 — В. А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. 6-е изд. М.: УРСС, 2016.

- Чистякова 2021 — Д. Г. Чистякова. Система энклитик в шугнанском языке. Выпускная квалификационная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Sarkisov 2018 — I. V. Sarkisov. Morphosyntax of the Noun Phrases in Shughni. MA Thesis. M.: HSE University, 2018.
- Spencer, Luís 2012 — A. Spencer, A. Luís. The canonical clitic // D. Brown, M. Chumakina, G. G. Corbett (eds.). Canonical morphology and syntax. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 123–150.
- Stilo 2009 — D. Stilo. Case in Iranian: From reduction and loss to innovation and renewal // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). Oxford handbook of case. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 700–715.

Д. Ю. Писаренко
НИУ ВШЭ, Москва

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ЛЕСНОМ НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

Доклад посвящен дистрибуции неопределенных местоимений в лесном ненецком языке (уральские > самодийские). Представленные данные собраны в экспедиции НИУ ВШЭ в с. Харампур Пуровского р-на ЯНАО в июне-июле 2023 г.

На сегодняшний день информация о контекстах употребления неопределенных местоимений в лесном ненецком языке не систематизирована, однако существующие теоретические описания [Вербов 1973; Кошкарёва 2005; Попова 1976; van Alsenoy, van der Auwera 2015; Nikolaeva 2014; Sammallahti 1974] позволяют выделить три основные серии местоимений: с показателями *-хата*, *-λ'i* и *-халт*. Как и в ряде других языков, неопределенные местоимения формируются из корня, совпадающего с вопросительным словом, и показателя серии. Дистрибуция трех серий может быть представлена с помощью семантической карты, предложенной в [Haspelmath 1997].

Местоимения на *-хата* употребляются в референтных контекстах, то есть в таких, где реальность индивида (события, действия и т.д.), о котором идет речь, не подвергается сомнению (1). *-хата* также может употребляться в некоторых контекстах снятой утвердительности (условные клаузы, вопросительные предложения и т. д.), в этом случае уже конкурируя с *-λ'i* (2), чего не наблюдается в (1).

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Структура составляющих и их интерпретация в архитектуре грамматики языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

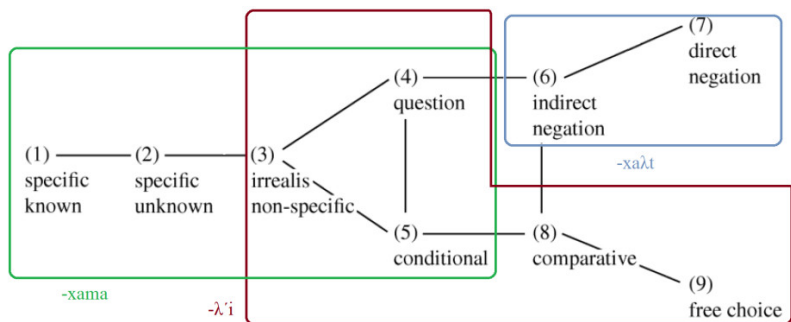

Рис. 1. Семантическая карта серий неопределенных местоимений в лесном ненецком языке

(1) *ɲas'k'i=ɹudi ɲamæ-xama-m / *ɲamī-λ'i-m pat°-ɲa*
 ребенок=DIM что-xama-ACC что-λi-ACC рисовать-AOR[3SG]
 'Ребенок что-то нарисовал.'

(2) *k'im'a-λ'i / k'im'a-xama to-p°ɹ-j°*
 кто-λi кто-xama приходить-COND-POSS.1SG
man'° majna-d'e-m°
 1SG счастливый-REFL-1SG
 'Если кто-нибудь придет, я обрадуюсь.'

Местоимения на *-λ'i* употребляются как местоимения свободного выбора, то есть в том случае, если говорящий подразумевает, что количество возможных опций, допустимых в данном контексте, превышает единицу (3). Местоимения на *-xama* в той же ситуации не могут иметь такого значения (так, предложение (4) при замене *-λ'i* на *-xama* интерпретируется носителями как #'Позови домой не знаю кого').

(3) *čuk'i mǎns°d'a-m k'im'a-λ'i s'eλta-na-ta*
 этот работа-ACC кто-λi делать-FUT-3SG>SG
 'Кто угодно с этой работой справится.'

(4) *k'im'a-λ'i / #k'im'a-xama m'a^h-ka-j° katta-ɹ*
 кто-λi кто-xama дом-DAT-POSS.1DU звать-IMP.2SG
 {Контекст: родители разрешают ребенку позвать домой кого он хочет} 'Ты можешь позвать домой кого угодно.'

Использование серии *-xalt* ограничено отрицательными контекстами, то есть непосредственной сферой действия сентенциального отрицания или оператора *без*. Из всех трех серий только *-xalt* может служить как отрицательное местоимение: вариант с *-λ'i* в таких контекстах не признается приемлемым (5), а *-xama*, находясь в одной клаузе с отрицательным оператором, имеет сферу действия строго над отрицанием (6).

(5) *k'im'a-xalt* / **k'im'a-λ'i* *n'i* *tu-ʔ*
кто-**xalt** кто-**λi** NEG[3SG] прийти-CONNEG
'Никто не пришел.'

(6) *kim'a-xama* *n'i(-maj)* *tu-ʔ*
кто-**xama** NEG(-EVID[3SG]) прийти-CONNEG
'Кто-то / *Никто не пришел.'

Анализ. Данные показывают, что серии неопределенных местоимений лесного ненецкого языка различаются между собой по нескольким основным параметрам. Первый параметр — это *полярность* местоимения. Из трех рассмотренных серий отрицательно поляризованными единицами (NPI), то есть такими единицами, которые лицензируются исключительно в отрицательном окружении, можно считать только местоимения серии на *-xalt*. Эта серия относится к т. н. *сильным NPI*, то есть она может быть лицензирована только в сильных отрицательных контекстах по [Zwarts 1998], но не в более слабых контекстах снятой утвердительности, таких как условные клаузы, вопросы и т. п. В этих контекстах, однако, могут употребляться местоимения серий *-λ'i* и *-xama*.

В свою очередь, противопоставление *-λ'i* и *-xama* основывается на том, что первая серия, в отличие от второй, обязательно подразумевает выбор между возможными релевантными альтернативами. Вслед за [Saebø 2001; Kratzer, Shimoyama 2002; Chierchia 2013: 281, *i.a.*], можно предположить, что местоимения на *-λ'i* лицензируются только в сфере действия модального оператора, который может быть заключен в императивном контексте (4) или в будущем времени (3). Контексты типа (1), повествующие об уже произошедшем событии, не несут в себе модальной базы и не лицензируют *-λ'i*.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; COND — условное наклонение; CONNEG — коннегатив; DAT — датив; DIM — диминутив; DU — двойственное число; EVID — эвиденциальность; FUT — будущее время; IMP — императив; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; REFL — рефлексивное склонение; SG — единственное число.

Литература

- Вербов 1973 — Г. Д. Вербов. Дialect лесных ненцев // А. П. Окладников (отв. ред.). Самодийский сборник: сборник научных трудов. Новосибирск: Академия наук СССР, Сибирское отделение Институт истории, филологии и философии, 1973. С. 3–190.
- Кошкарёва 2005 — Н. Б. Кошкарёва. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2005.
- Попова 1976 — Я. Н. Попова. Ненецко-русский словарь: Лесное наречие [Studia uralo-altaica, Vol. 12]. Szeged: University of Szeged, 1978.
- van Alsenoy, van der Auwera 2015 — L. van Alsenoy, J. van der Auwera. Indefinite pronouns in Uralic languages // M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). Negation in Uralic languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 519–546.
- Chierchia 2013 — G. Chierchia. Logic in grammar: Polarity, free choice, and intervention [Oxford Studies in Semantics and Pragmatics, Vol. 2]. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Kratzer, Shimoyama 2002 — A. Kratzer, J. Shimoyama. Indeterminate pronouns: The view from Japanese // Y. Otsu (ed.). Proceedings of the 3rd Tokyo conference on psycholinguistics. Tokyo: Hituzi Syobo, 2002. P. 1–25.
- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. A grammar of Tundra Nenets [Mouton Grammar Library 65]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014.
- Sæbø 2001 — K. J. Sæbø. The semantics of Scandinavian free choice items // Linguistics and philosophy. 2001. Vol. 24. № 6. P. 737–787.

Sammallahti 1974 — P. Sammallahti. Material from Forest Nenets [Castrenianumin toimitteita, Vol. 2]. Helsinki: Castrenianum, 1974.

Zwarts 1998 — F. Zwarts. Three types of polarity // F. Hamm, E. Hinrichs (eds.). Plurality and quantification [Studies in Linguistics and Philosophy, Vol. 69]. Dordrecht: Springer, 1998. P. 177–238.

И. С. Политова
НИУ ВШЭ, Москва

ПОДЪЕМ КЛИТИК ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Доклад посвящен поведению местоименных клитик в бессоюзных полипредикативных конструкциях во французском языке. Бессоюзные полипредикативные конструкции — это конструкции с двумя глаголами, где первый (матричный) глагол согласуется по лицу и числу с субъектом, а второй стоит в форме инфинитива:

(1) *Je dois parler à Pierre.*

‘Я должен/должна поговорить с Пьером.’

Второй глагол при этом может иметь свои аргументы (такие как *à Pierre* ‘с Пьером’ в (1), который является аргументом глагола *parler* ‘говорить’). Позиция этого аргумента зависит от того, чем он выражен: если именные группы стоят после второго глагола, то местоимения — между двумя глаголами:

(2) *Je dois te parler.*

‘Я должен/должна поговорить с тобой.’

Однако в некоторых случаях возможен также вынос этих местоимений в позицию перед матричным глаголом:

(3) *Oui je te dois parler ! Comment vas-tu déjà ?*

‘Да, я должен/должна поговорить с тобой! Как ты теперь?’

[<http://aminoapps.com/p/12x500>]

Такой вынос местоимений называется подъемом клитик (или *clitic climbing*), он распространен и широко исследован в других романских языках (см. [Napoli 1981] для итальянского и [Gonzalez-López 2008] для испанского). Но во французском языке это явление остается без внимания и потому нуждается в изучении.

Цель нашего исследования — определить, насколько во французском распространен подъем клитик и при каких вершинах он возникает, а также выделить контексты, в которых он ограничен или невозможен. Для этого мы рассмотрим некоторые факторы (связанные с матричным глаголом; связанные с местоимением, которое выносится; характеризующие предложение в целом) и исследуем, ограничивают ли они подъем клитик.

По своему методу исследование является преимущественно корпусным (использовался корпус [Araneum Francogallicum III Minus]); но мы также прибегли к элицитации, чтобы дополнить корпусные результаты.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, на возможность подъема клитик влияют **частотность** и **семантика** матричного глагола. Регулярный подъем клитик встречается только с шестью самыми частотными глаголами французского языка, присоединяющими инфинитивы. Если же рассмотреть все глаголы, с которыми он встречается (таких глаголов 10), то можно заметить, что они объединяются в три семантических класса (по [Noonan 2007]) — *modal predicates*, *propositional attitude predicates* и *desiderative predicates*. Также вероятность подъема клитик уменьшается, если матричный глагол присоединяет инфинитив **с помощью предлога** (как, например, глагол *venir de* ‘только что сделать что-либо’, с которым подъем клитик в корпусе не встретился).

Во-вторых, фактор **местоимения** также влияет на возможность выноса: наиболее часто выносятся клитики *en* и *y*, замещающие некоторые косвенные дополнения и наречия с предлогами. Любопытно, что в [Каупе 2000: 65] утверждается, что только эти две клитики способны выноситься в главную клаузу. Как показывает наше исследование, другие местоимения тоже могут выноситься, но реже — см. Рис. 1.

В-третьих, на возможность подъема клитик также влияют **отрицание** и **тип видовременной формы глагола**: при наличии в предложении отрицания и/или составной временной формы матричного глагола доля выносов местоимений уменьшается (Рис. 2 и 3). Как показали результаты последующей элицитации, эти факторы влияют на приемлемость по-разному: подъем клитик

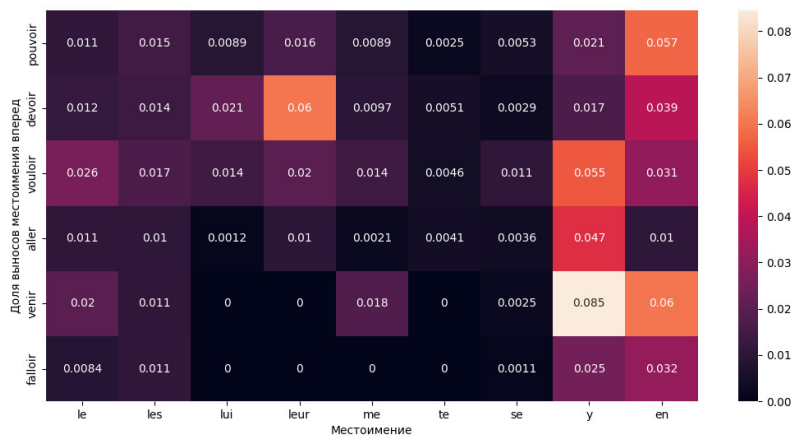

Рис. 1. Доля выносов местоимений от общего числа вхождений с шестью самыми частотными глаголами, присоединяющими инфинитив

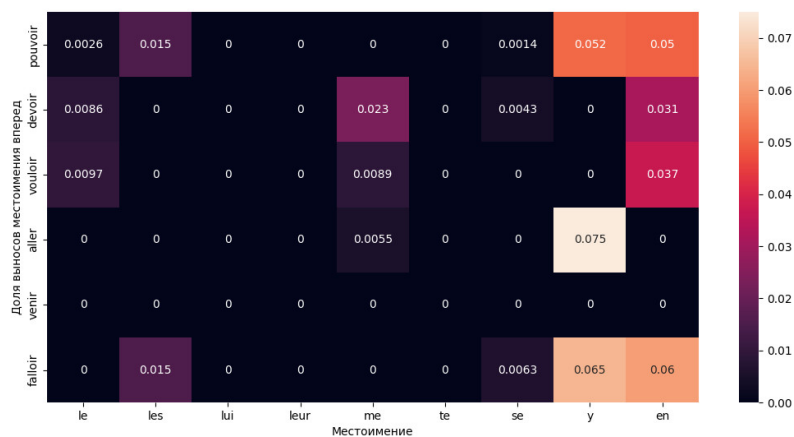

Рис. 2. Доля выносов местоимений при отрицании

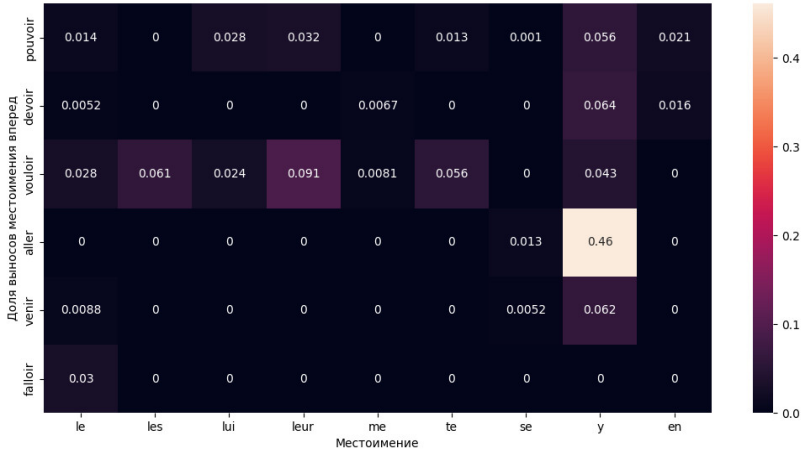

Рис. 3. Доля выносов местоимений при составной временной форме

при составной временной форме для носителей неприемлем, а вот при отрицании — приемлем.

Наконец, последний вывод: как показали результаты элицитации, в некоторых случаях предложения с подъемом клитик (в особенности клитик *en* и *y*) оцениваются носителями французского даже лучше, чем аналогичные предложения без их подъема.

Все эти результаты свидетельствуют о том, что неверно говорить об отсутствии во французском языке подъема клитик, поскольку в некоторых контекстах он допустим. Однако эта тема нуждается в дальнейшем исследовании.

Источники

Araneum Francogallicum III Minus — Annotated comparable web corpus (French). URL: http://aranea.juls.savba.sk/aranea_about/_francogallicum.html

Литература

González-López 2008 — V. A. González-López. Spanish Clitic Climbing. Doctoral dissertation. Univeristy Park: The Pennsylvania State University, 2008.

- Kayne 2000 — R. S. Kayne. Parameters and universals. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000.
- Napoli 1981 — D. J. Napoli. Semantic Interpretation vs. Lexical Governance: Clitic Climbing in Italian. *Language*. 1981. Vol. 57. № 4. P. 841–887.
- Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description Vol. 2*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52–150.

Е. Е. Полякова

РГГУ, Москва

**ЭТИ СЛОВА ПРИНАДЛЕЖАТ НЕ ТЕБЕ:
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КЛИТИКИ *лла*
В СОБСТВЕННО ХВАРШИНСКОМ¹**

Указание на источник информации относится к семантической зоне эвиденциальности. Для нахско-дагестанских языков характерно наличие нескольких способов выражения значений из этой зоны: противопоставление временных форм, аналитические конструкции с «легкими» глаголами и использование частиц [Verhees 2022]. Последние чаще всего маркируют информацию, полученную с чужих слов. В этой области пересекаются квататив и репортатив, границу между которыми не всегда удастся четко провести. В нашей работе мы говорим о кватативе в определении [Güldemann 2008: 3–15]: квататив, или цитационный маркер, указывает на то, что часть текста не порождена говорящим напрямую, а лишь передается им в качестве чужого высказывания или мысли. Основной же функцией репортатива является фокус на чьих-то словах как источнике информации [Aikhenvald 2004: 176–177].

В собственно хваршинском диалекте хваршинского языка (западноцезская подгруппа < цезская группа < аваро-андо-цезская ветвь < нахско-дагестанская семья) оба значения покрывает один показатель — клитика *лла*. Для западноцезских языков это нехарактерно: как отмечено в работе [Khalilova 2011: 42], в языках этой подгруппы обычно существует два разных маркера, для кватативного и нарративного использования соответственно, при

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

этом маркер квотатива требует наличия глагола речи, что неверно для собственно хваршинской клитики *λλα*:

(1) *Risalat-i istakan j-ica-χ-χα=λλα*

Рисалат-ERG стакан V-разбить-CAUS-PST.W=QT

а. ‘Рисалат сказала, что сломала стакан.’

б. ‘Кто-то сказал, что Рисалат сломала стакан.’

(2) *b-eča-na b-eča-na-gobč'i=λλα*

HPL-AUX-PST.U HPL-AUX-PST.U-NEG.AUX=NARR

has žik^ma-n vini-n

один мужчина-ADD жена-ADD

‘Жили да не были муж с женой.’ [‘Падчерица’ < Каримова 2014:158]

Пример (1) демонстрирует две возможные интерпретации: в (1a) источник информации выражен эксплицитно и совпадает с участником ситуации; в (1b) источник не указан и, более того, необязательно конкретен: комментарии носителей указывают на допустимость употребления клитики *λλα* в случае, если источником являются слухи.

Особый интерес представляет употребление клитики *λλα* в сочетании с другим способом выражения эвиденциальности в хваршинском языке — противопоставлением двух форм прошедшего времени по критерию прямого/непрямого доступа к информации. Форма непрямого прошедшего указывает на то, что говорящий не был свидетелем ситуации; дефолтная форма прямого прошедшего имплицитно свидетельствует об обратном.

В сочетании каждого из прошедших времен с клитикой *λλα* наблюдается следующий эффект: при использовании прямого прошедшего допускаются две интерпретации, одна из которых соответствует случаю, когда источник информации и участник ситуации кореферентны (3a); однако же такая интерпретация часто недопустима при использовании непрямого прошедшего (4a):

(3) *Sapijat-i kavat liχe-χ-χο j-ejča=λλα*

Сапият-ERG письмо рвать-CAUS-PRS V-AUX.PST.W=QT

а. ‘Сапият рассказала, что рвала письмо.’

б. ‘Кто-то рассказал, что Сапият рвала письмо.’

(4) *Sarijat-i kavat lixe-x-xo j-eša-na=lla*

Сапийт-ERG письмо рвать-CAUS-PRS V-AUX-PST.U=QT

а. ?‘Сапийт рассказала, что рвала письмо.’

б. ‘Кто-то рассказал, что, оказывается, Сапийт рвала письмо.’

Носителями также отмечалась предпочтительность примера (4) в случае, если источником информации являются слухи. При этом стоит отметить, что само по себе употребление формы непрямого прошедшего в отношении говорящего, которое требовалось бы для (4а), не запрещено, но предполагает позднее осознание говорящим произошедшего.

Можно предположить, что при наложении граммем происходит «эвиденциальный сдвиг» на шкале эвиденциальных значений (впервые предложенной в работе [de Naan 1998] и модифицированной в [Faller 2002]): одновременное использование двух маркеров непрямого доступа делает менее доступной интерпретацию получения информации «из первых рук» (т. е. непосредственно от участника ситуации) и говорит о наличии нескольких промежуточных посредников.

Список условных сокращений

ADD — аддитив; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; ERG — эргатив; HPL, V — согласовательные классы; NARR — нарративный маркер; NEG — отрицание; PRS — настоящее время; PST.U — не прямое прошедшее время; PST.W — прямое прошедшее время; QT — квотатив.

Литература

Каримова 2014 — Р. Ш. Каримова. Хваршинский фольклор. Лейпциг — Махачкала: АЛЕФ, 2014.

Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Faller 2002 — M. Faller. Remarks on evidential hierarchies // D. I. Beaver, L. D. C. Martinez, B. Z. Clark., S. Kaufmann (eds.). The construction of meaning. Stanford: CSLI Publications, 2002. P. 89–111.

- Güldemann 2008 — T. Güldemann. Quotative Indexes in African Languages: A Synchronic and Diachronic Survey. Berlin / New York: Mouton De Gruyter, 2008.
- de Haan 1998 — F. de Haan. The category of evidentiality. Unpublished manuscript. University of New Mexico, 1998.
- Khalilova 2011 — Z. M. Khalilova. Evidentiality in Tsezic languages // Linguistic Discovery. 2011. Vol. 9. № 2. P. 30–48.
- Verhees 2022 — S. Verhees. Evidentiality // Typological Atlas of the Languages of Daghestan (TALD). M. Daniel, K. Filatov, G. Moroz, T. Mukhin, C. Naccarato, S. Verhees (eds.). Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE, 2022.

П. О. Россйкин*, И. А. Хомченкова***

МГУ, Москва* — ИРЯ РАН, Москва**

СКАЛЯРНОСТЬ, АДДИТИВНОСТЬ И СВОБОДНЫЙ ВЫБОР¹

Для языков Евразии характерно использование частицы, совмещающей аддитивную ('тоже') и скалярную ('даже') функции [Gast, van der Auwera 2013] (далее — μ -частицы [Mitrović 2021]). Помимо ряда других устойчивых свойств (см. [Bylinina et al. 2023; Rossyaukin 2023] среди прочих), для них характерна способность образовывать местоимения свободного выбора (далее — FCI).

В этой работе, основываясь на полевых данных балкарского, кумыкского и удмуртского языков на типологическом фоне, мы рассмотрим морфологические варианты μ -FCI, их дистрибуцию и возможные пути анализа семантики μ -частиц в свете данных μ -FCI.

Морфология. μ -FCI как правило образуются от вопросительных местоимений. Можно выделить три типологически частотные разновидности μ -FCI (1а–в) и по меньшей мере две маргинальные (1г–д):

- (1) а. WH-ADD (тюркские, монгольские, японский, китайский, тибетский и др.)

ajgul kim-nen-ne erü.

Айгуль кто-ABL-ADD красивый

'Айгуль красивее всех.' (терский кумыкский)

¹ Материал удмуртского языка (татышлинский говор) собран в Республике Башкортостан в с. Старый Кызыл-Яр, Ивановка и Нижнебалтачево в 2022–2023 г. Материал балкарского языка (малкарский диалект) собран в с. Верхняя Балкария (Кабардино-Балкарская Республика) в 2019, 2021 г. Материал кумыкского языка (терский диалект) собран в с. Предгорное (Республика Северная Осетия — Алания) в 2022–2023 г. Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00285.

- б. WH-быть-SUBJ-ADD (тюркские, русский, японский, тибетский, дравидийские и др.)
kim bol-sa da ol stol-nu kötür-al-liq-di.
 кто быть-COND ADD тот стол-ACC поднимать-ABIL-FUT-3SG
 ‘Кто угодно поднимет этот стол.’ (малкарский балкарский)
- в. UQ-WH-ADD (тюркские, уральские, дравидийские)
mi kot'-kud-des=no
 мы UQ-который-ACC.POSS.2PL=ADD
uža-nê bas't-o-m.
 работать-INF брать-FUT-1PL
 ‘Мы возьмем на работу любого из вас.’ (татышлинский удмуртский)
- г. WH-INDEF-ADD
ollo-kin=no so-lê zadač'a uža-nê
 INDEF-кто=ADD тот-DAT задача работать-INF
bulâš-i-z.
 помогать-PST-3SG
 ‘Кто только не помогал ему решить эту задачу.’ (татышлинский удмуртский)
- д. WH-DISJ-ADD
Ori-și-cine ar suna azi, sunt ocupatã.
 DISJ-ADD-кто COND.3SG звонить сегодня я.есть занят
 ‘Кто бы ни звонил сегодня, я занят.’ (румынский, [Fălăuș, Nicolae 2022])

Конструкции типа (1a) могут быть как FCI (балкарский, кумыкский, бурятский), так и собственно универсальными кванторами (японский, китайский). Конструкции типа (1в) также могут быть универсальными кванторами без импликатур свободного выбора, причем в этом случае вклад μ -частицы в семантику неочевиден (2).

- (2) *har kim(-ne) alma süj-e.*
 каждый кто-ADD яблоко любить-IPFV
 ‘Каждый человек любит яблоки.’ (кумыкский)

Независимо от формы, ядро **дистрибуции** μ -FCI — типичные контексты, допускающие FCI: генерические обобщения (1б),

стандарт сравнения (1а), условный antecedent (1д). При этом μ -FCI обычно не встречаются в контекстах из левой части семантической карты [Haspelmath 1997] — в общем вопросе (3а) и в сфере действия интенциональных предикатов (3б).

(3) а. #*sen ne-ni bol-sa da aša-kan-mi-sa?*
ты что-ACC быть-COND ADD есть-PFCT-Q-2SG
'Ты абы что / *что-нибудь съел?' (балкарский)

б. #*men ne-ni-de aša-tava sij-e-men.*
я что-ACC-ADD есть-INF хотеть-IPFV-1SG
'Я хочу съесть все / *что-нибудь.' (кумыкский)

Еще одна особенность μ -FCI состоит в том, что они могут быть допустимы в эпизодических контекстах при обеспечении множественности событий (1г). Наконец, μ -FCI часто допускают "just any"-интерпретации (3а).

Исходя из (1–3) и данных типологии, можно сделать следующие обобщения о семантике μ -FCI:

(4) а. Скалярность / контрфактивность: μ -FCI вводит в рассмотрение маловероятные альтернативы; например, в (1б) в качестве «поднимателя стола» рассматриваются даже те, кто обычно не могут поднять стол.

б. Экзотивность / тотальное варьирование: каждая из альтернатив может быть истинна; например, в (1б) для каждого индивида *x* существует достижимая ситуация, в которой *x* поднимает стол (ср. #*Наверняка, кто-нибудь поднимет этот стол*).

Свойства в (4) обусловлены именно присутствием μ -частицы, которая привносит аддитивность (= квантификацию по альтернативам) и скалярность (= скалярное упорядочивание альтернатив). Общий анализ μ -FCI очевидно должен опираться на эти свойства μ -частиц. В докладе мы сравним два наиболее актуальных подхода к анализу универсальных FCI: анализ через хамблиновскую семантику альтернатив ([Kratzer, Shimoyama 2002], среди прочих) и анализ в рамках грамматической теории скалярных импликатур ([Chierchia 2013], среди прочих).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABIL — внутренняя возможность; ABL — аблатив; ACC — аккумулятив; ADD — аддитивность; COND — кондиционалис; DAT — датив; DISJ — дизъюнкция; FUT — будущее время; INDEF — неопределенное местоимение; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; PFCT — перфект; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; Q — общий вопрос; SG — единственное число; SUBJ — субъюнктив; UQ — универсальный квантор.

Литература

- Bylinina et al. 2023 — L. Bylinina, N. Ivlieva, A. Podobryaev. Balkar particle *da* and domain maximality. Talk presented at Workshop on Altaic Formal Linguistics 17. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, September 28, 2023.
- Chiercia 2013 — G. Chiercia. Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention. Oxford University Press, 2013.
- Fălăuș, Nicolae 2022 — A. Fălăuș, A. Nicolae. Additive free choice items // Natural Language Semantics. 2022. Vol. 30. № 2. P. 185–214.
- Gast, van der Auwera 2013 — V. Gast, J. van der Auwera. Scalar additive operators in Transeurasian languages // M. Robbeets, H. Cuyckens (eds.). Shared Grammaticalization: With special focus on the Transeurasian languages. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2013. P. 113–146.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Kratzer, Shimoyama 2002 — A. Kratzer, J. Shimoyama. Indeterminate pronouns: The view from Japanese // Y. Otsu (ed.). The proceedings of the third Tokyo Conference on Psycholinguistics (TCP 2002). Tokyo: Hituzi Syobo, 2002. P. 1–25.
- Mitrović 2021 — M. Mitrović. Superparticles: A Microsemantic Theory, Typology, and History of Logical Atoms. Dordrecht: Springer, 2021.
- Rossyaykin 2023 — P. Rossyaykin. Why are Altaic scalar NPIs so strong? Talk presented at Workshop on Altaic Formal Linguistics 17. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, September 28, 2023.

А. М. Руднева

МГУ, Москва

ПОЗИЦИИ НЕФИНИТНОЙ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

В докладе мы опишем синтаксис причастных клауз в татышлинском говоре удмуртского языка и обоснуем (не)доступность релятивизации определенных позиций по иерархии Кинэна-Комри, уделив особое внимание компонентам именной и после-ложной группы.

Свойства нефинитной релятивизации в бесермянском удмуртском описаны в работе [Брыкина, Аралова 2012], однако в ней не рассмотрены позиции вынесения из посессивной ИГ и РР, которые станут эмпирической основой нашего анализа. Данные татышлинского говора в этом аспекте ранее не исследовались.

Материал собран методом анкетирования в ходе полевой работы в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2023 г.

В удмуртском используется одно активное и несколько специфированных по времени, но не по залогу причастий, которые могут релятивизовать позиции Subj, DO, IO, Obl, Poss (позиция OComp недоступна). Субъект обычно выражается через позицию посессора, посессивный показатель маркирует вершинное имя или, при экстрапозиции ИГ, причастие. Причастная клауза и ИГ-мишень располагаются контактно.

- (1) a. *žók vâl-ân puk-e tânad völdet-ez*
стол верх-LOC сидеть-PRS.3SG ты.GEN потолок-ACC
buja-m kraska-jed
красить-PTCP.PST краска-POSS.2SG
- b. *žók vâl-ân puk-e kraska*
стол верх-LOC сидеть-PRS.3SG краска

t̄nad völdet-ez buja-m-ed
 ты.GEN потолок-ACC красить-PTCP.PST-POSS.2SG
 ‘На столе стоит краска, которой ты красил потолок.’

Интерес представляют данные о релятивизации компонентов именной посессивной и послеложной групп (обобщение о (не)доступности в Таблице 1 ниже).

Удмуртский язык различает несерийные послелого (их зависимые — комплементы Р) и серийные (с сохранением части именных свойств, их зависимые могут быть комплементом Р либо выражаться в Spec, PossP).

Таблица 1. Доступность релятивизации компонентов именной и послеложной групп

	Несерийный послелог	Серийный послелог с комплементом	Серийный послелог с посессором	Именная группа с посессором
Вся группа	*	ok	*	*
Зависимое / посессор	*	*	*	ok
Вершина / обладаемое	*	*	*	*

Релятивизация посессора допускается только при прикреплении генитивного маркера к обладаемому, находящемуся в контактной препозитивной конфигурации с выдвинутым обладателем. Ранее в известных нам работах отмечалась допустимость релятивизации посессора при отсутствии противопоставления Nom и Gen, ср. [Nikolaeva 1999] о хантыйском, но не при опущении генитива на другую составляющую, как в удмуртском.

(2) *mi aʒʒ'-i-m volod'a-les' žut-em*
 мы видеть-PST-1PL Володя-GEN2 поднять-PTCP.PST
korka-jez-les' až'ami-ze
 дом-POSS.3SG-GEN2 человек-ACC.POSS.3SG
 ‘Мы увидели человека, дом которого построил Володя.’

Релятивизация зависимого или группы послелого и посессивной ИГ целиком труднодоступна. Также наблюдается асимметрия доступности позиции посессора ИГ и зависимого серийного послелога.

Переходя к анализу, мы в рамках теории [Кауне 1994; Foley 2013] будем считать, что нефинитная релятивизация реализуется в удмуртском через подъем ИГ (что объясняет ряд свойств, которые были упомянуты в тезисах или будут продемонстрированы в докладе: ограниченность альтернатив в порядке слов, отсутствие нерестриктивной семантики, недоступность низких позиций иерархии). Р. Кейн постулирует, что рестриктивная RC является комплементом D (в нашем случае, в связи с наличием субъекта-посессора, комплементом Poss — самой высокой материально выраженной проекции в DP). В татышлинском (в примере (1a)) поднявшееся в спецификатор C_{rel} вершинное имя *kraska* адъюнгируется к Poss *-jed*.

Выдвижение посессора мы объясняем вторичным адъюнгированием к Poss. Для разрешения прочтения составляющей XP+Poss, возникающей после адъюнгирования, релятивизируемая XP должна отвечать селективным требованиям к комплементу Poss.

По данным линейного расположения аффиксов, порядок именных проекций в татышлинском ...NomP-PossP-AccP-GenP... (для базовых падежей) и ...LocP-PossP... (для пространственных), что коррелирует с теоретическими предсказаниями в работе [Саха 2009]. Следовательно, Poss имеет селекцию на составляющую с именным категоризатором *n* малое [Wood 2023: 2–13] и размером меньше PossP (NomP или LocP).

Таким образом, мишень релятивизации должна удовлетворять трем условиям:

- иметь именной синтаксический статус;
- быть размером меньше PossP;
- при выдвижении имени из функциональной оболочки селективные требования функциональной вершины при ее опущении на другую составляющую (например, при произнесении генитива на обладаемом при релятивизации посессора) должны быть выполнены.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AccP — группа имени в аккузативе; C_{rel} — комплементаризатор, вызывающий релятивное выдвигание; DO — прямой объект; GEN — генитив; GenP — группа имени в генитиве; GEN2 — второй генитив; IO — непрямой объект; LOC — локатив; LocP — группа составляющей в пространственном падеже; NOM — номинатив; NomP — группа имени в номинативе; Obl — косвенный объект; OComp — объект сравнения; P — послелог; PL — множественное число; POSS — посессив; Poss — посессор; вершина посессивной группы; PossP — посессивная именная группа; PP — послеложная группа; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; RC — относительная клауза; SG — единственное число; Subj — субъект; ИГ — именная группа.

Литература

- Брыкина, Аралова 2012 — М. М. Брыкина, Н. Б. Аралова. Системы причастий в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 476–520.
- Saha 2009 — P. Saha. The nanosyntax of case. PhD thesis. Tromsø: Universitetet i Tromsø, 2009.
- Foley 2013 — S. Foley. The syntax of Georgian relative clauses. New York: New York University Press, 2013.
- Kayne 1994 — R. Kayne. The Antisymmetry of Syntax. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1994.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak [Languages of the World/Materials 305]. Munich: Lincom Europa, 1999.
- Wood 2023 — J. Wood. Icelandic nominalizations and allosemy. Oxford: Oxford University Press, 2023.

А. А. Русских

НИУ ВШЭ, Москва

**АДДИТИВНАЯ ЧАСТИЦА =LO
В ЗИЛОВСКОМ АНДИЙСКОМ:
К ВОПРОСУ О КОМБИНАЦИИ АДДИТИВНОЙ ЧАСТИЦЫ
С ДРУГИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ**

Аддитивные фокусные частицы, такие как англ. *also* или нем. *auch*, широко обсуждаются в типологической литературе [König 1991; Krifka 1998; Forker 2016]. Один из важных вопросов, связанных с описанием функций аддитивных частиц, заключается в том, используется ли аддитивная частица в той или иной функции самостоятельно или совместно с другими обязательными элементами. В [König 2017] отмечается, что, в отличие от ряда других функций (например, простой аддитивности), для образования уступительных клауз аддитивная частица всегда используется вместе с дополнительным маркером: «Аддитивные фокусные маркеры часто появляются как компонент уступительного маркера (англ. *even though*, *even if*, *even so*), но уступительность никогда не выражается одним аддитивным маркером и требует композиционного эффекта со скалярным маркером или условным» [König 2017: 40]. В связи с этим, особый интерес представляет описание функций аддитивной частицы с прицельным вниманием к тому, в каких функциях аддитивная частица используется совместно с другими компонентами, а в каких — сама по себе. В настоящем докладе будет предложено такое описание аддитивной частицы =lo в зиловском диалекте андийского языка (< нахско-дагестанские)¹.

Аддитивная частица =lo в зиловском андийском является многофункциональной клитикой, которая используется как в типоло-

¹ Данные для доклада были собраны осенью 2022 г. методом элицитации в экспедиции в с. Зило.

гически часто выделяемых для аддитивных частиц контекстах, так и в типологически периферийных. В Таблице 1 дан перечень функций, в которых используется аддитивная частица =lo и указаны дополнительные маркеры в тех случаях, когда она используется совместно с ними.

Таблица 1. Функции =lo в зилловском андийском

Функция / сочетаемость с другими элементами	Показатель
Аддитивность	=lo [=ADD]
Скалярная аддитивность	
Сочинение	
Деепричастные клаузы	
Количественные конструкции со значением полного охвата	=gu=lo [=EMPH=ADD]
Универсальные кванторы	
Комитатив	-loj [=COM]
Составные числительные	
Уступительные клаузы	-bolo [=CONC]
Неопределенные местоимения	=lo [=ADD], =gu=lo [=EMPH=ADD], -bolo [=CONC]

Как можно заметить из Таблицы 1, только в половине функций аддитивная частица используется без дополнительных элементов. В трех функциях аддитивная частица употребляется совместно с эмфатической частицей =gu. Отдельно можно выделить показатели -loj и -bolo, которые диахронически восходят к комбинации =lo предположительно с показателем перфекта -j (Т. А. Майсак, л. с.) и с условным показателем -bor [Kaye et. al., forthcoming], соответственно.

Таким образом, все перечисленные функции =lo в зилловском андийском можно разделить на три группы с точки зрения комбинации аддитивной клитики с другими элементами:

- I. Аддитивная клитика используется самостоятельно и не требует других компонентов, см. (1).

(1) ПРОСТАЯ АДДИТИВНОСТЬ

aḥmadi ts:udur=lo

Ахмет умный=ADD

‘Ахмет также умный.’

II. Аддитивная клитика используется совместно с другими компонентами, которые следует анализировать как отдельные показатели. В примере (2) аддитивная частица присоединяется к форме количественного числительного, которая образуется с помощью *=gu* [Kaye et. al., forthcoming] и не может присоединяться непосредственно к основе числительного.

(2) КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОЛНОГО ОХВАТА

*tʃ'e=gu=lo /*tʃ'e=lo motʃ'i*

два=EMPH=ADD два=ADD ребенок

‘оба ребенка’

III. Аддитивная клитика используется совместно с другими компонентами, однако в результате стяжения был образован отдельный показатель. Так, показатель *-bolo* диахронически содержит *=lo*, однако на синхронном уровне отдельного показателя *-bo* не существует.

(3) УСТУПИТЕЛЬНЫЕ КЛАУЗЫ

ts':a retli-bolo sore-ri w-oʔinn-ija

дождь идти-CONC гулять-INF M-PL.идти-FUT

‘Даже если пойдет дождь, мы пойдем гулять.’

В докладе будут подробно обсуждаться выделенные случаи комбинации аддитивной частицы с другими показателями и их семантический вклад, а также будет предложен возможный типологический взгляд на необходимость дополнительных элементов в одних функциях, и их отсутствие — в других.

Список условных сокращений

ADD — аддитивная частица; COM — комитатив; CONC — показатель уступительности; EMPH — эмфатическая частица; FUT — будущее время; INF — инфинитив; M — мужской род; PL — множественное число.

Литература

- Forker 2016 — D. Forker. Toward a typology for additive markers. *Lingua*. 2016. Vol. 180. P. 69–100.
- Kaye et. al., forthcoming — S. Kaye, G. Moroz, N. Rochant, S. Verhees, A. Zakirova. Andi (Zilo dialect) // Y. Lander, T. Maisak, Yu. Koryakov (eds.). *The Caucasian Languages. An International Handbook*. De Gruyter Mouton, Berlin/New York, forthcoming.
- König 1991 — E. König. *The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective*. London: Routledge, 1991.
- König 2017 — E. König. Syntax and semantics of additive focus markers from a cross-linguistic perspective // A.-M. De Cesare, C. Andorno (eds.). *Focus on additivity: Adverbial modifiers in Romance, Germanic and Slavic languages [Pragmatics & Beyond New Series 278]*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publications, 2017. P. 23–44.
- Krifka 1998 — M. Krifka. Additive particles under stress // *Semantics and Linguistic Theory*. 1998. Vol. 8. P. 111–128.

Ф. А. Садковский, Е. Н. Гозуа

МГУ, Москва

**ИНТЕРВОКАЛЬНОЕ ВЫПАДЕНИЕ
ЗАДНЕЯЗЫЧНОЙ ФОНЕМЫ
С ПОСЛЕДУЮЩИМ СТЯЖЕНИЕМ ГЛАСНЫХ
В ТЕРСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА**

Доклад посвящен фонетическому процессу интервокального удаления фонемы /G/ с последующим стяжением гласных в терском диалекте кумыкского языка. Кумыкский язык относится к кыпчакской группе тюркских языков; терский диалект распространен в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания. Данные были собраны в ходе экспедиции в село Предгорное Моздокского района в августе 2023 г.

В кумыкском языке фонема /G/ реализуется как глухой увулярный взрывной [q] в позиции конца слова в основах заднего ряда или как веларный [k] в основах переднего; в позиции между гласными как щелевой увулярный [ɸ] для слов заднего ряда или как заднеязычный взрывной [g] для слов переднего ряда [Гаджихмедов (отв. ред.) 2014]. В терском диалекте возможно удаление /G/ между гласными, приводящее к дальнейшему стяжению гласных в один долгий сегмент, ср. (1–2):

- (1) /tana + Ga/ → /tanaɸa/ → (tana.a) → [tana:]
бык + DAT → *литератур-* → *удаление [ɸ]* → *фонетическая*
ная норма *реализация*
- (2) /gölek + Im/ → /gölegim/ → (göle.im) → [göle:m]
рубашка + → *литератур* → *удаление [g]* → *фонетическая*
1SG.POSS *ная норма* *реализация*

Исследуемый фонетический процесс не описан в грамматике литературного кумыкского языка [Гаджихмедов (отв. ред.) 2014], однако был засвидетельствован в ходе экспедиции 2022 г. в тер-

ском диалекте. Целью настоящего исследования было выявить возможные результаты данного процесса в зависимости от подъема, ряда и огубленности соседних гласных. Исследование представляет интерес как для типологии фонетических процессов в консонантизме (лениция), так и в вокализме (ассимиляция и стяжение).

Материалом для исследования послужили аудиофайлы, записанные в ходе работы с носителями терского диалекта с помощью микрофона Rode NT-USB MINI и впоследствии проанализированные в программе Praat [Voersma 2001]. Примеры для анализа извлекались из записанных текстов или были получены методом элицитации (перевод русских стимулов на кумыкский или вопрос о допустимости варианта произнесения формы). К исследованным формам в кумыкском языке относятся: сочетание основ на *-G* и аффикса на гласный (например, аффиксов принадлежности у существительных, (2); имперфективный показатель глагола *-A*); сочетание основ на гласный и аффикса на *-G* (например, формы датива у существительных, (1); формы перфекта *-GAn* у глаголов); стыки между аффиксами, дающие конфигурацию $/V_1GV_2/$.

Результаты работы показывают, что удаление интервокальной фонемы */G/* в терском диалекте представляет собой незавершившийся активный процесс. Фонема подвергается лениции, что для данного контекста хорошо согласуется с типологическими данными по [Kirchner 2001]. Помимо отмеченного в грамматике перехода $/G/ \rightarrow [v]$ в заднем ряду, у части носителей происходит переход $/G/ \rightarrow [x]$ также и в переднем ряду. Стадии полного удаления может предшествовать реализация */G/* как неслогового гласного.

Что касается ассимиляции и стяжения гласных, хотя оно в целом подчиняется типологической универсалии о большей склонности к ассимиляции нижних гласных по сравнению с верхними [Ultan 1973] (ex. $A+I \rightarrow A:; *I:$), был обнаружен ряд других ограничений, в числе которых:

1. стяжение невозможно на стыке аффикса и глагольного корня на *-G* (кроме формы императива), хотя возможно в именной основе; ср. (2) и (3):

- (3) /biriG + A/ → [birige]; *[biri:], *[bire:]
собраться + IPFV

2. в существительных на -G стяжение в односложных словах происходит реже, чем в двусложных; ср. (2, 4) и (5–6):

- (4) /gölek + IGIz/ → [göle:giz]
рубашка + 2PL.POSS
- (5) /tük + Im/ → [tügüm], *[tü:m]
волос + 1SG.POSS
- (6) /tük + IGIz/ → [tügügüz], [tü:güz]
волос + 2PL.POSS
(только у некоторых носителей)

3. кроме обязательного правила неповышения подъема, действует запрет на стяжение при одновременном несовпадении признаков подъема и огубленности, A+U → *A: (7)

- (7) /čudu + GA/ → [čuduva]; *[čudu:], *[čuda:]
пирог + DAT

Полученные принципы представляют типологический интерес, поскольку выделяют терский диалект среди других тюркских языков. Так, для турецкого, по [Sezer 1986], невозможной является ассимиляция неогубленных гласных переднего ряда разного подъема, а между любыми огубленными она разрешается не для всех слов, что неверно для изучаемого диалекта кумыкского.

В докладе будут более детально рассмотрены собранные примеры и полученные ограничения, а также приведены иллюстрации компьютерной обработки записанного аудиоматериала.

Список условных обозначений

/.../ — фонемная запись; [...] — фонетическая транскрипция; (...) — промежуточный шаг фонетической деривации; (V): — долгота гласного; 1, 2 — 1,2 лицо; A, I, U — инвариантная запись по ряду для гласных; DAT — датив; G — инвариантная запись велярных/увулярных фонем;

IPFV — имперфектив; PL — множественное число; POSS — принадлежность; SG — единственное число; V_i — любой гласный.

Литература

- Гаджихмедов (отв. ред.) 2014 — А. З. Абдуллаева, Н. Э. Гаджихмедов, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев. Современный кумыкский язык / Отв. ред. Н. Э. Гаджихмедов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
- Boersma 2001 — P. Boersma. Praat, a system for doing phonetics by computer // *Glott.Int.* 2001. Vol. 5. № 9. P. 341–345.
- Kirchner 2013 — R. Kirchner. An effort based approach to consonant lenition. London: Routledge, 2013.
- Sezer 1986 — E. Sezer. An autosegmental analysis of compensatory lengthening in Turkish // L. Wetzels and E. Sezer (eds.) *Studies in Compensatory Lengthening. Publications in Language Sciences 23*. Dordrecht: Foris publications, 1986. P. 227–250.
- Ultan 1973 — R. Ultan. Some reflections on vowel harmony // *Working Papers on Language Universals*. 1973. Vol. 12. P. 37–67.

*Ф. А. Садковский, П. О. Россяйкин, В. А. Борисова,
П. А. Пилипец, А. В. Прокопьева, В. А. Яровая*

МГУ, Москва

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ С ФОНЕМОЙ /N/ В ТЕРСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА: АССИМИЛЯЦИЯ ИЛИ УДАЛЕНИЕ?

Доклад посвящен вопросу о фонетической и фонологической природе сочетаний /n/ + С в терском диалекте кумыкского языка (кыпчакские < тюркские), распространенном в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания. Исследование основывается на данных, собранных в ходе экспедиции в село Предгорное в августе 2023.

Сочетания /n/ + С в терском диалекте представляют интерес для исследования, поскольку фонема /n/, оказываясь перед другим согласным, всегда подвергается его воздействию: согласно грамматике литературного кумыкского языка [Гаджихмедов (отв. ред.) 2014], происходит полная ассимиляция с образованием геминаты.

Так, если после /n/ следует взрывной того же места образования, то он прогрессивно уподобляется по способу и назальности (1). Если согласный другого места образования, то происходит ассимиляция, которая в типологической литературе называется *зеркальной* (mirror image, [Webb 1982]) или *взаимной* (reciprocal, [Pavlík 2009]), т. е. в результате происходит взаимодействие признаков обоих сегментов — признак места передается регрессивно, признаки способа и назальности — прогрессивно (2–3). Наконец, когда к слогу на /n/ присоединяется сонорный, то /n/ уподобляется ему регрессивно (4–5).

- (1) n + d → nn
- (2) n + G → ηη
- (3) n + b → mm

(4) n + m → mm

(5) n + l → ll

Другие сонорные кумыкского — /ŋ/ и /r/ — не встречаются в начале аффикса.

Таким образом, данное явление можно описать в виде (i):

- (i) /n/ всегда получает признак места. /n/ передает признак способа менее сонорным сегментам, (1–3), и получает его от равных по сонорности и более сонорных, (4–5).

Однако ряд фактов указывает на то, что анализ через ассимиляцию не является единственно возможным. В терском диалекте /n/ может удаляться в позиции конца слова (6), между гласными (7) и перед согласным /b/ (8):

(6) loban → loban → [lovã]

крыса

(/b/ → [v])

(7) tana + lAr + nI → tana.la.ni → [tanala:]

бык + PL + GEN

(/r/ в PL удаляется)

(8) kirin + GAn + bIz → kiringenbiz → [kiriŋeviz]

купаться + PFCT + 1PL

(b → v только между гласными)

Еще одна причина сомневаться в анализе (i) состоит в том, что процесс (5) нарушает типологическую универсалию об ассимиляции носового с последующим согласным только по месту, но не по способу (*Универсалия № 692* из архива универсалий Франса Планка [Plank, Filimonova 2006]). Этот факт, а также примеры (6–8) приводят к гипотезе (ii):

- (ii) Перед взрывным /n/ удаляется, передав ему признак способа, ср. (1–3), а перед сонорным — просто удаляется (не нарушая универсалию, ср. (4–5)).

В соответствии с (ii), в результате образуются негеминированные сегменты, а (3), например, приобретает вид n + b → m; аналогично для других случаев.

Развести гипотезы о природе процесса позволяет прежде всего анализ длительности результирующих сегментов.

Целью работы было проверить гипотезы с помощью акустических данных.

Материалами служили записи речи носителей терского диалекта, полученные с помощью микрофона Rode NT-USB MINI. Аудиофайлы далее были проанализированы в программе Praat [Voersma 2001]: проведена сегментация на звуки и выделены временные границы. Примерами служили как словоформы из записанных текстов, так и из собранных методом элицитации отдельных предложений. Рассматривались основы на /п/ глаголов и существительных, а также стыки между аффиксом перфекта *-GAn* и аффиксом, начинающимся на согласный. Наконец, длительности сегментов были проанализированы статистически. Размеры выборок отличались, но в среднем соблюдалось значение около 20 сегментов. В качестве критерия применялась модификация критерия Стьюдента — тест Уэлча [Welch 1947].

Результаты статистического анализа показали, что длительности всех одиночных согласных значимо ($p\text{-value} \ll 0.01$) меньше длительностей сегментов, полученных в результате действия исследуемого процесса. Средние длительности одиночных сонорных согласных лежат в пределах 0.079–0.085 с., а длительности согласных на стыках — 0.115–0.16 с. Эти данные являются сильным аргументом в пользу анализа (i), а не (ii).

Полные списки рассмотренных форм и полученные значения статистик будут приведены в докладе.

Список условных обозначений

/.../ — фонемная запись; [...] — фонетическая транскрипция; (V): — долгота гласного; \check{V} — назализованный гласный; 1 — 1-ое лицо; A, I — инвариантная запись по ряду для гласных; C — любой согласный; DAT — датив; G — инвариантная запись заднеязычных/увулярных фонем; GEN — генитив; PL — множественное число; PFCT — перфект; PST — прошедшее категорическое; SG — единственное число.

Литература

- Гаджихамедов (отв. ред.) 2014 — А. З. Абдуллаева, Н. Э. Гаджихамедов, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев. Современный кумыкский язык / Отв. ред. Н. Э. Гаджихамедов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
- Boersma 2001 — P. Boersma. Praat, a system for doing phonetics by computer // *Glott.Int.* 2001. Vol. 5. №. 9. P. 341–345.
- Pavlik 2009 — R. Pavlik. A Typology of Assimilations // *SKASE Journal of theoretical linguistics.* 2009. Vol. 6. №. 1. P. 2–26.
- Plank, Filimonova 2006 — F. Plank, E. Filimonova. The Universals Archive: A Brief Introduction for Prospective Users // *STUF-Language Typology and Universals.* 2000. Vol. 53. №. 1. P. 109–123. URL: <https://typo.uni-konstanz.de/rara/category/universals-archive/>
- Webb 1982 — C. Webb. A constraint on progressive consonantal assimilation // *Linguistics. An Interdisciplinary Journal of the Language Sciences.* 1982. Vol. 20. № 3–4. P. 309–322.
- Welch 1947 — B. L. Welch. The generalization of 'STUDENT'S' problem when several different population variances are involved // *Biometrika.* 1947. Vol. 34. № 1–2. P. 28–35.

Г. О. Сибилев

РГГУ, Москва

ОСОБЕННОСТИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКУТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ХВАРШИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Локутивная модальность (или *speaker-oriented modality*) — это модальность, характеризующая условия, которые говорящий навязывает субъекту обращенного высказывания [Bybee et al. 1994: 179; Плунгян 2011: 323–324]. В грамматическом очерке собственно хваршинского языка [Khalilova, Testelefs, in prep.] были описаны некоторые способы выражения значений, традиционно включающихся в понятие локутивной модальности. Настоящий доклад посвящен интересным как с описательной, так и с типологической точки зрения особенностям средств выражения локутивной модальности в собственно хваршинском языке, обнаруженным в ходе полевых исследований в 2023 г.

Первый вызов, представленный хваршинскими данными, заключается в нетривиальной семантике конструкций с *wole*. Так, для построения превентивной конструкции используется специальная лексема *wole* в сочетании с прохибитивом. Однако эта лексема может быть использована и для усиления категоричности императивной конструкции:

- (1) *wole kuka!*
а_ну кушать[ИМП]
'А ну кушай!'

Более того, распределение значений усиленного императива / превентива также неочевидно — например, *wole* при предикате

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Полевое исследование грамматической семантики хваршинского языка» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

ek'eta 'падать' в императиве способен как придавать категоричность, так и выражать превентивное значение, в зависимости от заданного контекста. В то же время, императивная конструкция *wole + iha* 'умереть' используется только для усиления категоричности высказывания.

Вторая особенность локутивной модальности хваршинского языка связана с областью значений юссива и формы кондиционала. Так в работе [Добрушина 2009] выделены ареальные семантические зоны (i) *перформативного* оптатава (высказывание, заключающее в себе благословение или проклятие, адресованные первому, второму или третьему лицу) и (ii) *дезидеративного* оптатава (высказывание, выражающее желание и мечтание говорящего). В работе [Добрушина 2009] демонстрируется, что данные зоны в кавказских языках «слабо связаны друг с другом», выражаются отдельными средствами, а «комбинирования перформативного и дезидеративного оптативов в одной форме» отсутствуют [Добрушина 2009: 73]. Однако, вопреки ожиданиям, и (i), и (ii) в хваршинском языке могут выражаться с помощью маркера кондиционала:

(2a) *huntho liχ-χa goj-tal qema*
 вчера идти-PST.W AUX-CND дождь
 'Вот бы вчера пошел дождь!'

(2b) *ma savli-λ'o eča-ha goj-tal!*
 2SG.ABS здоровье-SUP COP-PRS AUX-CND
 'Будь здоров!'

При этом значения из зоны перформативного оптатава могут быть также выражены с помощью маркера юссива:

(3a) *is-i / *m-i calid-o-λo hiše!*
 DEM.AN-ERG / 2SG-ERG читать-IMP.TR-JUSS книга
 'Пусть он (*ты) читает книгу!'

(3b) *ma savli-λ'o eča-λo!*
 2SG.ABS здоровье-SUP COP-JUSS
 'Будь здоров!'

Еще одна нетривиальная черта системы локутивной модальности в хваршинском языке связана с типологически редкой

граммемой рогатива (запрос на одобрение/разрешение/указание), который фактически является вопросительным парадигматическим вариантом для гортатива/юссива. Для рогатива в первом лице используется маркер *-ija*, в то время как для третьего лица не существует никаких специализированных маркеров, и совершенно обратная ситуация наблюдается для императивных конструкций первого и третьего лица — для юссива используется специальный маркер *-lo*, в то время как для гортатива не существует специализированного маркера.

Таким образом, некоторые свойства системы локутивной модальности собственно хваршинского языка позволяют поставить несколько вопросов относительно типологии этой зоны, а именно: 1) насколько типологически тривиальным является совмещение (а в некоторых случаях — смешение) функций превентива и усиленного императива в одной морфеме? 2) может ли зона перформативного оптатива рассматриваться как переходная зона между юссивом и дезидеративным оптативом? и 3) какие соотношения средств маркирования зон рогатива и императива существуют в языках мира?

Список условных сокращений

2 — второе лицо; ABS — абсолютив; CND — кондиционал; COP — копула; DEM.AN — указательное анафорическое местоимение; ERG — эргатив; IMP — императив; IMP.TR — императив переходного глагола; JUSS — юссив; PRS — презенс; PST.W — прямое (засвидетельствованное) прошедшее; SG — единственное число; SUP — локализация ‘на’.

Литература

- Добрушина 2009 — Н. Р. Добрушина. Семантическая зона оптатива в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 48–75.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.

Khalilova, Testelets, in prep. — Z. Khalilova, Y. Testelets. Khwarshi // The Caucasian Languages. An International Handbook. [Handbooks of Linguistics and Communication Science]. The Hague; New York, Netherlands: Mouton, in prep.

Д. С. Сидоркина
НИУ ВШЭ, Москва

**МЫ ИЛИ НЕ МЫ: О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ
ЛЕСНОНЕНЕЦКОГО ЭВИДЕНЦИАЛЬНОГО
ПОКАЗАТЕЛЯ -МÆ¹**

В лесном ненецком (уральские > самодийские) есть ряд эвиденциальных значений, которые выражаются причастиями, употребленными в качестве предиката финитной клаузы. Одно из них, перфективное причастие на *-тае*, в финитных употреблениях обозначает непрямую засвидетельствованность, миративность или репортативность. Как показано С. И. Бурковой [Burkova 2022], *-тае* при этом занимает разные морфологические слоты в зависимости от значения: до эпистемической модальности в тех употреблениях, когда кодирует непрямую засвидетельствованность (далее *infMÆ*), и после эпистемической модальности, когда кодирует миративные и репортативные значения (далее *mirMÆ*), см. примеры (1–2). Схема порядка аффиксов показана в (3).

(1) *хал'и-λ°ха-тај*

дождь-APPR-MÆ

‘Вроде был дождь, оказывается.’

Прим.: ‘надо быть человеком, который не слышал дождя и удивляется.’

(2) *хал'а-тае-λ°ха*

дождь-MÆ-APPR

‘Как будто был дождь.’

¹ В данной работе использованы результаты проекта «Структура составляющих и их интерпретация в архитектуре грамматики языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

(3) основа-(infMÆ)-(EPIST)-(mirMÆ)

Согласно принципу отзеркаливания (Mirror Principle) [Baker 1985], мы ожидаем, что морфемы, соответствующие более высоким проекциям, будут линейно расположены дальше от основы. Следовательно, infMÆ, будучи эвиденциальным показателем, должен соответствовать проекции, которая находится ниже эпистемической модальности. Это идет вразрез с представлениями классической картографии о том, что эвиденциальные проекции расположены выше эпистемических [Cinque 1999]. Такое несоответствие дает основания подозревать, что infMÆ — это не эвиденциальный показатель, оперирующий сущностями уровня речевого акта, а показатель эпистемической модальности с дополнительными ограничениями на пропозиции модальной базы [Izvorski 1997]. Чтобы уточнить семантику infMÆ и mirMÆ, я использовала тесты из [Faller 2002] в обработке [Matthewson et al. 2007; Huijsmans 2023]. Ниже приведены два из использованных мной критериев и их значения для infMÆ и mirMÆ.

Вкладывание (Embedding). Иллокутивные операторы неспособны находиться в сфере действия других пропозициональных операторов. Как infMÆ, так и mirMÆ неспособны вкладываться в антецедент условного предложения, однако infMÆ может находиться в сфере действия эпистемического аффикса *-λ°ха-*, который присоединяется к основе с infMÆ и понижает степень уверенности говорящего, см. (4).

- (4) *m'akna čeʔs'-iʔ* *n'em'a-mǎʔ* *s'ičals'i-m*
 дома холодать-REFL.3SG мать-POSS.1PL окно-ACC
naj(e)-maj / ^{OK}*naj-mæ-λаха*
 открыть-MÆ / открыть-MÆ-APPR
 'Дома холодно. (Наверное,) мать открыла окно.'

Продолжения (Continuations). После выражения EVID(*p*) может стоять выражение *q* такое, что *q* влечет или пресуппонирует *p*, только в том случае, если EVID(*p*) асsertирует истинность *p* в мире высказывания. После infMÆ и mirMÆ такие продолжения возможны.

- (5) *mas'a kluči-tǎ* *d'oʔ-ηa* / ^{OK}*d'oʔ-maj*
 М. ключ-POSS.3SG потерять-GFS / потерять-MÆ

n'e-ʔ-ta *n'ata-ŋa-tuŋ* *klučī* *p'uł'-s'*
друг-PL-POSS.3SG помочь-GFS-3SG>SG ключи искать-CVB
'Маша потеряла ключи, но ей помогли их найти.'

В целом проведенные мною тесты указывают на то, что *infMÆ* и *mirMÆ* в равной мере являются скорее иллюкутивными, чем модальными операторами. В свете этого еще одним возможным объяснением того, что эвиденциальный *infMÆ* структурно расположен ниже эпистемической проекции, может быть идея [Blain, Déchaine 2007] о том, что эвиденциальность может находиться в зонах от AspP до CP и быть при этом синкретична с разными категориями. Если допустить, что *infMÆ* расположена в TP, то мы бы ожидали от нее иных темпоральных свойств, чем от *mirMÆ*, которая линейно расположена после эпистемических проекций и, следовательно, выше проекций времени. Однако наши данные касательно того, как *infMÆ* и *mirMÆ* ограничивают взаимное расположение времени вложенной пропозиции и времени высказывания, показывают, что показатели идентичны и ограничены контекстами небудущего времени.

В докладе я подробнее описываю все использованные тесты и показываю, какие вызовы описанная система представляет для формальных подходов к эвиденциальности.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; APPR — аппроксиматив (эпистемическая модальность); CVB — конверб; GFS — General Finite Stem [Burkova 2022]; PL — множественное число; POSS — посессив; REFL — рефлексивное спряжение; SG — единственное число.

Литература

- Baker 1985 — M. Baker. 1985. The Mirror Principle and Morphosyntactic Explanation // *Linguistic Inquiry*. 1985. Vol. 16. № 3. P. 373–415.
Blain, Déchaine 2007 — E. Blain, R.-M. Déchaine. Evidential Types: Evidence from Cree Dialects // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 73. № 3. P. 257–291. doi:10.1086/521728.

- Burkova 2022 — S. Burkova. Nenets // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford University Press, 2022. P. 674–708.
- Cinque 1999 — G. Cinque. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Faller 2002 — M. T. Faller. *Semantics and pragmatics of evidentials in Cuzco Quechua*. Doctoral dissertation. Stanford: Stanford university, 2002.
- Huijsmans 2023 — M. Huijsmans. Analyzing ʔayʔajuθəm evidentials: Evidence for epistemic modality // J. Vander Kloek, N. Rech, S. Guesser, E. Soares (eds.). *Modality in underdescribed languages: A methodological perspective*. Berlin/Boston: Mouton de Gruyter, 2023. P. 337–390.
- Izvorski 1997 — R. Izvorski. The present perfect as an epistemic modal // *Semantics and linguistic theory*. 1997. Vol. 7. P. 222–239.
- Matthewson et al. 2007 — L. Matthewson, H. Davis, H. Rullmann. Evidentials as epistemic modals: Evidence from St’át’imcets // *Linguistic variation yearbook*. 2007. Vol. 7. № 1. P. 201–254.

Т. В. Симонова
НИУ ВШЭ, Москва

К ТИПОЛОГИИ ЭХО-ВОПРОСОВ¹

Эхо-вопрос (или переспрос) — это запрос повторить или прояснить то, что уже было сказано другим участником диалога. В литературе выделяют общие (1) и частные (2) переспросы.

- (1) А: Я иду в школу.
В: Ты идешь в школу?
- (2) А: Я иду в школу.
В: Ты идешь куда?

Большинство работ, посвященных анализу эхо-вопросов, написано преимущественно на материале английского языка [Huddleston 1994; Banfield 1982; McCawley 1998]. Нам известна лишь одна типологическая работа по этой теме, выполненная на материале девяти языков [Muscok 2019]. Мы предложим некоторые параметры для типологии эхо-вопросов.

Наше исследование выполнено на материале 24 языков из шести макроареалов. Для сбора данных мы использовали серию грамматик, в основе которых лежит анкета *Lingua Descriptive Studies Questionnaire* [Comrie, Smith 1977].

Мы разработали классификацию эхо-вопросов. Отнесение к тому или иному типу зависит от трех параметров: качественный тип эхо-вопроса (общий или частный), тип предложения стимула (утверждение, общий или частный вопрос), а также степень полноты отражения содержания предложения-стимула при эхо-вопросе (полный и неполный эхо-вопросы). Всего мы выделили двенадцать потенциальных типов переспросов. Так,

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

например, в (1) представлен полный общий переспрос утверждения.

В данной работе мы рассматриваем эхо-вопрос как конструкцию передачи чужой речи с вопросительной иллокутивной силой. Во всех конструкциях передачи чужой речи выделяются две части: собственно передаваемые слова (R) и элемент, индексирующий того, кому эти слова принадлежат (M) [Spronck, Nikitina 2019]. М-часть в эхо-вопросах может быть выражена клаузой, частицей/клитикой/морфемой или оставаться невыраженной. R-часть варьирует в выражении дейктических категорий — в том, происходит ли мена дейктических местоимений при переспросе. Мы также учитывали способ связи R-части и М-части, где выделяли формально зависимую и формально независимую R-часть.

Вопросительный компонент может быть выражен интонацией или вопросительным элементом (частицей/клитикой/морфемой или вопросительным словом). Комбинируя параметры между собой, мы получаем 24 потенциальных стратегии образования эхо-вопроса.

Для определения стратегии образования переспроса мы сопоставляем его с предложением-стимулом и фиксируем различия. Те параметры, на которые переспрос отличается от предложения-стимула, мы считаем стратегией его образования. Так, например, в языке малайлам стратегией образования общего переспроса частного вопроса является использование вопросительного (=oo) и кватативного (enn) элементов (3).

(3) малайлам, дравидийские

A: *eviŋe pooŋu*

where go.PRS

‘Where are (you) going?’

B: *eviŋe pooŋu enn=oo?*

where go.PRS PTCL.QUOT=Q

‘Where am (I) going?’ [Asher, Kumari 2013: 25]

По данным нашей выборки, наиболее частотная стратегия для образования общих и частных эхо-вопросов — та, где М-часть формально не выражена, а вопросительный компонент маркируется интонационно или вопросительным словом.

Список условных сокращений

PRS — настоящее время; PTCL — частица; Q — вопрос; QUOT — квататив.

Литература

- Asher, Kumari 2013 — R. E. Asher, T. C. Kumari. Malayalam. London: Routledge, 2013.
- Banfield 1982 — A. Banfield. *Unspeakable Sentences*. London: Routledge and Kegan Paul, 1982.
- Comrie, Smith 1977 — B. Comrie, N. Smith. *Lingua descriptive studies questionnaire* // *Lingua*. 1977. Vol. 42. № 1. P. 1–71.
- Huddleston 1994 — R. Huddleston. *Interrogatives and questions* // *Journal of Linguistics*. 1994. Vol. 30. № 2. P. 411–439.
- McCawley 1998 — J. D. McCawley. *The Syntactic Phenomena of English*. Vol 2. Chicago, London: University of Chicago Press, 1988.
- Mycock 2019 — L. Mycock. *Analysing 'Wh' Echo Questions: A typological perspective with special reference to Hungarian* // *Argumentum*. 2019. Vol. 15. № 60. P. 575–590.
- Spronck, Nikitina 2019 — S. Spronck, T. Nikitina. *Reported speech forms a dedicated syntactic domain* // *Linguistic Typology*. 2019. Vol. 23. № 1. P. 119–159.

Ю. В. Сеницына

МГУ, Москва

СРАВНИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ГЛАГОЛОМ *КÆНЫН* ‘ДЕЛАТЬ’ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Объектом исследования, выполненного на материале иронского диалекта осетинского языка (< иранские < индоевропейские), является конструкция в (1), имеющая сравнительное значение. Данные собраны в 2023 г. в г. Владикавказ (респ. Северная Осетия-Алания) методом анкетирования. Также привлекались данные Осетинского национального корпуса [ОНК].

Грамматики осетинского языка достаточно подробно описывают сравнительные конструкции (СрК) со следующими маркерами: послелог *хуызæн* ‘подобно’, эквативный падеж *-ау*; союзы *куыд* ‘как’ и *цыма* ‘будто’. Рассматриваемая нами конструкция упоминается в [Багаев 1965: 338; Выдрин 2014: 95], однако ее свойства не описаны. В отличие от СрК со сравнительными маркерами, стандарт сравнения (‘волк’) в (1) оформлен генитивом и образует генитивную конструкцию с причастием прошедшего времени (*хæрд*). Для удобства будем условно обозначать такую конструкцию как [N-GEN ПТСР *кæнын*]. Параметром сравнения выступает подразумеваемый образ действия, что характерно для сравнительных конструкций с симилиативным значением [Haspelmath, Buchholz 1998: 313].

Мы проанализировали данную конструкцию по следующим параметрам: референциальный статус стандарта сравнения; одушевленность стандарта сравнения; возможность вставить внутрь генитивной группы прямое дополнение или эксплицитно заданный параметр сравнения; допустимость сложных глаголов. Дан-

¹ Исследование поддержано грантом РФФ №22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование».

ные параметры практически не имеют ограничений для сравнительных конструкций со специализированными маркерами — за исключением тенденции *-ау* сочетаться с родовыми стандартами сравнения в некоторых идиолектах.

Конструкция [N-GEN РТСР *кæнын*] не имеет ограничений на референциальный статус или одушевленность стандарта сравнения, ср. (2) и (3). В то же время нельзя разорвать генитивную группу, состоящую из стандарта сравнения и причастия прошедшего времени, прямым дополнением (4), а также параметром — ср. (5а) и (5б), где наречие можно вставить между причастием и стандартом, маркированным эквативным падежом *-ау*. Также запрещены конструкции со сложными глаголами (6).

На основании рассмотренных свойств можно сделать вывод о том, что группа генитивного стандарта сравнения и причастия является именной группой, обладающей схожими с номинализациями свойствами, — например, маркирование субъекта генитивом. В то же время генитивная конструкция со сравнительным значением имеет отличия от обычных номинализаций, например, в плане допустимости сложных глаголов — ср. примеры в [Luutikova, Tatevosov 2016: 331].

Таким образом, конструкция [N-GEN РТСР *кæнын*] относится к периферийным средствам выражения сравнительного значения в осетинском. Вопрос типологических и / или ареальных параллелей требует дальнейшего изучения. Тем не менее, существование эквативных конструкций с глаголами, означающими ‘быть равным’, ‘достигать’, см. об этом [Henkelmann 2006; Haspelmath et al. 2017], позволяет предположить самостоятельное развитие симилятивного значения у конструкции с глаголом ‘делать’.

Примеры

- (1) *бирæгъ-ы хæрд кæн-ы*
волк-GEN есть.РТСР делать-PRS.3SG
‘Ест как волк.’ [Багаев 1965: 338]
- (2) *Мадина мæ= худт кæн-ы.*
Мадина POSS.1SG смеяться.РТСР делать-PRS.3SG
‘Мадина смеется как я.’

- (3) *Автобус поезд-ы цыд кæн-ы.*
автобус поезд-GEN идти.PTCP делать-PRS.3SG
‘Автобус едет как поезд.’
- (4) **Мадинæ Фатимæ-йы чиныг каст кæн-ы*
Мадина Фатима-GEN книга смотреть.PTCP делать-PRS.3SG
Ожид.: ‘Мадина читает книгу, как Фатима.’
- (5а) **Мадинæ мæ= хъæр-æй худт кæн-ы.*
Мадина POSS.1SG звук-ABL смеяться.PTCP делать-PRS.3SG
- (5б) *Мадинæ мæн-ау хъæр-æй худт кæн-ы*
Мадина я-EQU звук-ABL смеяться.PTCP делать-PRS.3SG
‘Мадина смеется громко, как я.’
- (6) **Алан Сослан-ы ахуыр конд кæн-ы*
Алан Сослан-GEN учеба делать.PTCP делать-PRS.3SG
Ожид.: ‘Алан учится, как Сослан.’

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; GEN — генитив; EQU — экватив; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Источники

ОНК — Осетинский национальный корпус (электронный ресурс). URL: <http://corpus.ossetic-studies.org/>

Литература

- Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Часть I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.
- Выдрин 2014 — А. П. Выдрин. Глагол в осетинском языке // А. К. Оглоблин, Н. Н. Телицин (отв. ред.). Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей, Вып. 30. Памяти акад. М. Н. Боголюбова. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. С. 25–81.

- Haspelmath, Buchholz 1998 — M. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton, 1998. P. 277–334.
- Haspelmath et al. 2017 — M. Haspelmath, the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective // Y. Treis, M. Vanhove (eds.). *Similative and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 9–32.
- Henkelmann 2006 — P. Henkelmann. Constructions of equative comparison // *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. P. 370–398.
- Lyutikova, Tatevosov 2016 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Nominalization and the problem of indirect access: Evidence from Ossetian // *The Linguistic Review*. 2016. Vol. 33. № 3. P. 321–363.

Ю. В. Сеницына*, Д. Д. Мордашова***, М.-Э. А. Винклер***

МГУ, Москва* — ИЯз РАН, Москва**

МОДЕЛИ ПОЛИСЕМИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО МАРКЕРА *KAD'* В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА¹

Объектом исследования, выполненного на материале татышлинского говора удмуртского языка, являются функции сравнительного маркера *kad'* ‘как’. Материал собран в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2021–2023 гг. методом анкетирования.

Основная функция *kad'* — оформление стандарта сравнения в сравнительной конструкции равенства, ср. сопоставление по некоторому признаку в (1), сравнение по образу действия в (2), употребление в предикативной позиции (3). Универсальность отличает *kad'* от еще одного сравнительного маркера, *s'amen* ‘подобно’ (диалектный вариант — *s'äin*), использующегося, как правило, при сравнении по образу действия.

Помимо собственно сравнительных конструкций, в удмуртском литературном языке отмечается использование маркера *kad'* в следующих конструкциях: с глаголом *potânê* ‘выходить’ в значении ‘казаться’ (4), с глаголом *karis'kânê* ‘делаться’ со значением притворства (5), в качестве частицы с эпистемическим значением (6), а также с дебитивным причастием на *-(o)no* (7) [Яшина 1963: 18–19, 38; ГСУЯ 1970: 126–131].

Мы проверили и подтвердили возможность употребления *kad'* в описанных контекстах. Кроме этого, в ходе полевого исследования была обнаружена возможность употребления *kad'* в аппроксимативных количественных конструкциях (КК), что не было ранее описано (8).

¹ Исследование поддержано грантом РНФ №22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование».

В докладе мы, во-первых, рассмотрим морфосинтаксические свойства маркера *kad'* в каждом из упомянутых контекстов, представляющие собой лакуны в описаниях предшественников, — например, возможность сочетаться с финитными формами глаголов в зависимости от функции; допустимость оформления показателем множественного числа и его видом — номинативным *-jos* или адъективным *-es'*; порядок слов в аппроксимативных КК и морфосинтаксические свойства их элементов.

Во-вторых, мы обсудим семантический анализ *kad'*. В пользу обобщенного анализа говорит то, что имеющиеся значения (употребление с глаголами со значением ‘казаться’, с модальными единицами, в качестве аппроксимативного маркера) встречаются у сравнительных показателей и в других языках (ср. функции русских сравнительных маркеров по [Летучий 2017] и модели семантического перехода таких показателей в [Kuteva et al. 2019: 398–403]), а также примеры эквативно-аппроксимативной полисемии в работе [Schourup 1983: 32]).

Мы предлагаем анализировать *kad'* как оператор, сравнивающий некоторую сущность со стандартом (эксплицитным или имплицитным) и, в случае достаточного (необязательно полного) совпадения, помещающий ее в прагматически допустимый диапазон (ср. термин *pragmatic halo* в [Lasersohn 1999]). Например, носители допускают (1) в случае, если рост Васи и Пети неодинаковый, но достаточный, чтобы называться высоким (т. н. слабое прочтение, см. подробнее [Rett 2020]). Аналогично можно рассматривать остальные примеры с поправкой на тип сравниваемых сущностей. В (5) это может быть сравнение поведения говорящего с поведением прототипически уставшего человека.

Примеры

(1) *pet'a vas'a kad' / ?s'äin d'užät.*

Петя Вася как подобно высокий
'Петя высокий, как Вася.'

(2) *so azves' s'äs'ka kad' / s'äin č'i'l'a-Ø.*

3SG серебряный цветок как подобно блестеть-PRS.3SG
'Она блестит как серебряный цветок.'

- (3) *so azves' s'äs'ka kad' / *s'äin.*
 3SG серебряный цветок как подобно
 'Она похожа на серебряный цветок.'
- (4) *az'pal-an pet'a-lâ urom-jos-âz*
 перед-LOC Петя-DAT друг-PL-POSS.3SG
mân-o kad' pot-i-z.
 идти-PRS.3SG как выйти-PST-3SG
 'Пете показалось, что впереди идут его друзья.'
- (5) *mon žad'-em kad' kar-is'k-i-Ø tolon.*
 я устать-PST2 как делать-DETR-PST-1SG вчера
 'Вчера я сделала вид, что устала.'
- (6) *mon viz'm-o kad'.*
 я ум-ATTR как
 'Я вроде умный.'
- (7) *ta pispu-os pogra-no kad'-(es').*
 этот дерево-PL падать-DEB как-PL
 'Эти деревья вот-вот упадут.'
- (8) *mi kâk is'kem kad' orč'č'-i-m.*
 мы два километр как проходить-PST-1PL
 'Мы прошли примерно два километра.'

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ATTR — атрибутивизатор; DAT — датив; DEB — деби-
 тив; DETR — детранзитив; LOC — локатив; PL — множественное число;
 POSS — поссессив; PRS — настоящее время; PST(2) — прошедшее время;
 SG — единственное число.

Литература

ГСУЯ 1970 — Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис
 простого предложения / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов.
 Мин. Удм. АССР; Под ред. В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия,
 1970.

- Летучий 2017 — А. Б. Летучий. Сравнительные конструкции // В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (отв. ред.); О. Е. Пекелис, Е. В. Рахилина, Е. Р. Добрушина (ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. М.: Нестор-История, 2017. С. 132–204.
- Яшина 1963 — Р. И. Яшина. Сравнительные конструкции в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1963.
- Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, R. Seongha. World lexicon of grammaticalization, 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Lasersohn 1999 — P. Lasersohn. Pragmatic Halos // Language. 1999. Vol. 75. № 3. P. 522–551.
- Rett 2020 — J. Rett. Separate but Equal: A Typology of Equative Constructions // P. Hallman (ed.). Interactions of Degree and Quantification. Leiden; Boston: Brill, 2020. P. 163–204.
- Schourup 1983 — L. Schourup. Common discourse particles in English conversation. [Working Papers in Linguistics 28]. Ohio: Ohio State University. Department of Linguistics, 1983.

Ф. А. Тучак
РГГУ, Москва

**БОЛЬШЕ НЕ «БОЛЬШЕ НЕ»:
ФАЗОВАЯ ПОЛЯРНОСТЬ
В МИХАЙЛОВСКОМ ЛЮДИКОВСКОМ**

В докладе представлены результаты исследования фазовой полярности в михайловском людиковском на материале данных экспедиции в с. Михайловское (июнь 2023 г.).

В рамках настоящей работы, вслед за [van Baar 1997: 41], фазовая полярность рассматривается как динамический тип полярности, сравнивающий истинность (или ложность) ситуации в данный момент времени с ложностью (или истинностью) ситуации в некоторый иной момент времени в прошлом или будущем.

Фазовая полярность в михайловском людиковском выражается в основном наречиями *d'o* и *ve*, которые в сочетании с внутренним отрицанием выстраиваются в симметричную систему. Вслед за [Горбунова 2017: 210], для описания такой системы мы принимаем глоссы RPC (реальная смена полярности) и IPC (нереальная смена полярности) для обозначения наречий *d'o* и *ve*, соответственно:

- (1) *Miä ve vuuta-n avtobusa-t.*
1SG IPC ждать-1SG автобус-PART
'Я еще жду автобус.'
- (2) *Miä e-n ve magada.*
1SG NEG-1SG IPC спать
'Я еще не сплю.'
- (3) *Miä d'o e-n magada.*
1SG RPC NEG-1SG спать
'Я уже не сплю.'

(4) *Miä d'o sü-i-n.*

1SG RPC есть-PST-1SG

‘Я уже поела.’

Из примеров (3) и (4) можно заметить, что дисконтинуатив (3) в михайловском людиковском выражается с помощью отрицания инхоатива. Это противоречит данным [van der Auwera 1998: 65], где, согласно типологической карте, дисконтинуатив в людиковском образуется на основе континуатива.

В Таблице 1 приведены данные о способности элементов фазовополярной системы михайловского людиковского маркировать ранний, нейтральный и поздний переход (отметим, что для IRC-элементов ранний переход логически невозможен; подробнее см. [van Baar 1997: 27–34]):

Таблица 1. Маркирование времени перехода относительно ожидаемого

элемент переход	<i>d'o</i>	<i>d'o</i> + NEG	<i>ve</i>	<i>ve</i> + NEG
ранний	+	нет данных		
нейтральный	+	+	+	+
поздний	+	нет данных	+	+

Несмотря на то, что в михайловском людиковском встречается множество как лексических, так и грамматических заимствований из русского языка, влияния русского на систему фазовой полярности не наблюдается: михайловское *d'o* в отличие от *уже* употребляется при позднем переходе.

Все четыре элемента системы были также проверены на совместимость с контекстами прошедшего, настоящего и будущего времени. Во всех контекстах все элементы употребляются свободно.

Помимо указанных четырех элементов была исследована лексема *enamba* (‘больше’), встречающаяся в фазовополярном употреблении в контекстах с отрицанием. Способность *enamba* сочетаться со всеми грамматическими временами михайловского людиковского требует дополнительного исследования для разграничения фазовых и аддитивных употреблений.

Наречие *enam̄ba* также встречается в перформативном контексте, что отличает его от *d'o* + NEG, ни разу в таком контексте не порожденного.

- (5) *Enambad*¹ *e-i* *kuurda!*
 больше NEG-3SG курить
 ‘Отныне я не курю!’

В (5) стоит отметить употребление формы отрицания третьего лица, несмотря на то, что перформатив описывает действие говорящего.

В прохибитивных контекстах, напротив, разрешается использование *d'o* и запрещается использование ожидаемого в данном контексте *enam̄ba*:

- (6) *Ala d'o kuuri!*
 PRNB RPC курить
 ‘Не кури же! / Больше не кури!’

- (7) **Ala enambe kuuri!*
 PRNB больше курить
 Ожид.: ‘Больше не кури!’

Помимо всего вышесказанного, в докладе будет уделено внимание следующему фазовому употреблению *ve*:

- (8) #*Miä ve pane-n čaška-n stola-le.*
 1SG IPC ставить-1SG чашка-GEN стол-ALL
 ‘Я еще поставлю чашку на стол.’

Это употребление подобно отрицательному континуативу *ve* + NEG в том, что смена полярности еще не произошла на момент речи, однако, в отличие от него, предполагает уверенность в смене полярности в будущем. Автору неизвестны описания подобных случаев в литературе.

Таким образом, фазовая полярность в михайловском людиковском представлена симметричной системой с внутренним отрицанием, нетривиальной сочетаемостью в прохибитивных контекстах и IPC-элементом, приближающимся к RPC-статусу.

¹ Варьирование форм *enam̄ba*, *enambad*, *enamban*, *enambal*, *enambe* и *enamb* требует дополнительного исследования.

Список условных обозначений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ALL — аллатив; GEN — генитив; IPC — нереальная смена полярности; NEG — отрицание; PART — партитив; PRNB — прохитив; PST — претерит; RPC — реальная смена полярности; SG — единственное число.

Литература

- Горбунова 2017 — И. М. Горбунова. Грамматическая семантика атаяльского глагола в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз РАН, 2017.
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera, D. P. O. Baoill. (eds.). Adverbial constructions in the languages of Europe. Berlin/ New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145.
- van Baar 1997 — Т. М. van Baar. Phasal Polarity. PhD thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997.

Т. Е. Тыщишина

МГУ, Москва

ДИСКУРСИВНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОСЕССИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ 3SG В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Работа посвящена употреблению посессивного показателя 3SG в несобственно посессивных значениях (далее POSS.3SG) в татышлинском удмуртском. Данные для исследования были собраны в экспедиции в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2023 году. Основными методами сбора материала были элици- тация и анализ текстов.

Употребление POSS.3SG в несобственно посессивном значении характерно для уральских языков. В литературе эту функцию интерпретируют как выделительно-указательную [Алатырев 1970], функцию обозначения определенности [Gerland 2014] или идентифицируемости объекта [Nikolaeva 2003]. Также выделяется контрастивная функция [Nikolaeva 2003]. Особенности дискурсивного употребления POSS.3SG могут варьировать от идиома к идиому.

На дискурсивные употребления POSS.3SG в разных языках могут влиять различные факторы: референциальный статус маркируемого объекта, информационная структура, глобальная структура дискурса. Так, в [Simonenko 2014] демонстрируется релевантность классификации определенных ИГ (анафорический антецедент, выбор из группы, локальная и глобальная уникальность) для объяснения функционирования посессивных маркеров в уральских языках. В [Хомченкова 2022] для горномарийского языка показано, что POSS.3SG кодирует семантику выбора из множества на уровнях ИГ, локальной и глобальной структуры дискурса. Мы опишем закономерности употребления POSS.3SG в татышлинском удмуртском с учетом разных факторов и их взаимодействия.

Согласно нашим данным, основным контекстом дискурсивных употреблений POSS.3SG в татышлинском говоре является выбор из группы. Контекст анафорического антецедента приемлем только для некоторых носителей, а при локальной и глобальной уникальности объекта посессивный маркер практически невозможен.

Для грамматического употребления этого маркера необходимо также, чтобы множество альтернатив было объединено в сознании говорящего по некоторому признаку (временная и пространственная локализация, принадлежность к одному классу) или эксплицитно представлено как единое, см. (1)–(2).

- (1) *mil'am mebel' vužm-i-z. žók-ez*
 мы.GEN мебель состариться-PST-3SG стол-POSS.3SG
taral-i-z, pukon-ez s'is'm-i-z.
 развалиться-PST-3SG стул-POSS.3SG гнить-PST-3SG
 'Наша мебель испортилась. Стол развалился, а стул сгнил.'

В (1) POSS.3SG часто допускается только при условии, что мебель была из одного гарнитура.

- (2) *kat'a-jez s'i-i-z sil',*
 Катя-POSS.3SG есть-PST-3SG мясо
noš vas'a-jez s'i-i-z č'orâg.
 а Вася-POSS.3SG есть-PST-3SG рыба.
 'Катя съела мясо, а Вася съел рыбу.'

В (2) POSS.3SG допускается только в ситуации, в которой Катя и Вася ели вместе. Если это происходило в разных комнатах, или если Катя и Вася не были знакомы, т. е. не создавалась группа, POSS.3SG запрещался.

Релевантен для употребления POSS.3SG и референциальный статус маркируемого объекта. Например, генерический референциальный статус несовместим с POSS.3SG даже в контексте выбора из нескольких классов, возможно, потому, что в сознании говорящих абстрактные родовые понятия множеств не образуют.

- (3) *urok-ân mil'-em-lâ vera-∅-zâ kâj s'aris',*
 урок-LOC мы-POSS.1PL-DAT говорить-PST-3PL змея о

kenž'al'i s'aris', tašbaka s'aris'.

ящерица о черепаха о.

*kenž'al'i / *kenž'al'i-jez nâmâ-kibâ s'i-e.*

ящерица / ящерица-POSS.3SG комар-букашка есть-PRS.3SG

‘На уроке нам рассказывали про змей, ящериц, черепах. Ящерица ест насекомых.’

В отличие от горномарийского языка, в котором статус топика благоприятнее для употребления посессива, чем статус фокуса [Хомченкова 2022], в татышлинском удмуртском актуальное членение непосредственно не влияет на маркирование POSS.3SG. Если эксплицитно не задано множество, из которого происходит выбор, использование POSS.3SG невозможно для большинства носителей. В контрастивных контекстах — как в топике, так и в фокусе — POSS.3SG может встречаться, т. к. они предполагают выбор из множества.

Общей закономерностью выбора из заданной группы определяется употребление POSS.3SG и в контексте глобальной структуры дискурса. В этом отношении татышлинский отличается от бесермянского удмуртского [Serdobolskaya et al. 2019] и от горномарийского [Хомченкова 2022], где POSS.3SG может указывать на смену топика и противопоставление участников дискурса.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DAT — датив; GEN — генитив; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев 1970 — В. И. Алатырев. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке (Расширенный доклад на III Международном конгрессе финно-угроведов в г. Таллине). Ижевск: Ижевская республиканская типография, 1970.
- Хомченкова 2022 — И. А. Хомченкова. Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горнома-

- рийском языке // Урало-алтайские исследования. 2022. Вып. 2. № 45. С. 148–168.
- Gerland 2014 — D. Gerland. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function // T. Gamerschlag, D. Gerland, R. Oswald, W. Petersen (eds.). *Frames and concept types: applications in language and philosophy*. Cham: Springer International Publishing, 2014. P. 269–292.
- Givón 1978 — T. Givón. Definiteness and referentiality // J. Greenberg, C. Ferguson, E. Moravcsik (eds.). *Universals of human language*. Vol. 4. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987. P. 291–330.
- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // P. Suihkonen, B. Comrie, S. A. Maksimov (eds.). *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe и North and Central Asia*. Collection of papers. Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, May 21–24, 2001. Izhevsk: Udmurt State University, 2003. P. 130–145.
- Serdobolskaya et al. 2019 — N. Serdobolskaya, M. Usacheva, T. Arkhangel'skiy. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli (eds.). *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia*. Amsterdam; Philadelphia, 2019. P. 291–311.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society*. Amherst, MA, 2014. P. 127–140.

Д. Г. Фёдоров
НИУ ВШЭ, Москва

ЦЕЛЕВАЯ КОНСТРУКЦИЯ «ГЛАГОЛ-ИНФИНИТИВ-ОБЪЕКТ» (*V INF OBJ*) В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке существуют следующие употребления целевых инфинитивов с глаголами *принести* и *взять*, при которых пациенсы матричного и вложенного глаголов кореферентны:

(1) *Петя принес (Маше) подписать бумаги.*

На первый взгляд, именная группа *бумаги* может являться объектом и матричного глагола, и инфинитива, но различные теории синтаксиса запрещают такое поведение — ожидается, что лингвистическая единица управляется лишь одной другой единицей [Тестелец 2001; Chomsky 1981]. Похожие употребления с другими матричными глаголами описаны в работах [Стойнова 2016; 2022], но только в отношении контроля PRO, так что вопрос касательно структуры таких конструкций пока остается открытым. Далее в работе будут приведены некоторые данные и возможный анализ конструкции *V Inf Obj*.

В конструкции наблюдается необязательный контроль [Williams 1980] — субъект инфинитива (PRO) или лексически выражен, или кореферентен некоторому прагматически заданному участнику (см. пример (1), где ИГ *Маше* необязательна). Но иногда этот принцип нарушается, и наблюдается субъектный контроль, как в примере (2):

(2) *Принес **показать** Льву Николаевичу написанное мною большое письмо <...>. [В. Ф. Булгаков. Дневник (1910)]¹*

¹ Этот и другие примеры с ссылками взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Тесты на сочинение и на модификацию адвербиалами (примеры (3) и (4), соответственно) говорят о биклаузальности этой конструкции, а пример на сочинение также указывает на то, что объект все-таки принадлежит вложенной клаузе:

- (3) *Петя принес [подписать бумаги]_{InfP} и [поставить на них печать]_{InfP}.*
- (4) [...] <...>, *взял [перечитывать еще раз_{Adv} «Войну и мир» Толстого]_{сд}*. [Н. А. Морозов. Письма из Шлиссельбургской крепости (1900)]

Но тогда возникает проблема — у матричного глагола отсутствует объект, хотя мы ожидаем, что все участники матричного глагола должны быть выражены. Чтобы справиться с этим, можно постулировать нулевой объект, который кореферентен объекту вложенной клаузы, что приводит к структуре, напоминающей конструкции с обратным контролем [Polinsky, Potsdam 2002]:

Subj V \emptyset_{OBJ} [\emptyset_{PRO} Inf Obj]

Однако понятие обратного контроля (и контроля в целом) обычно используется при описании отношения между субъектом инфинитива и участником матричной клаузы [Landau 2001], а не для кореференции имплицитного и выраженного объектов двух клауз, и обычно конструкции с обратным контролем встречаются с такими матричными глаголами, как *начать, пытаться, заставить* и т. д. [Greshler, Melnik 2017; Monahan 2003], которые перенимают аргументную структуру у вложенного глагола. Понятие контроля иногда расширяется до других filler-gap отношений, и тогда контроль мотивируется доступностью участника для последующей ситуации (Thematic Matching [Jones 1991]), но такие теории не учитывают случаи, в которых объект первичной ситуации не выражен.

Можно сказать, что объектная ИГ «поделена» между двумя глаголами, и такое явление существует в языках с сериальными конструкциями [Aikhenvald, Dixon 2006; Baker 1989], но конструкция *V Inf Obj* не имеет ни одного признака сериальных конструкций: каждый из глаголов имеет собственное морфологическое маркирование, они обозначают отдельные, последовательные

события; конструкция функционирует как биклаузальная; поэтому такой анализ к ней не применим.

С точки зрения типологии целевых клауз, конструкция также оказывается нетривиальной, так как в литературе ранее не отмечалось нахождение объекта внутри объектной целевой клаузы [Schmidtke-Bode 2009]. Конструкция с таким же порядком слов наблюдаются в балтийских языках и польском, и есть вероятность, что это является ареальной чертой [Holvoet 2015]. Но неясно, можно ли для них правомерно применить ту же структуру, что и для конструкции *V Inf Obj* в русском языке, и в будущем планируется рассмотреть случаи этих языков подробнее.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

Литература

Стойнова 2016 — Н. М. Стойнова. Контроль бессоюзного целевого инфинитива при глаголах каузации движения в русском языке: данные НКРЯ // В. П. Селегей (глав. ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, РГГУ, 1–4 июня 2016 г.). Вып. 15 (22). М.: Изд-во РГГУ, 2016. С. 733–745.

Стойнова 2022 — Н. М. Стойнова. «Повесь сушиться!»: вариативность в контроле инфинитива при глаголах каузации изменения позиции // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2 (44). С. 222–241.

Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Aikhenvald, Dixon 2006 — A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Serial verb constructions: A cross-linguistic typology. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Baker 1989 — M. C. Baker. Object sharing and projection in serial verb constructions // Linguistic inquiry. 1989. Vol. 20. № 4. P. 513–553.

Chomsky 1981 — N. Chomsky. Lectures on government and binding [Studies in generative grammar, Vol. 9]. Dordrecht, Holland & Cinnaminson, NJ: Foris, 1981.

- Greshler, Melnik 2017 — N. Melnik, T. A. Greshler. Backward control in Modern Standard Arabic // S. Müller (ed.). Proceedings of the 24th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar. Stanford: CSLI Publications, 2017. P. 44–60.
- Holvoet 2015 — A. Holvoet. Control alternations. On control properties in infinitival goal adjuncts in Baltic // *Baltic Linguistics*. 2015. Vol. 6. P. 45–77.
- Jones 1991 — C. Jones. Purpose clauses: Syntax, thematics, and semantics of English purpose constructions [Studies in Linguistics and Philosophy, Vol. 47]. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991.
- Landau 2001 — I. Landau. Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions [Studies in Natural Language and Linguistic Theory]. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2001.
- Monahan 2003 — P. J. Monahan. Backward object control in Korean // G. Garding, M. Tsujimura (eds.). Proceedings of the 22nd West Coast Conference on Formal Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2003. P. 356–369.
- Polinsky, Potsdam 2002 — M. Polinsky, E. Potsdam. Backward control // *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33. № 2. P. 245–282.
- Schmidtke-Bode 2009 — K. Schmidtke-Bode. A typology of purpose clauses. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Williams 1980 — E. Williams. Predication // *Linguistic Inquiry*. 1980. Vol. 11. № 1. P. 203–238.

И. А. Хомченкова

МГУ — ИРЯ РАН, Москва

СОЕДИНЕНИЕ ИМЕННЫХ ГРУПП В ДЖАЛГАНСКОМ ТАТСКОМ¹

Джалганский татский — один из вариантов митаги-джалганского языка (язык татов-мусульман Дагестана) татоидной группы юго-западно-иранских языков, распространенный в сс. Митаги, Митаги-Казмаляр, Джалган и Нижний Джалган (о классификации см. [Коруяков 2022]). На текущий момент этот язык практически не исследован.

В докладе мы опишем основные способы соединения ИГ в джалганском, привлекая материалы, собранные методом анкетирования в сс. Джалган и Нижний Джалган (Республика Дагестан, Россия) в 2023 г. Эта область мало описана и для других татоидных языков, см. лишь базовые факты в грамматиках джуури (горско-еврейского) [Authier 2012: 59–60], ширванского татского [Suleymanov 2020: 244] и североазербайджанских татских идиомов [Грюнберг 1963: 51].

Под соединением ИГ мы, вслед за [Stassen 2000: 4], понимаем предложения, в которых описывается единичное событие с несколькими индивидами, имеющими одну семантическую роль: *Амир и Фуад ушли* (сочинительная стратегия) или *Амир ушел с Фуадом* (комитативная стратегия). При сочинительной стратегии две ИГ занимают одинаковые структурные позиции и образуют единую составляющую, в отличие от комитативной стратегии, см. [Stassen 2000: 21].

В джалганском соединении ИГ в общем случае происходит с помощью постпозитивной аддитивной частицы =iš (1) и комитативно-инструментального показателя *be ... =oz* (2). В некоторых

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00285.

идиолектах зафиксирована также препозитивная единица *hemi* (*hemi X hemi Y*).

(1) *amir=iš fuad=iš raft-o-yut*
 Амир=ADD Фуад=ADD идти₂-PRF-3PL
 ‘Амир и Фуад ушли.’

(2) *amir raft-e-y be fuad=oz*
 Амир идти₂-PRF-3SG LOC Фуад=COM
 ‘Амир ушел с Фуадом.’

При соединении ИГ частица *=iš* маркирует оба конъюнкта (1). Такие конструкции в языках мира могут относиться как к эмфатическому (типа *both X and Y* ‘X и Y оба’), так и к нейтральному сочинению (см., например, [Haspelmath 2007: 16]). В джалганском эта частица возможна при симметричных предикатах (3), что говорит в пользу трактовки такой сочинительной конструкции как нейтральной. Неэмфатическое бисиндетическое сочинение распространено в этом ареале (см., например, [Stilo 2004: 317] о восточноиранских языках, [van der Berg 2004: 215] о нахско-дагестанских языках).

(3) *amir=iš fuad=iš daṣwo mi-st-en-ut*
 Амир=ADD Фуад=ADD драка EVT-делать₂-IPFV-3PL
 ‘Амир и Фуад дерутся [друг с другом].’

В [Haspelmath 2004: 10–12] утверждается, что союзы могут покрывать только смежные области на имплицативной последовательности NP — AP — VP — S. В джалганском, помимо ИГ, частица *=iš* может сочинять глагольные группы и клаузы, но не прилагательные (4); в данном случае предпочтительно асиндетическое сочинение. На первый взгляд это противоречит приведенной выше иерархии, что мы обсудим в докладе.

(4) **amir ispoḥin=iš aqil-lü=iš gede=yu*
 Амир красивый=ADD ум-PROP=ADD мальчик=3SG
 ‘Амир — красивый и умный мальчик.’

Комитативно-инструментальный показатель *be ... =oz* употребляется как в собственно комитативной конструкции (с согла-

сованием глагола по ед.ч.), см. (2), так и в ее сочинительной модификации с согласованием глагола по мн.ч. (5). Однако допустимость сочинительной конструкции ограничивается субъектной позицией,² ср. (6) с непрямым объектом.

(5) *amir be fuad=oz raft-o-yut*
 Амир LOC Фуад=COM идти₂-PRF-3PL
 ‘Амир с Фуадом ушли.’

(6) *me der-am xardeni be amir=iš be*
 1SG давать-PRF.1SG еда LOC Амир=ADD LOC
*marina=iš / *be amir be marina=roz*
 Марина=ADD LOC Амир LOC Марина=COM
 ‘Я дала еду Амиру с Мариной.’

В докладе мы, во-первых, подробнее опишем свойства частицы *=iš*, в частности, ее функции за пределами соединения ИГ с опорой на [Forker 2016]; во-вторых, обсудим допустимость единицы *hemi* по идиолектам и контекстам, возможность сочетания *=iš* и *hemi*; в-третьих, проанализируем свойства комитативных конструкций с опорой на [Архипов 2009], в частности, обсудив свойства сочинительных комитативных конструкций с местоимениями.

Список условных сокращений

₂ — вторая глагольная основа; 1, 3 — 1, 3 лицо; ADD — аддитивная частица; COM — комитатив; EVT — «эвентуальный» показатель [Authier 2012; Suleymanov 2020]; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; PL — множественное число; PRF — перфект; PROP — проприетив; SG — единственное число.

² Позиция прямого объекта не является показательной, поскольку доказать, что перед нами именно сочинительная конструкция, представляется затруднительным: комитативная группа может стоять разрывно с прямым объектом, ср. *Машу я видел вчера в театре с Петей*, но не **Он дал Маше двести рублей с Петей* [Архипов 2009: 139].

Литература

- Архипов 2009 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Грюнберг 1963 — А. Л. Грюнберг. Язык североазербайджанских татов. Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Authier 2012 — G. Authier. Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2012.
- van der Berg 2004 — H. van der Berg. Coordinating constructions in Daghestanian languages // M. Haspelmath. (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. P. 197–226.
- Forker 2016 — D. Forker. Toward a typology for additive markers // *Lingua*. 2016. Vol. 180. P. 69–100.
- Haspelmath 2004 — M. Haspelmath. Coordinating constructions: an overview // M. Haspelmath. (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. P. 3–39.
- Haspelmath 2007 — M. Haspelmath. Coordination // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. Volume II: Complex constructions Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 1–52.
- Koryakov 2022 — Yu. B. Koryakov. Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation. Presentation at HSE ConLab seminar, 04.10.2022.
- Stassen 2000 — L. Stassen. AND-languages and WITH-languages. *Linguistic Typology*. 2000. Vol. 4. № 1. P. 1–54.
- Stilo 2004 — D. Stilo. Coordination in three Western Iranian languages: Vafsi, Persian and Gilaki // M. Haspelmath. (ed.). Coordinating constructions. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2004. P. 269–330.
- Suleymanov 2020 — M. Suleymanov. A grammar of Şirvan Tat. Wiesbaden: Reichert, 2020.

А. Шалдов

НИУ ВШЭ, Москва

ОПРЕДЕЛЕННЫЕ НЕИНДИВИДЫ В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В латышском языке категория определенности именной группы маркируется на флексии прилагательных: они могут иметь «определенную» и «неопределенную» форму (1).

(1) a. *balt-s* *kreklis*
белый-INDEF рубашка
'a white shirt'

b. *balt-ais* *kreklis*
белый-DEF рубашка
'the white shirt'

Тем не менее, отсутствие этого маркера не влечет неопределенности именной группы. Часть прилагательных требует определенной формы даже в неопределенных контекстах. Среди них — классифицирующие, или родовые (*kind-referring*) прилагательные, то есть такие, которые вместе с существительным выражают «хорошо устоявшиеся классы» [Carlson 1977; Trugman 2005] (2).

(2) a. *balt-s* *lācis*
белый-INDEF медведь(М)
'белый медведь (медведь-альбинос)'

b. *balt-ais* *lācis*
белый-DEF медведь(М)
'белый (полярный) медведь'

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Структура составляющих и их интерпретация в архитектуре грамматики языков России», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

В (2a) *balts* — обычное интерсективное прилагательное, выражающее цвет индивида. В (2b) *baltais* указывает на вид медведя, и словосочетание некомпозиционно: семантический вклад *белый* здесь уникален и отличается, например, от такого в подобном же словосочетании *белый чай*.

При этом ИГ типа *baltais lācis* может реферировать и к уже активированному в дискурсе медведю, и к новому. Что еще более необычно — такие ИГ сохраняют маркер определенности даже под неопределенными местоимениями:

(3) *bez saistības ar kād-iem*

без связи с какой_либо-PL.DAT

semantisk-ajiem vai pragmatisk-ajiem

семантический-PL.DEF.DAT или прагматический-PL.DEF.DAT

valodas apguves jautājumu-iem

языка освоения вопрос-PL.DAT

‘без связи с какими-либо семантическими или прагматическими вопросами освоения языка’

Однако что, если не собственно определенность, в таком случае лицензирует маркер определенности? В работе [Rutkowski, Progovac 2006] для литовского предлагается синтаксический анализ, где маркер определенности — рефлекс передвижения существительного в специальную функциональную проекцию ClassP. Но такой анализ упускает важное семантическое обобщение: вышеупомянутое требование, чтобы классифицирующий предикат выражал устоявшийся класс, очень похоже на требование активированности индивида в дискурсе для определенности в обычных контекстах.

Действительно, возможность использования маркера определенности прямо коррелирует с существованием концепта в общем дискурсе. Сравните (4a–b).

(4) а. *šodien uz ielas atradu*

сегодня на улице нашел

elektrisk-o (-u) tējkann-u*

электрический-DEF.ACC (-INDEF) чайник(М)-ACC

‘Сегодня я нашел на улице электрический чайник.’

- b. *šodien uz ielas atradu*
 сегодня на улице нашел
elektrisk-u (*-o) *zirnekl-i*
 электрический-INDEF.ACC (-DEF) паук(М)-ACC
 ‘Сегодня я нашел на улице электрического паука.’

Электрические чайники (4a) — известные индивиды в широком постиндустриальном дискурсе. Электрические пауки же встречаются реже, потому классифицирующее прочтение для такого предиката недоступно. В тех же терминах *baltais kreklis* в (5a) — известный в локальном дискурсе индивид, а *balts kreklis* (5b) — неизвестный.

- (5) a. *rīt atkal uzvilkšu balt-o krekl-u*
 завтра опять надену белый-DEF.ACC рубашка-ACC
 ‘Завтра опять надену (ту же) белую рубашку.’

- b. *rīt nopirkšu balt-u krekl-u*
 завтра куплю белый-INDEF.ACC рубашка-ACC
 ‘Завтра куплю белую рубашку.’

С другой стороны, названия сортов всегда требуют определенного окончания (6). Этим они похожи на имена собственные, которые ведут себя как определенные индивиды (не позволяют прочтений *de dicto* и пр.).

- (5) *šo jauno arbūza šķiru es nosaukšu par*
 этот новый арбуза сорт я назову о
balt-o arbūz-u
 белый-DEF.ACC арбуз-ACC
 ‘Этот новый сорт арбуза я назову белым арбузом.’

Мы утверждаем, что «определенное окончание» способно маркировать определенность как индивида, так и предиката, причем ни одно не влечет другого. В докладе мы предложим композиционный анализ, способный объединить эти два значения. Мы углубимся в связанные с ним проблемы и опишем его следствия для общей семантики референции.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; DAT — датив; DEF — определенная форма; INDEF — неопределенная форма; PL — множественное число.

Литература

- Carlson 1977 — G. Carlson. Reference to kinds in English. PhD thesis. Amherst: University of Massachusetts, 1977.
- Rutkowski, Progovac 2006 — P. Rutkowski, L. Progovac. Classifying adjectives and noun movement in Lithuanian // C. Yim (ed.). Proceedings of the 8th Seoul International Conference on Generative Grammar: Minimalist views on language design. Seoul: Hankook, Korean Generative Grammar Circle, 2006. P. 265–277.
- Trugman 2005 — H. Trugman. Rudiments of romance N-to-D movement in Russian // Paper presented at the 6th European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-6). Potsdam: University of Potsdam, 2005.

Е. А. Шепель

НИУ ВШЭ, Москва

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛАСНОГО ШВА
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ГАРМОНИИ СЛОВА
В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Нейтральный гласный в языках мира часто используется для разделения недопустимых кластеров звуков и для сохранения структуры слога и слова [Hall 2006]. Как одно из свойств эпентетического шва выделяется то, что он может быть не специфицирован по ряду и подъему, его артикуляция может подстраиваться под ближайший консонантный контекст или копировать гласные, находящиеся в окружающих его слогах [Garellek 2020; Hall 2006].

Цель этого исследования — выяснить, различаются ли акустические и артикуляционные характеристики гласного шва в чукотском языке в зависимости от гармонии гласных в слове, в котором шва находится¹. Гармония гласных в чукотском устроена так, что «слабые» по гармонии гласные [i], [e], [u] переходят в соответствующие «сильные» [e], [a], [o] в словах, в которых содержатся «сильные» морфемы [Dunn 1999: 48; Асиновский 2003: 232]. «Сильные» морфемы обычно содержат «сильный» гласный, но могут состоять только из согласных или содержать только гласный шва [Скорик 1961: 36]. Шва в чукотском языке во многих контекстах эпентетический: используется для разбиения недопустимых кластеров согласных и для сохранения структуры слова [Dunn 1999: 48].

В литературе гласный шва описывается как неучаствующий в гармонии гласных [Скорик 1961: 36] и не меняющийся под ее

¹ Данные предоставлены НУЛ Социогуманитарных исследований Севера и Арктики. Исследование было поддержано программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

воздействием [Асиновский 2003: 232]. Однако акустических подтверждений тому, что шва реализуется одинаково в словах с разной гармонией, в грамматиках нет. При этом реализации шва в чукотском могут сильно различаться по ряду и по подъему [Скорик 1961: 23]. Нет сведений о том, от чего может зависеть в таких случаях качество шва. Варьирование реализаций шва по ряду и подъему подтверждается и на наших данных.

В исследовании использованы записи изолированных произнесений слов амгуэмского говора чукотского языка, собранные в ходе экспедиции в село Амгуэма в 2018 году. Проанализированы записи речи пяти носительниц языка, одна из которых старше 40 лет, остальные старше 60 лет. Всего проанализировано 1069 реализаций шва в разных контекстах, из которых 528 находятся в словах со «слабой» гармонией. Границы гласных звуков были размечены автоматически с помощью скрипта [Cummins, Port 1998], формантные значения измерялись с помощью FastTrack [Barreda 2021]. Все данные автоматической разметки проверены вручную.

В проанализированных записях поведение шва в словах с разной гармонией различается. Наблюдаются три стратегии. У диктора 2 (Рис. 1) гармония влияет на подъем шва: более открытые реализации ($F1 > 750$ Гц) почти всегда встречаются в словах с сильной гармонией. У диктора 1 изменяется ряд шва: в словах со слабой гармонией шва более задний ($F2 < 1800$ Гц). У дикторов 3–5 реализации шва значительно не зависят от гармонии.

У большинства дикторов гармония слова не влияет на качество шва. Встречаются также стратегии, при которых зависимость наблюдается. Шва может закономерно встраиваться в гармонию и реализовываться с разным подъемом. Также у одного диктора наблюдается зависимость между рядом шва и гармонией слова. Такое поведение неожиданно, так как шва не встраивается в гармонию по подъему, но существенно изменяется под ее влиянием. Требуется привлечь больше данных для того, чтобы понять, насколько эти стратегии распространены среди носителей.

Эти же особенности реализации шва у каждого диктора наблюдаются как у лексического, так и у эпендетического шва. Поведение шва в данном случае не зависит от его функции, а зна-

чит, не является проявлением свойств эпентетического нейтрального гласного.

Качество шва не зависит от гласных в том же слове. Найденное у некоторых дикторов изменение качества зависит именно от гармонии слова, а не от вокалического контекста, не может быть следствием копирования акустических характеристик других гласных.

Рис. 1. Вокалическое пространство реализаций шва в чукотском языке в словах с разной гармонией (данные пяти дикторов)

Литература

- Асиновский 2003 — А. С. Асиновский. Сопоставительная фонетика чукотско-камчатских языков. Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2003.
- Скорик 1961 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Часть первая: Фонетика и морфология именных частей речи. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
- Barreda 2021 — S. Barreda. Fast Track: fast (nearly) automatic formant-tracking using Praat // *Linguistics Vanguard*. 2021. Vol. 7. № 1. P. 1379–1393. doi: 10.1515/lingvan-2020-0051

- Cummins, Port 1998 — F. Cummins, R. Port. Rhythmic constraints on stress timing in English // *Journal of Phonetics*. 1998. Vol. 26. P. 145–171.
- Dunn 1999 — M. J. Dunn. A grammar of Chukchi. PhD dissertation. Canberra: Australian National University, 1999.
- Garellek 2020 — M. Garellek. Phonetics and phonology of schwa insertion in Central Yiddish // *Glossa: a journal of general linguistics* 2020. Vol. 5. № 1. 66. P. 1–25. doi: <https://doi.org/10.5334/gjgl.1141>
- Hall 2006 — N. Hall. Cross-linguistic patterns of vowel intrusion // *Phonology*. 2006. Vol. 23. № 3. P. 387–429.

Н. А. Юрчук
РГГУ, Москва

ЕСТЬ КОНТАКТ: СЕМАНТИКА ЛОКАЛИЗАЦИИ CONT В СОБСТВЕННО ХВАРШИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ХВАРШИНСКОГО ЯЗЫКА

Настоящий доклад посвящен семантике пространственных употреблений маркера локализации CONT (-*qo*) в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка. Локализация CONT не входит в список основных значений локализации по [Мельчук 1998: 53] и является одной из семантически нетривиальных граммем локализации с типологической точки зрения. Данная граммема широко представлена в нахско-дагестанских языках; для нее характерна значительная вариативность сферы употребления, эта тема подробно рассматривается в работе [Ганенков 2005а]. Наше исследование локализации CONT опирается на данные, собранные в экспедиции в с. Хонох в августе 2023 г.

В грамматике хваршинского языка (инхокваринский диалект) [Khalilova 2009: 83] приводятся следующие основные пространственные значения локализации CONT: фиксированный контакт на большой поверхности (*qodo-qo surat* ‘картина на стене’) и тесный контакт с большой поверхностью ориентира (*q'elo-qo t'amsa kula* ‘бросить ковер на пол’). Согласно с очерком хваршихонохского диалекта [Khalilova, Testelets, in prep.: 20], локализация CONT используется при описании ситуации нахождения на вертикальной поверхности (*qad-qo* ‘на стене’) и типичного положения относительно ориентира (*ʋ^wad-qo* ‘на небе’). Результаты нашего исследования демонстрируют, что данные утверждения не вполне точно описывают пространственные употребления локализации CONT.

В ходе полевой работы подтвердилось утверждение об употреблении показателя CONT во всех ситуациях нахождения на вер-

тикальной поверхности. В ситуации, когда ориентиром является горизонтальная поверхность, локализация CONT конкурирует с локализациями SUP ($-\lambda'o$, на поверхности) и SUB ($-\lambda$, под ориентиром). На выбор граммы локализации в подобном случае влияет фактор полной/неполной вовлеченности ориентира: в типологических работах такой вид употреблений CONT описывается как «полный контакт с ориентиром», «полностью осуществленная возможность контакта с ориентиром» [Тестелец 2019: 19] или «полная вовлеченность ориентира» [Ганенков 2005б: 12].

(1) а. *Dajhan* $\lambda'ejlo-\lambda'o$ *l-aq-na* *gote*.
 ковер пол-SUP IV-лежать-PST.U быть.PRS
 ‘Ковер лежит на полу (покрывает часть пола).’

б. *Dajhan* $\lambda'ejlo-qo$ *l-aq-na* *gote*.
 ковер пол-CONT IV-лежать-PST.U быть.PRS
 ‘Ковер лежит (покрывает весь пол).’

Неверно было бы определить такие случаи как контакт с большой площадью поверхности ориентира, как было предложено в грамматике для инхокваринского диалекта, поскольку для ситуаций нахождения на поверхности, не имеющей определенных границ (земля, песок, асфальт и т. п.) недопустимо использование CONT:

(2) $\check{c}'ido-\lambda'o/*-qo$ *dajhan*
 земля-SUP/*-CONT ковер
 ‘ковер на земле’

Фактически при употреблении с горизонтальной поверхностью локализация CONT включает в свою семантику квантор общности (для всей поверхности X верно, что P). Это объясняет, в частности, возможность употребления данной граммы с ориентирами неограниченной площади под отрицанием:

(3) $\check{C}'ido-qo$ *aq-a* *behd-a:te*.
 земля-CONT лежать-INF можно-NEG
 ‘На земле лежать нельзя.’

В ряде случаев, когда ориентиром является часть тела, CONT конкурирует с показателем INTER ($-l$, основное значение — нахо-

ждение в веществе или среди однородных предметов). Использование INTER возможно в случае, если:

- 1) объект относится к ограниченному классу лексем, в который входят предметы одежды и украшения, способные охватить всю часть тела, в т. ч. закольцованные на ориентире;
- 2) он находится в функциональном состоянии (надет на ориентир):

(4) *T'alaqasa gil-la t'ula-t/-qo.*
 кольцо класть-PST.W палец-INTER/-CONT
 'Кольцо надето на палец.'

Таким образом, на выбор маркера локализации в ситуации контакта влияют следующие факторы: вертикальность/горизонтальность ориентира, степень вовлеченности ориентира, в ситуациях контакта с частями тела — функциональное/нефункциональное использование объекта.

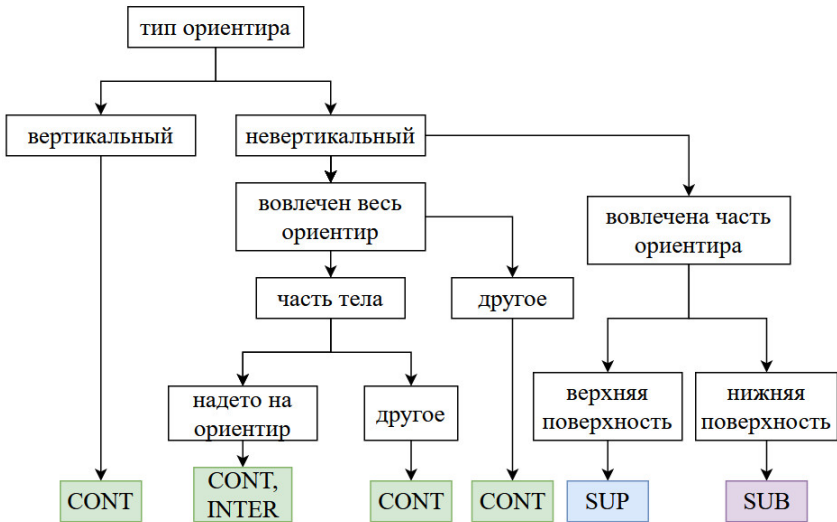

Рис. 1. Алгоритм выбора маркера локализации в ситуации контакта

Список условных сокращений

IV, V — согласовательные классы; AD — адэссив; CONT — контэссив; INF — инфинитив; INTER — интерэссив; NEG — отрицание; PRS — настоящее время; PST.U — непрямо прошедшее время; PST.W — прямое прошедшее время; SUB — субэссив; SUP — суперэссив.

Литература

- Ганенков 2005а — Д. С. Ганенков. «Контактные» локализации в нахско-дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2005. № 5. С. 100–116.
- Ганенков 2005б — Д. С. Ганенков. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели. Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М.: МГУ, 2005.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II Москва–Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998.
- Тестелец 2019 — Я. Г. Тестелец. Именные локативные формы в дагестанских языках. Дипломная работа, МГУ, 1980 / рукопись, 2019.
- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. A grammar of Khwarshi. Doctoral dissertation. Leiden: Leiden University, 2009.
- Khalilova, Testelets, in prep. — Z. Khalilova, Y. Testelets. Khwarshi // The Caucasian Languages. An International Handbook. [Handbooks of Linguistics and Communication Science]. The Hague; New York, Netherlands: Mouton, in prep.

Г. Н. Якимов

НИУ ВШЭ, Москва

НУЛЕВОЕ МАРКИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ НОВОАРАМЕЙСКИХ

В докладе будут рассмотрены конкуренция нулевого и предложного маркирования пространственных отношений и факторы, влияющие на выбор того или иного показателя в северо-восточных новоарамейских идиомах. Исследование основано на материалах экспедиции в ассирийские общины Нижнего Новгорода и Казани в 2023 г. Данные, собранные методом элицитации, относятся к нескольким родственным идиомам: христианскому урмийскому идиому (У; большинство информантов), идиому леванская (Л), а также к идиому аласная группы джелвая (А).

В северо-восточных новоарамейских идиомах, как и в новоарамейских вообще, отсутствуют падежи, и пространственные отношения обычно выражаются с помощью предлогов. В идиоме барвар [Khan 2008] и христианском урмийском [Khan 2016] известны случаи, когда именная группа, выражающая конечную точку движения или место, употребляется вариативно: с предлогом или без него. Замечено, что нулевое маркирование более характерно в аллативном значении, чем в локативном [Khan 2008], и обычно предполагает отсутствие указательного местоимения, определения и генитивного зависимого [Khan 2016].

Согласно типологической литературе [Stolz et al. 2014], наибольшую роль при выборе между предложным и нулевым маркированием играет фон, глагол имеет ограниченное влияние, тогда как траектор не имеет влияния на выбор стратегии маркирования. Мы проверяли для исследуемых идиомов следующие свойства фона: одушевленность, референтность, принадлежность к топонимам и к «прототипическим местам» (см. [Stolz et al. 2014],

[Creissels 2009]). Кроме того, мы исследовали влияние глагольной семантики (направление/место без предлога как глагольный актанта), этапа перемещения (местоположение, цель движения), конфигурации (положение траектора относительно фона) и различных зависимых.

Из полученных данных следует, что в исследуемых идиомах обычно невозможно нулевое маркирование места, тогда как для конечной точки оно употребимо наравне с предложным:

- (1) *axunvat-i baxxay=əna *mdita / guv mdita*
 брат(М).PL-P.1SG жить.PROG=3PL город(Ф) в город(Ф)
 ‘Мои братья живут в городе.’ (У)
- (2) *brun-i xiš=ələ mdita / gu mdita*
 сын(М)-P.1SG идти.RES.M=3М город(Ф) в город(Ф)
 ‘Мой сын ушел в город.’ (У)

Нулевое маркирование, в тех случаях, когда оно допустимо, обычно находится в отношениях свободного варьирования с предлогом *gu* ‘в’ (варианты *gav, guv*). Носители разрешают нулевое маркирование в качестве варианта других предлогов (*cəs* ‘рядом с’, *+al* ‘на; к’ и его варианты *əl, l*), только в таких контекстах, где они также допускают использование *gu*. Свойства предиката при этом, как будет показано в докладе, не оказывают влияния на выбор стратегии маркирования.

Несочетаемость нулевого маркирования с зависимыми фона иллюстрируют примеры:

- (3) *da-i zəl-la ^{OK}+mayaza / gu +mayaza*
 мама(Ф)-P.1SG идти.PST-LS.3F магазин(М) в магазин(М)
 ‘Моя мама пошла в магазин.’ (А¹)
- (4) *diy-i +xa-i +wər-ra*
 OBL.PRON-P.1SG сестра(Ф)-P.1SG входить.PST-LS.3F
**+mayaza +dosta / gu +mayaza +dosta*
 магазин(М) друг(М).PL в магазин(М) друг(М).PL
 ‘Моя сестра зашла в магазин друзей.’ (А)

¹ Транскрипция примеров аласная опирается на грамматику джелвая [Fox 1997].

- (5) *la si *+avva +maɣaza / gu +avva +maɣaza*
 NEG идти.IMP DEM2.М магазин(М) в DEM2.М магазин(М)
 ‘Не ходи в этот магазин.’ (А)

Как видим, по крайней мере существительное (4) и указательное местоимение (5) как зависимые делают невозможным употребление нулевого маркирования с фоном-вершиной. При этом референтность, которую через них получает фон, сама по себе не обязывает к употреблению предлога, ср. (6):

- (6) *edan tuɣui-lun +umra mudmæx-lun*
 когда приносить.PST-LS.3PL церковь(М) класть.PST-LS.3PL
 ‘Когда [его] принесли в церковь и положили...’ [Ovsjannikova et. al. 2022] (У)

Хотя типологически распространено употребление с топонимами более «легких» пространственных маркеров [Creissels 2009], в частности нулевого маркирования [Stolz et al. 2014], в исследуемых идиомах этот класс имен допускает нулевое маркирование в аллативных контекстах, но не в локативных:

- (7) *sətva ana t-az-an Москва*
 зима(М) я FUT-идти.PRS-SS.1F Москва
 ‘Зимой я поеду в Москву.’ (У)
- (8) *axunvat-i di bəxɣay=əna *Москва /*
 брат(М).PL-P.1SG OBL.PRON.1SG жить.PROG=3PL Москва
gu Москва
 в Москва
 ‘Мои братья живут в Москве.’ (У)

В докладе будут показаны несочетаемость нулевого маркирования с одушевленной именной группой, особенности его употребления с прототипическим местом *beta* ‘дом’, а также различия в выборе стратегии маркирования, наблюдаемые между идиомами.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; DEM2 — указательное местоимение второго ряда; F — женский род; FUT — будущее время; IMP — императив; LS — L-суф-

фикс; M — мужской род; NEG — отрицание; OBL.PRON — косвенное местоимение; P — притяжательность; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RES — результатив; SG — единственное число; SS — S-суффикс.

Литература

- Creissels 2009 — D. Creissels. Spatial cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 609–625.
- Fox 1997 — S. E. Fox. *The Neo-Aramaic Dialect of Jilu*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1997.
- Khan 2008 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of Barwar*. Vol. 1. Grammar. Leiden / Boston: Brill, 2008.
- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vol. 2. Grammar: Syntax. Leiden / Boston: Brill, 2016.
- Ovsjannikova et. al. 2022 — M. Ovsjannikova, K. Kozhanov, N. Logvinova, A. Lyavdansky, A. Russkikh, S. Say, V. Shuvalova, E. Shvedova, E. Zabelina. *Corpus of NENA varieties spoken in Russia*. 2022–. (URL: <https://nena-dict.ru/corpus>)
- Stolz et al. 2014 — T. Stolz, S. Lestrade, C. Stolz. *The Crosslinguistics of Zero-Marking of Spatial Relations*. Berlin / Boston: De Gruyter Mouton, 2017.

Б. М. Якубсон

НИУ ВШЭ, Москва

**О СИСТЕМЕ ВЕРТИКАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДЕЙКСИСА
(КАТЕГОРИИ ELEVATION) В ШУГНАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹**

Доклад посвящен категории вертикального пространственного дейксиса (категория *elevation*) в шугнанском языке. В рамках исследования рассматриваются употребления предлогов со значением направления действия по вертикали: *pi* (в.UP), *tar* (в.LEVEL) и *ar* (в.DOWN). Цель исследования — сформулировать критерии выбора рассматриваемых предлогов в зависимости от пространственной конфигурации. Исследование основано на материале, собранном в рамках экспедиции в г. Хорог летом 2023 года.

Представление категории вертикального дейксиса в виде предлогов с лативным значением является типологически нераспространенным, так как чаще такая категория представлена в языках с помощью демонстративов, аффиксов, связанных корней или частиц [Forker 2020]. Так, например, в языках киранти локализация относительно вертикальной оси выражается с помощью системы суффиксов на глаголе с возможной референцией к «геофизическому» контрасту [Jacques, Lahaussais 2023], тогда как в даргинском и табасаранском такая категория маркируется в системе местоимений [Mukhin 2023]. При этом систему вертикального пространственного дейксиса в шугнанском языке можно отнести к таким системам, где локализация определяется относительно воображаемой вертикальной оси, проходящей через некоторое

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№22-00-034 «Полевые и корпусные исследования языков шугнано-рушанской группы») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)».

«основание» (“general elevational demonstrative systems” по [Burenhult 2008]). В отличие от невертикального пространственного дейксиса, «вертикальность» не является дейктической, поскольку основанием или точкой отсчета является не только говорящий [Fillmore 1982], что и стало основой для нашего исследования шугнанской системы.

Для памирских языков, в частности для шугнанского языка, описание вертикального дейксиса, по нашему мнению, недостаточно полное, так как оно представляет собой лишь указание на некоторый набор дейктических и недейктических функций описываемых предлогов. В грамматике шугнанского языка рассматриваемые предлоги описывались с помощью указания на направление движения вниз, вверх и по горизонтали, однако критерии выбора точки отсчета сформулированы не были [Карамшоев 1963].

Для исследования стратегий локализации и описания системы использовался метод элицитации текста с различными пространственными конфигурациями. В собранных контекстах можно наблюдать перенос дейктического центра от говорящего к разным референтам. Предлоги в рассматриваемых контекстах выступают как средство описания положения референтов или их направления движения. Следует отметить, что модели, основанные на центре в говорящем и участнике ситуации, являются типологически наиболее распространенными для рассматриваемой категории (“speaker-oriented model” и “person-oriented model” [Forker 2020]). В шугнанском языке такие модели так же являются базовыми, но не единственными засвидетельствованными.

Собранный материал показывает, что одной из особенностей шугнанского вертикального дейксиса является стратегия переноса дейктического центра на неодушевленный объект при необходимости указания на траекторию движения этого объекта. В такой модели дейктический центр определяется точкой начала движения.

Особенный тип локализации дейктического центра — центр в «нейтральной» точке. Такая локализация используется при сложной пространственной конфигурации, которая включает несколько описываемых уровней, требующих конкретизации друг относительно друга.

- (1) *uz fam-um Širinšo pi kiriš, Ammad tar*
1SG знать-1SG Шириншо в.UP крыша, Аммад в.LEVEL
boγ=at uz=um ar podval
сад=COORD2 1SG=1SG в.DOWN подвал
'Я знаю, что Шириншо на крыше, Ахмад в саду, а я в подвале.'

Помимо анализа предложенных моделей локализации дейктического центра, включающих как типологически известные, так и ранее не описанные стратегии локализации, в докладе будет представлена система критериев и правил, на основании которых можно предсказывать допустимые для заданных контекстов модели.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо; COORD2 — сочинительный союз; DOWN — направление вниз; LEVEL — горизонтальное направление; SG — единственное число; UP — движение вверх.

Литература

- Карамшоев 1963 — Д. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Академия наук Таджикской ССР, 1963.
- Burenhult 2008 — N. Burenhult. Spatial coordinate systems in demonstrative meaning // *Linguistic Typology*. 2008. Vol. 12. №. 1. P. 99–142.
- Fillmore 1982 — C. Fillmore. Towards a descriptive framework for spatial deixis // R. Jarvella, W. Klein (eds.). *Speech, Place and Action: Studies in Deixis and Related Topics*. Chichester: Wiley, 1982. P. 31–60.
- Forker 2020 — D. Forker. Elevation as a grammatical and semantic category of demonstratives // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. 1712.
- Jacques, Lahaussais 2023 — G. Jacques, A. Lahaussais. Elevational deixis in the Kiranti verb // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*. 2023. Vol. 46. №. 1. P. 6–34.

Pavel Astafiev

HSE University, Moscow

ENCODING (IN)DEFINITENESS AND PARTITIVE SPECIFICITY IN ABAZA

In Abaza, two markers were argued to encode definiteness (1–2): the prefix *a-* (glossed here as SP) was claimed to mark definite NPs and the suffix *-ḳ* (glossed as INDF) to mark indefinite NPs [Tabulova 1976; Arkadiev 2019].

- (1) *h-šə́ sasə́-ḳ d-á-j.*
1PL.PO-near guest-INDF 3SG.H.ABS-CSL-go(PST)
'A guest has come to us.'
- (2) *h-šə́ á-sas d-á-j.*
1PL.PO-near SP-guest 3SG.H.ABS-CSL-go(PST)
'The guest has come to us.'

However, this cannot be the whole story: the two markers are not in complementary distribution (3). This is certainly not expected under the standard view that definiteness and indefiniteness are mutually exclusive.

- (3) *á-sas-ḳ də́-z-dər-aj.*
SP-guest-INDF 3SG.H.ABS-1SG.ERG-know-PRS
'I know one of the guests.'

The aim of this paper is to address the following questions: (i) what are the semantic differences between NPs marked only by *a-* (*a*-marked from now on), NPs marked only by *-ḳ* (*ḳ*-marked), and those marked by both *a-* and *-ḳ* (*double-marked*); (ii) how can these differences be derived compositionally?

The data come from the Ashkhar dialect of Abaza spoken in Ap-swa (Karachay-Cherkess Republic, Russia) and were elicited by the author during the HSE University field trip in July 2023.

Data

Uniqueness and familiarity are standardly considered to be the hallmarks of definiteness (see [Heim 2011; Coppock 2022]). Given this, I assume that an NP is definite if it satisfies either familiarity (e.g., is used anaphorically) or uniqueness (e.g., denotes the unique holder of a certain property); otherwise, it is indefinite.

As I will show, *a*-marked NPs must satisfy familiarity or uniqueness and are, thus, definite; *k*-marked and double-marked NPs, by contrast, are indefinite: neither can they be used anaphorically nor introduce referents holding a unique property.

What is then the difference between *k*-marked and double-marked NPs? A reasonable hypothesis is that certain specificity distinctions [von Stechow 2011; Farkas, Brasoveanu 2019] are relevant. To test this hypothesis, I compared *k*-marked and double-marked NPs with respect to epistemic, scopal, and partitive specificity. The only difference between *k*-marked and double-marked NPs turned out to be that the latter must be partitive specific, no other differences were found.

Analysis

Given that *a*- and *-k* are not in complementary distribution, it seems reasonable to argue that they occupy different syntactic positions. Adopting the minimalist view on syntax [Chomsky 1995], I postulate the following structure of DP in Abaza, where *-k* and *a*- are located in different functional projections above NP.

- (4) $[_{DP} \{ \varnothing_{[+DEF]}, -k_{[-DEF]} \}_D [_{S_{PP}} \{ a_{[-PTSP]}, \varnothing_{[-PTSP]} \}_{S_P} NP]]$

Since all NPs marked by the suffix *-k* are indefinite, I analyze *-k* as an indefiniteness marker. In the absence of *-k*, I postulate a null definiteness marker $\varnothing_{[+DEF]}$ in the structure. I adopt Roberts' [Roberts 2003] version of the familiarity theory of definiteness (see also [Hawkins 1978; Heim 1983], a. o.).

The prefix *a*- is analyzed as a partitive specificity marker. Note that under the familiarity theory of definiteness, all definite NPs are at the same time partitive specific [Enç 1991]. Thus, *a*- is correctly predicted to combine with both definite and indefinite NPs. In the absence of *a*-, the null marker $\varnothing_{[-PTSP]}$ is postulated.

The interpretation is formalized in a compositional dynamic semantics (see [Muskens 1996], a. o.) which models a context as a set of pairs $\langle w, f \rangle$, w being a possible world and f a partial assignment function. A context construed this way represents both the information about the world and the discourse referents introduced and thus allows to model familiarity and partitive specificity requirements. In combination with a version of the *Maximize Presupposition* principle ([Heim 1991; Chemla 2008], a. o.), the proposed analysis is able to predict the distribution of *a-* and *-k* quite accurately.

Abbreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; ABS — absolutive; CSL — cislocative; ERG — ergative; H — human; INDF — indefinite; PL — plural; PO — postposition; PRS — present; PST — past; SG — singular; SP — specific.

References

- Arkadiev 2019 — P. Arkadiev. Abaza. Unpublished Manuscript. 2019.
- Chemla 2008 — E. Chemla. An epistemic step for anti-presuppositions // *Journal of Semantics*. 2008. Vol. 25. № 2. P. 141–173.
- Chomsky 1995 — N. Chomsky. *The minimalist program*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Coppock 2022 — E. Coppock. On definite descriptions: Can familiarity and uniqueness be distinguished? // D. Altshuler (ed.). *Linguistics Meets Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. P. 109–136.
- Enç 1991 — M. Enç. The semantics of specificity // *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. № 1. P. 1–25.
- Farkas, Brasoveanu 2019 — D. F. Farkas, A. Brasoveanu. Kinds of (non)specificity // D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, T. Zimmermann (eds.). *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2019. <https://doi.org/10.1002/9781118788516.sem037>
- Hawkins 1978 — J. Hawkins. *Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction*. London: Routledge, 1978.
- Heim 1983 — I. Heim. File change semantics and the familiarity theory of definiteness // R. Bäuerle, C. Schwarze, A. von Stechow (eds.). *Meaning,*

- use and interpretation of language. Berlin: Walter de Gruyter, 1983. P. 164–189.
- Heim 1991 — I. Heim. Artikel und Definitheit // A. von Stechow, D. Wunderlich (eds.). *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1991. P. 487–535.
- Heim 2011 — I. Heim. Definiteness and indefiniteness. K. von Heusinger, C. Maienborn, P. Portner (eds.). *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 996–1025.
- von Heusinger 2011 — K. von Heusinger. Specificity // K. von Heusinger, C. Maienborn, P. Portner (eds.). *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1025–1058.
- Muskens 1996 — R. Muskens. Combining Montague semantics and discourse representation // *Linguistics and Philosophy*. 1996. Vol. 19. № 2. P. 143–186.
- Roberts 2003 — C. Roberts. Uniqueness in definite noun phrases // *Linguistics and Philosophy*. 2003. Vol. 26. № 3. P. 287–350.
- Tabulova 1976 — N. T. Tabulova. *Grammatika abazinskogo jazyka. Fonetika i morfologija* [A grammar of Abaza: Phonetics and morphology]. Karachaevo-Čerkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knižnogo izdatel'stva, 1976.

Pavel Belov, Alexandra Shikunova

HSE University, Moscow

FOREST NENETS VOWEL ALTERNATIONS AND LICENSING OF FINAL NUCLEI

Background

In Strict CV phonology [Kaye et al. 1990; Scheer 2004], where representations consist of a syllabic and a melodic tier, and Element theory [Kaye et al. 1985], which assumes that phonological features are privative rather than binary, qualitative vowel alternations have been successfully analyzed in terms of underlying vowel quantity [Enguehard 2014; 2018]. This kind of analysis is especially germane to stress-related alternations, since stress has been argued to be represented by syllabic space in Strict CV, which links it to length [Larsen 1998; Scheer, Szigetvári 2005]. When stressed vowels are phonologically long, they can carry more elements and therefore exhibit more contrast than unstressed short vowels, in which the contrasts are neutralized. We present the case of vowel alternation from Forest Nenets (< Samoyedic < Uralic), where a length-based analysis kills several birds with one stone.

Data

The data comes from the authors' fieldwork. Forest Nenets (FN) vowel inventory is different in stressed (1) and unstressed syllables (2).

(1) Stressed syllables

ĩ i	ũ u
ě e	õ o
ǣ æ	ǎ a

(2) Unstressed syllables

i	u
	o
æ	a

In FN, there is an alternation between high and mid vowels. In unstressed positions, /o e/ are reduced to /u i/ (3).

(3) *wed'ǎ^hkū* ‘dog’ — *wed'ǎ^hkoj^o* dog.POSS.1SG

/Ǔ/ and /ě/ only occur in monosyllabic forms, where they are in free variation with their high counterparts, /ǔ/ and /ĩ/ respectively. In polysyllabic contexts, however, the mid allophones appear (4–7).

- (4) *tǔ-ʔ* [tǔʔ~tǔʔ] lake-NOM.PL
 (5) *to-n^o* [ton] lake-DAT.SG
 (6) *n'e* [n'ě~n'ĩ] woman
 (7) *n'e-j^o* [n'ej] woman-POSS.1SG

There is also a closed class of words which are invariably high in monosyllabic forms and mid in polysyllabic ones. There are exactly three nominal stems that exhibit such an alternation, as mentioned by Salminen [Salminen 1997] for Tundra Nenets: *ti* ‘reindeer’, *li* ‘bone’ and *mi* ‘thing, foodstuff’.

- (8) *ti-x^ona* [texena] reindeer-LOC.SG
 (9) *li-j^o* [lej] bone-POSS.1SG
 (10) *mi-λ^o* [meλ] thing-POSS.2SG

The quality alternation in monosyllables is most likely connected to the shortening of the vowel in monosyllabic words, first described by Salminen [Salminen 2007]. The vowel in such contexts surfaces as short regardless of the quantity of the underlying phoneme (11–12).

- (11) *wiŋ* [wĩŋ] tundra
 (12) *wiŋ-kat^o* [wiŋkat] tundra-ABL.SG

Questions

First, why are monosyllabic words the only context where short mid vowels are found? Next, there are two classes of monosyllabics: one patterns with stressed syllables wrt. the vowel alternation and the other — with the unstressed. What prevents the effects of stress from showing in the second class?

Analysis

We assume that stress in FN is represented by length. Stressed vowels are bipositional and able to host two elements, which can be interpreted as a mid vowel: /o/ corresponds to the combination of |A| and |U| and /e/ — to |A| and |I|. The stress adds space for the extra element that is responsible for the mid quality (|A|), which is deleted in the absence of stress. Since long /a u i/ are represented by |A A|, |U U| and |I I| respectively, the quality alternation does not affect them and they are merely shortened when unstressed.

We also suggest that both monosyllabic shortening and the ban on final stress is due to V-slots having to be licensed by a filled V on their right to become targets of spreading [Lowenstamm 1996], and final V-slots in FN are not licensed and cannot license themselves. Essentially, there can be no length or stress in the final syllable.

Since stress and length share an exponent — an extra syllabic unit — both stress and length fail to be licensed word-finally, in monosyllabic words as well. The monosyllabic word is the only context targeted by stress *and* word-final lack of licensing: while final syllables in polysyllabics can remain unstressed, the only syllable of monosyllabic words has to be stressed. Therefore, only monosyllabics can have a vowel that is both mid as an effect of stress and short as an effect of word-finality.

In the other class of monosyllabics, where the alternating vowel is high in the bare form, the conflict between stress and word-finality is resolved in favor of word-finality: the vowel is short and not mid. We assume that vowels in this class of words contain an element that can only associate to a licensed position, that is, in a polysyllabic context.

Abbreviations

1, 2 — 1st, 2nd person; ABL — ablative; DAT — dative; LOC — locative; NOM — nominative; PL — plural; POSS — possessive; SG — singular.

References

Enguehard 2014 — G. Enguehard. Consonant Alternations, Weight Constraint and Stress in Southern Saami // E. Cyran, J. Szpyra-Kozłowska (eds.).

- Crossing phonetics-phonology lines. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 47–62.
- Enguehard 2018 — G. Enguehard. A thought on the form and the substance of Russian vowel reduction // D. Lenertová et al. (eds.). *Advances in formal Slavic linguistics 2016*. Berlin: Language Science Press, 2018. P. 109–125.
- Kaye et al. 1985 — J. Kaye, J. Lowenstamm, J.-R. Vergnaud. The internal structure of phonological elements: a theory of charm and government. *Phonology*. 1985. Vol. 2. № 1. P. 305–328.
- Kaye et al. 1990 — J. Kaye, J. Lowenstamm, J.-R. Vergnaud. Constituent structure and government in phonology. *Phonology*. 1990. Vol. 7. № 2. P. 193–231.
- Larsen 1998 — B. U. Larsen. Vowel length, Raddoppiamento Sintattico and the selection of the definite article in Italian // P. Sauzet (ed.), *Langues et Grammaire II–III, Phonologie*. Paris: Université Paris 8, 1998. P. 87–102.
- Lowenstamm 1996 — J. Lowenstamm. CV as the only syllable type // J. Durand, B. Laks (eds.). *Current Trends in Phonology — Models and Methods*. Salford / Manchester: European Studies Research Institute, University of Salford, 1996. P. 419–441.
- Salminen 1997 — T. Salminen. *Tundra Nenets inflection*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1997.
- Salminen 2007 — T. Salminen. Notes on Forest Nenets phonology // J. Ylikoski, A. Aikio (eds.). *Sámit, sánit, sátnehámit. Riepmočála Pekka Sammallahhti miessemánu 21. Beavve 2007. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia = Mémoires de la Société finno-ougrienne*. Vol. 253. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 2007. P. 349–372.
- Scheer 2004 — T. Scheer. *A lateral theory of phonology*. Vol. 1: What is CVCV, and why should it be? Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Scheer, Szigetvári 2005 — T. Scheer, P. Szigetvári. Unified representations for stress and the syllable. *Phonology*. 2005. Vol. 22. № 1. P. 37–75.

**MORPHOSYNTAX OF POLITENESS AND INDEXICAL
SHIFT: EVIDENCE FROM TEREK KUMYK**

Intro: The treatment of utterance-oriented markers of speaker-addressee relations in [Portner et al. 2019] presupposes that such markers are main clause phenomena. This paper aims to extend the empirical picture by arguing that directive politeness markers in Terek Kumyk (TK; < Kumyk < Kipchak < Turkic) are embeddable. I also link this fact to the presence of indexical shift in Terek Kumyk, in parallel to the analyses of allocutive agreement in [Alok, Baker 2022] and [McFadden, Sundaresan 2022].

Politeness markers in TK: There are two politeness markers in TK that occur in directive speech acts. The first one is the suffix *-č-*, which conveys impoliteness. Its suffixal status is supported by linear order: *-č-* precedes agreement suffixes (1a). The claim that *-č-* conveys impoliteness is supported by its infelicity when the context is such that the addressee is a respected member of society (e.g., an old man) (1b).

- (1) a. *tük-me-č-igiz* *süt-nü*
spill.IMP-NEG-IMPOL-2PL milk-ACC
'Do not spill the milk!'
- b. *süt al-č*
milk buy.IMP-IMPOL
'Buy milk! (# when talking to an old man)

The second politeness marker is the clitic =*da*, which conveys politeness. It is a clitic because it goes after agreement suffixes and is not subject to vowel harmony (2). The claim that =*da* conveys politeness is supported by it being used in a first response when translating a target sentence with the Russian (the language of elicitation) word *požalujsta* 'please'.

- (2) *etmek ber-giz=da*
 bread give.IMP-2PL=POL
 ‘Could you please give me some bread?’

Utterance-orientedness of politeness in TK: The politeness markers encode the social dynamic between interlocutors and not between the speaker and, say, the subject of the imperative clause, as is supported by the behavior of politeness markers in jussive clauses where *-ç-* is infelicitous if the subject is a child and the addressee is an old man (3).

- (3) *Kerim süt-nü iç-sin-ç*
 K. milk-ACC drink-JUSS-IMPOL
 ‘Kerim should drink the milk!’ (# Kerim is a child; the addressee is an old man)

Embeddability of TK politeness markers: Examples (4a-b) show that TK politeness markers are embeddable. Example (4a) also shows that the embedded clause is transparent for scrambling, ruling out a direct speech analysis.

- (4) a. *şorpa-ni Fatima Kerim-ne aşı-ç dep ajt-xan*
 soup-ACC F. K.-DAT eat.IMP-IMPOL COMP say-PF
 ‘Fatima ordered Kerim to eat his soup.’
- b. *Alim Fatima-ya süt-nü iç=da dep tile-di*
 A. F.-DAT milk-ACC drink.IMP=POL COMP ask-PST
 ‘Alim asked Fatima to drink the milk.’

Link with indexical shift: [Portner et al. 2019] suggest that the unembeddability of utterance-oriented politeness markers is due to their syntactic position: a high *cP* projection, stipulated to be not occur in emb. clauses. I suggest that the cross-linguistic variation in embeddability of utterance-oriented markers is due to the size of clausal complements. Some languages allow *cP* complements and some do not. Circumstantial evidence for this conclusion comes from indexical shift (IS), a phenomenon linked to the *cP* projection by [Spadine 2020] — we thus expect IS to be possible in languages with embeddable utterance-oriented politeness markers, such as TK. Ex. (5) shows that it is indeed the case.

- (5) *Kerim-ni es-i-ne gel-e ana-m*
K.-GEN mind-3-DAT come-IPFV mother-1
тава ачуw et-ken dep
1SG.DAT bad do-PF COMP
'Kerim thinks that he has upset his mother.'

Conclusion: This paper discussed the morphosyntax of politeness markers in TK with respect to embeddability. Despite previous claims about unembeddability of such markers [Portner et al. 2019], TK politeness markers are possible in embedded clauses. I have suggested that the possibility of *cP*, the encoder of speaker-addressee relations, in embedded clauses is a point of cross-linguistic variation. The suggestion has been linked to the availability of indexical shift, argued to be related to *cP* by [Spadine 2020].

Abbreviations

1 — first person; 2 — second person; ACC — accusative case; COMP — complementizer; DAT — dative case; GEN — genitive case; IMP — imperative; IMPOL — impoliteness marker; IPFV — imperfect; JUSS — jussive; NEG — negation; PF — perfect; PL — plural; POL — politeness marker; PST — past tense.

References

- Alok, Baker 2022 — D. Alok, M. Baker. Person and honorification: Features and interactions in Magahi. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2022. Vol. 7. № 1. P. 1–35.
- McFadden, Sundaresan 2022 — T. McFadden, S. Sundaresan. On the grammar of allocutivity and indexical shift. Ms., ZAS & Göttingen University. URL: ling.auf.net/lingbuzz/006605
- Portner et al. 2019 — P. Portner, M. Pak, R. Zanuttini. The speaker-addressee relation at the syntax-semantics interface. *Language*. 2019. Vol. 95. № 1. P. 1–36.
- Spadine 2020 — C. Spadine. The structure of attitude reports: representing context in grammar. Doctoral dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 2020.

*Daniar Kasenov***, Daria Paramonova***
HSE University, Moscow — MSU, Moscow***

INFERENTIAL EVIDENTIALS AND CONJECTURAL QUESTIONS: SUPPORT FROM TEREK KUMYK

Intro: Inferential evidentials (IE) are expressions that mark the contents of the speaker's assertion as a result of the speaker's reasoning based on their current epistemic state [Speas 2008]. IEs fall into two groups wrt. their behavior in questions [San Roque et al. 2017; Bhadra 2020]. Some IEs undergo interrogative flip: the resulting question presupposes that the answer to the question is a result of the addressee's reasoning. However, other IEs do not undergo interrogative flip. For example, inferential evidentials in Gitksan (Tsimshianic) form conjectural questions: questions whose pragmatic conditions include the speaker expecting that both them and the addressee would not know the answer for the question.

- (1) *na=ima 'an-t stil-(t)=s John=a*
who=INFER S.REL-3 accompany-3=PND John=INTERROG
'I wonder who went with John.' [Gitksan, Littell et al. 2010:
ex.17a]

Aims of this work: In this talk, we aim to show that the Terek Kumyk (TK; < Kipchak < Turkic) IE =*mken* forms conjectural questions in interrogative sentences. We also raise some methodological issues for elicitation of intricate pragmatic phenomena.

IE in TK: Example (2) shows that the TK particle =*mken* marks inferential evidentiality since =*mken* is incompatible with contexts of direct evidence and with reportative contexts.

- (2) *Alim=de Kerim=ne uruš-ban-lar=mken*
A.=ADD K.=ADD fight-PFCT-PL=INFER
'Alim and Kerim seem to have fought each other.'

{The speaker sees that Alim and Kerim avoid each other, sees bruises and other evidence of them fighting — OK
The speaker saw/heard Alim and Kerim fight — #
The speaker was told that Alim and Kerim fought — #}

Conjectural questions in TK: Ex. (3) shows that the TK particle =*mken* is infelicitous in contexts where the addressee is expected to know the answer (i.e., the grocery store worker). Ex. (4) shows that regular TK questions are infelicitous in contexts where the addressee cannot answer (it is a baby or not a human) and that in such contexts =*mken* is felicitous. Ex. (5) shows that =*mken* is infelicitous in contexts where the speaker knows the answer. We follow [Littell et al. 2010] in translating conjectural questions with *I wonder*.

- (3) *Süt-nü baxa-si nečik=mken?*
milk-GEN price-3SG which=INFER
'How much for the milk, I wonder?' (to a friend — OK; to the shopkeeper — #)
- (4) *Siz qajda get-di-giz=mken?*
2PL where go-PST-2PL=INFER
'Where did you go, I wonder?' (to a person — OK with or without *mken*; to lost glasses — OK, but # without *mken*)
- (5) *Adam-ni neča hromosomi bar=mke?*
man-GEN how_many chromosome be=INFER
'How many chromosomes do people have, I wonder?' (# if the speaker is a biology teacher, OK if the speaker is a student)

We also note that setting the verbal context directly to a situation of the addressee not knowing the answer results in inconsistent judgements, suggesting that such phenomena delineate the limits of the verbal context methodology for semantic fieldwork [Bochnak, Matthewson 2015].

- (6) *Context:* the teacher is talking to a bad student who is never ready for the class assuming that he does not know the answer to the question.
— *Kit baliq=mke?*
whale fish=INFER
'Is whale a fish, I wonder?'

- *Bil-mi-men.*
 know-NEG-1SG
 ‘I don’t know.’

(7) *Context:* the speaker is talking to a friend who has just got back to the village and does not know anything about events happening here, which the speaker is aware of.

- #*Alim Kerim bulan jaraš-di-lar=mke?*
 Alim Kerim together reconcile-PST-3PL=INFER
 ‘Have Alim and Kerim reconciled with each other, I wonder?’
- *Bil-mi-men.*
 know-NEG-1SG
 ‘I don’t know.’

Conclusion: The data of Terek Kumyk extend the typology of interaction between inferential evidentiality and interrogative clauses by providing another example of an inferential evidential which forms a conjectural question. We note that such intricate phenomena show the limitations of the verbal context methodology for semantic fieldwork.

Abbreviations

1 — 1st person; 2 — 2nd person; 3 — 3rd person; ADD — additive; GEN — genitive; INFER — inferential evidential; INTERROG — interrogative particle; NEG — negation; PFCT — perfect aspect; PL — plural; PND — post-nominal demonstrative; PST — past tense; SG — singular; S.REL — subject relativizer.

References

- Bhadra 2020 — D. Bhadra. The semantics of evidentials in questions. *Journal of Semantics*. 2020. Vol. 37. № 3. P. 367–423.
- Bochnak, Matthewson 2015 — M. R. Bochnak, L. Matthewson (eds.). *Methodologies in semantic fieldwork*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Eckardt 2020 — R. Eckardt. Conjectural questions: The case of German verb-final *wohl* questions. *Semantics and Pragmatics*. 2020. Vol. 13. 9. P. 1–54.
- Littell et al. 2010 — P. Littell, L. Matthewson, T. Peterson. On the semantics of conjectural questions. *Evidence from evidentials*. 2010. Vol. 28. P. 89–104.

San Roque et al. 2017 — L. San Roque, S. Floyd, E. Norcliffe. Evidentiality and interrogativity. *Lingua*. 2017. Vol. 186. P. 120–143.

Speas 2008 — P. Speas. On the syntax and semantics of evidentials. *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 2. № 5. P. 940–965.

Maria Kosheleva

HSE University, Moscow

THE KILDIN SAAMI PRESENT PERFECT AS A JACK OF ALL TRADES

This study is concerned with the Kildin Saami (< Uralic, Kola Peninsula) analytical verb form traditionally referred to as the (Present) Perfect (1). All the data were gathered by elicitation (translation and judgement tasks) in the village Lovozero (Murmansk Oblast, Russia) in 2022–2023. I also draw upon oral texts recorded by Kert [Kert 1961] to reaffirm my conclusions based on the elicited examples.

The Perfect is mentioned in most grammars of Kildin Saami. However, in most cases, the description of the verb form boils down to its morphology with minimal information on its meaning. Moreover, researchers drastically disagree on its alleged nature. For instance, Kert describes the Perfect as a past perfective form [Kert 1971: 197–198] whereas Rießler [Rießler 2022] views it as being at an earlier stage of grammaticalization from resultative, in the sense of [Nedjalkov 1988], to perfect.

The aim of the present study is to describe the diverse behaviour of the Kildin Saami Perfect verb form in a typological perspective and to propose a preliminary analysis. My research is primarily based on the cross-linguistic study by Bertrand and colleagues who compare a range of forms (22 forms in 15 languages from 8 families) that have at least one of the properties of the English Present Perfect, and arrive at a preliminary typology [Bertrand et al. 2022]. I also take into account the Perfect Tense Questionnaire developed by Dahl [Dahl 2000]. Additionally, I compare the conditions of use of the Kildin Saami Perfect with those of the Preterite, since the differences between them have not been previously investigated.

I will show that the meaning of the Perfect depends *inter alia* on the actional class of the verb and the person of the subject (2)–(5).

I will show that the Perfect construction encompasses several distinctive meanings: pure resultative, experiential perfect, past perfective and (inferentive) evidentiality (1), (3). Basically, it encompasses all the meanings (to a certain extent) found on the path of grammaticalization from resultatives to past perfectives and evidentiality. However, the Kildin Saami Perfect is quite unusual in combining both past perfective and evidential readings which are usually deemed to be mutually exclusive, and thus challenges the existent typology of the perfect “category”.

Additionally, I will show that in Kildin Saami, the Perfect and the Preterite contrast as inferentive vs neutral.

Examples

- (1) *molda* *al'l'a* *n'i-kas't* *naverna*
 woman.NOM.SG NEG.NPST.3SG.be NEG-where maybe
ujjt-ma *l'ii* *kuehcm-et'* *soagg-e*
 leave-PTCP.PST be.NPST.3SG coniferous.branch-ACC.PL catch-INF
 ‘The young married woman is nowhere [to be found], maybe [she] has gone to collect coniferous branches.’ [Kert 1961: 88]

- (2) *mun* *l'aa* *ujjn-ma* *soon*
 1SG.NOM be.NPST.1SG see-PTCP.PST 3SG.ACC
tennvuejke munn soon t'eed-a
 so 1SG.NOM 3SG.ACC know-NPST.1SG
 {Do you know my sister?} ‘I have met her, so I know her.’ (<S, S>)

- (3) #*mun* *l'aa* *koavvn-ma* *t'iijk-et'*
 1SG.NOM be.NPST.1SG find-PTCP.PST money-ACC.PL
 {Have you ever found money?} Intended: ‘[Yes,] I have found money.’ (<ES, ->)
 Received: ‘[It turns out] I have found money!’

- (4) *sonn* *l'ii* *ujjn-ma* *toon*
 3SG.NOM be.NPST.3SG see-PTCP.PST 2SG.GEN
vuer'r'pen' tennvuejke sonn soon t'eedd
 sister.ACC.SG so 3SG.NOM 3SG.ACC know.NPST.3SG
 {Does he know my sister?} ‘He has met your sister, so he knows her.’ (<S, S>)

- (5) *sonn l'ii koavvn-ma t'iijnk-et'*
3SG.NOM be.NPST.3SG find-PTCP.PST money-ACC.PL
{Has your brother ever found money?} '[Yes,] he has found
money.' (<ES, ->)

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ACC — accusative; GEN — genitive; INF — infinitive; NEG — negative; NOM — nominative; NPST — nonpast; PL — plural; PST — past; PTCP — participle; SG — singular.

References

- Bertrand et al 2022 — A. Bertrand, Y. Aonuki, S. Chen, H. Davis, J. Gambarage, L. Griffin, M. Huijsmans, L. Matthewson, D. Reisinger, H. Rullmann, R. Salles, M. D. Schwan, N. Todorovic, B. Trotter, J. Vander Klok. Nobody's Perfect // *Languages*. 2022. Vol. 7. № 2. 148. doi: <https://doi.org/10.3390/languages7020148>
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin/ New York: De Gruyter Mouton, 2000.
- Kert 1961 — G. M. Kert. *Obrazy saamskoj reči. Materialy po jazyku i fol'kloru saamov Kol'skogo poluostrova (kil'dinskij i jokan'gskij dialekty)* [Samples of the Saami language: Materials on the language and folklore of the Saami people of the Kola Peninsula (Kildin and Ter dialects)]. Moscow: Nauka, 1961.
- Kert 1971 — G. M. Kert. *Saamskij jazyk (kil'dinskij dialekt): fonetika, morfologija, sintaksis* [Saami language (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax]. Leningrad: Nauka, 1971.
- Nedjalkov, Jaxontov 1988 — V. P. Nedjalkov, S. J. Jaxontov. *The Typology of Resultative Constructions* // V. P. Nedjalkov (ed.). *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 3–62.
- Rießler 2022 — M. Rießler. *Kildin Saami* // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 219–239.

Natalia Logvinova

ILS RAS, Saint Petersburg — HSE University, Moscow

TOWARDS A FUNCTIONAL QUANTITATIVE ACCOUNT OF CONCORD VARIATION IN RUSSIAN CLOSE APPOSITIONAL CONSTRUCTIONS

1. Introduction. In Russian, there is a well-known variation of case concord in appositional constructions. More specifically, the proper name can either be put in the same case as the preceding common noun (1a), or keep the default Nominative form (1b):

(1) a. *Na ostrov-e Krit-e chtili peshcher-u* <...>
on island-LOC Crete-LOC honour.PST.PL cave-ACC
'(they) honoured a cave on the island of Crete.' [RNC]

b. <...> *razorila moguchee tsarstvo*
ruin.PST.F mighty.N kingdom(N)
na ostrov-e Krit-Ø
on island-LOC Crete-Ø
'(it) ruined the mighty kingdom on the island of Crete.' [RNC]

This study investigates functional factors influencing the concord pattern in appositional constructions in Russian. This issue was previously addressed in several works [Rozental 1989; Golub 2010], however, has never been explored on the big data sample.

2. Hypothesis. The hypothesis put forward in this study is that concord in constructions like (1) is conditioned by two groups of factors.

The first group includes the factors that distinguish “concord-prone” and “concord-resistant” proper names. Concord-prone proper names are easy to decline. The conceivable correlates of this parameter are 1) familiarity to the speaker (with frequency taken as its approximation), 2) adjectival character of the stem (since adjectives invariably concord with their head nouns in Russian) and 3) one-

wordness. “Concord-resistant” proper names, on the contrary, are nominal, multiword and unfamiliar to the speaker (i.e., infrequent).

Factors of the second group are related to the properties of the construction itself, including the type of the common noun and feature congruence. As for the latter, following [Matushansky 2012], I argue that the probability of concord increases if the common noun and the proper name have the same values of grammatical number and gender.

In addition, several other factors were considered as potentially significant, including diachronic change, the goal case of concord, and text style.

3. Data. The data for this study were collected from the Russian National Corpus and manually annotated. The final dataset is based on Russian texts from 18th up to 21st centuries and consists of 15 641 examples.

4. Results. A logistic regression model was used to determine the statistical significance of the estimated factors with the results as explained below:

- Construction parameters:
 - As can be seen in Figure 1, appositional constructions significantly differ in concord preferences depending on the common noun in the construction. The strongest bias for concord is revealed by nouns in the far right of the graph (*gorod* ‘city’), while concord resistance is characteristic of nouns in the left part (*planeta* ‘planet’).
 - Both gender and number congruence increase the probability of concord.
- Proper name characteristics:
 - High frequency, adjectival character of the stem and one-wordness increase the probability of concord in contrast to low frequency, nominal type of the stem and multiwordness.
- The parameter of diachronic change was highly statistically significant. Concord was much more common in appositions found in earlier texts than in modern texts, as is shown in Figure 2.
- Goal case of concord and text style have proved to be insignificant.

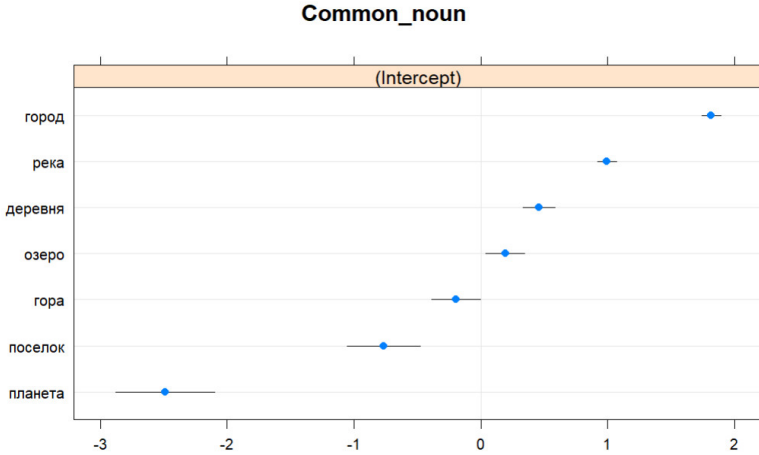

Figure 1. Effect of the common noun on the probability of concord

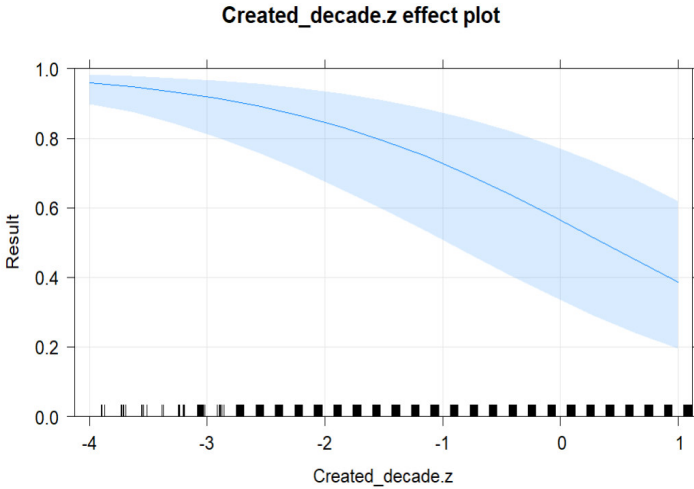

Figure 2. Effect of Decade of creation on the prediction of concord

5. Conclusions. The results obtained in this study show that Russian appositional constructions represent a very specific type of the syntactic phrase where the grammatical coding is not strictly regulated and is governed by the speaker's convenience. That is, the concord as

a potentially effort-demanding option is essentially observed in conditions where the proper name is easy to decline, and the required declination paradigm is like that of the preceding common noun.

Abbreviations

ACC — accusative; F — feminine gender; LOC — locative, N — neuter gender; PL — plural number; PST — past tense.

Sources

RNC — The Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

References

- Golub 2016 — I. B. Golub. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moskva: Ajris-press, 2016.
- Matushansky 2012 — O. Matushansky. The case of close apposition. Talk at the symposium “(Ap)positive thinking in linguistics”, Groningen, January 20, 2012.
- Rozental 1989 — D. E. Rozental. *Spravočnik. Pravopisanie i literaturnaja pravka* [Handbook of spelling and literary editing]. Moscow: Kniga, 1989.

Yury Makarov

*IL RAS, Moscow — RLI RAS, Moscow —
University of Cambridge, Cambridge — HSE University, Moscow*

**VOWEL LOWERING IN FINAL POSITION
AND PHONOLOGICAL STRENGTH:
EVIDENCE FOR THE SONORITY-BASED APPROACH**

There is no common opinion on the phonetic basis for phonological strength. Articulatory aperture, when chosen as a candidate, successfully deals with most changes in manner of articulation (the wider the weaker) but fails to account for other processes such as final devoicing. On the other hand, the sonority-based account of strength faces all the issues related to the concept of sonority, lacking a unitary definition itself. Locating a sound on the sonority scale is not a straightforward task. For example, are voiced counterparts of plosives more sonorous than voiceless ones? While it is clear that periodic vibrations add to the intensity of a sound, voiceless plosives are known to have a more intensive burst. Further, will voiceless aspirated plosives, which have more acoustic energy because of the turbulent noise following the release, be more sonorous than voiced unaspirated ones?

Highlighting the challenges of such kind, Harris [2009] proposes a modulated-carrier model of strength, suggesting that strength is defined in terms of modulation size, i.e., a stronger segment diverges more from the ideal *carrier signal* ('the schwa-like sound that is produced by a neutrally open vocal tract'). From this perspective, intervocalic voicing is weakening since it introduces periodicity, typical of the unmodulated carrier, and thus diminishes the modulation size. At the same time, Harris acknowledges the role of position in defining 'the natural or unmarked state' [ibid.: 33]. For post-vocalic word-final stops, he proposes that modulation magnitude be calculated with voicelessness taken as 'the natural or unmarked state.' Final devoicing is therefore not strengthening (as commonly believed) but weakening since it brings a plosive to its 'natural' state.

While the majority of the strength-related phenomena discussed in the literature seem to be concerned with consonants, I believe that defining phonological strength requires evidence from vocalic processes as well. Following are some examples of vowel lowering in final position, which are later analyzed as evidence in favour of the sonority-based approach to phonological strength.

- (1) **American English** (after [Flemming, Johnson 2007]; Germanic < IE)

<i>Rosa</i>	/ˈroʊzə/	[ˈroʊzɐ]
but <i>Rosa's</i>	/ˈroʊzəz/	[ˈroʊzɛz]
<i>vodka</i>	/ˈvɒdkə/	[ˈvɒdkɐ]
but <i>vodkas</i>	/ˈvɒdkəz/	[ˈvɒdkɛz]

- (2) **Standard Russian** (after [Knyazev, Pozharitskaja 2012: 72]; Slavic < IE)

<i>коротковато</i>	/korʲotʲkoˈvʲatʲo/	[kəɾʲotʲkaˈvʲatʲa]	‘slightly short’
but <i>коротковато</i>	<u>было</u>	[ə bʲ]	‘it was slightly short’

- (3) **20th century¹ Shughni** (after [Sokolova 1953: 92–94]; Iranian < IE)

/qɔˈzi/	[qɔˈzɛ]	‘judge’
but /qɔziˈjɛn/	[qɔziˈjɛn]	‘judges’

- (4) **Iron Ossetic** (cf. [Sokolova 1953: 16]; Iranian < IE)

<i>pæmmæ</i>	/rɛtːɜ/	[ˈrɛtːɐ]	‘places’
<i>mækkæ</i>	/tɜkːɜ/	[ˈtɜkːɐ]	‘now’

In (1–4), some vowel is realized by a more open allophone in word-final position before a pause, compared to medial position or underlying representation. Searching for similar patterns in PBase (Mielke, n.d.) revealed instances of final vowel lowering in Selepet (Finisterre–Huon), Armenian (IE), Dahalo, Dhaasanac (Cushitic), Macuxi (Cariban), Ecuadorian Quichua (Quechuan), Misantla Totonac (Totonacan), Haitian Creole, Waffa (Kainantu–Goroka), Asmat (Flamingo Bay dialect; Asmat–Awyu–Ok), Kisar (Malayo–Polynesian), Central Yupik (Eskimo–Aleut). Notable is the fact that the opposite

¹ In modern Shughni, no word-final /ɪ/ is possible; it has completely lowered to /ɛ/: /qɔzɛˈjɛn/ ‘judges’.

pattern (final raising), while existing², is significantly less observed, according to this database.

Which approach to phonological strength yields a more unitary analysis of these data? Both of the traditional models, based on sonority and mouth opening degree, regard final lowering as strengthening. It draws a parallel with final devoicing and therefore captures the affinity between final position and strengthening processes.³ For the modulated-carrier model, it seems rather challenging to do so and account for vocalic processes in general. As far as I know, it is usually employed for the analysis of consonantal processes and the way modulation size should be calculated when it comes to vowels is yet to be identified. Since the ideal carrier signal is schwa-like, one might expect that the magnitude of modulation in vowels is the difference between the pronounced vowel's formant frequencies and those of the schwa. Further details are unclear, though. What number of formants are to be compared and what contribution each of them makes towards the resulting outcome?

In his paper, John Harris raises the question, '...Is there evidence, independent of devoicing, that final position promotes segmental strengthening?' [Harris 2009: 19]. While originally concerning consonants, the notion of phonological strength should be extended to include vowels if it is supposed to be universal. As shown above, final vowels are significantly more often lowered than raised; provided that sonority correlates with articulatory aperture, it is another instance of final strengthening. Whereas this fact readily conforms to the traditional models of phonological strength, it challenges the modulated-carrier approach, the latter suggesting that weakening (as in final devoicing) is typical of final position.

² For example, final vowels in words like *city*, *happy*, *money* used to be pronounced with [ɪ] in Received Pronunciation; in its modern successor, Standard Southern British pronunciation, they are realized as [i(j)] [Lindsey 2019: 31–33].

³ Yet another piece of evidence in support of the sonority-based account comes from final vowel lengthening, which also notably exceeds the opposite pattern in PBase. Although duration is not a typical correlate of sonority, it is clear that the longer the sound, the more acoustic energy gets released.

References

- Flemming, Johnson 2007 — E. Flemming, S. Johnson. Rosa's roses: Reduced vowels in American English // *Journal of the International Phonetic Association*. 2007. Vol. 37. № 1. P. 83–96. doi: <https://doi.org/10.1017/S0025100306002817>
- Harris 2009 — J. Harris. Why final obstruent devoicing is weakening // K. Nasukawa, P. Backley (eds.). *Strength Relations in Phonology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 9–46. <https://doi.org/10.1515/9783110218596.1.9>
- Knyazev, Pozharitskaja 2012 — S. V. Knyazev, S. K. Pozharitskaja. *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk [Modern Standard Russian]*. M.: Akademicheskij prospekt, 2012.
- Lindsey 2019 — G. Lindsey. *English After RP: Standard British Pronunciation Today*. Cham: Springer, 2019. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04357-5>
- Mielke, n.d. — J. Mielke. Pbase: A database of phonological patterns [dataset]. URL: <https://pbase.phon.chass.ncsu.edu/>
- Sokolova 1953 — V. S. Sokolova. *Očerki po fonetike iranskikh jazykov [Notes on the phonetics of Iranian languages]*. M., L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953.

Vsevolod Masliukov

MSU, Moscow

**NOT YOUR TYPICAL PROGRESSIVE:
SEMANTICS OF THE FOREST NENETS SUFFIX *-(M)P'O-***

Underived verbs in Samoyedic languages have been shown to belong to either perfective or imperfective class¹. Perfective verbs in the Aorist receive a telic interpretation with past temporal reference, while imperfective verbs get a progressive reading. The verb's class membership can be changed by various derivational markers, which remain quite understudied, especially in Forest Nenets (further FN). My study is focused on one particular suffix *-(m)p'o-*², which, along with its Tundra Nenets counterpart, is usually glossed DUR (from *durative*) [Nikolaeva 2014; Koshkareva 2005].

The durative differs from the progressive crucially in its ability to combine with States³ [Plungian 2011], which *-(m)p'o-*, in fact, cannot do:

- (1) *P'et'a Mas'a-ŋ kæwxana-nta nu-ŋa/*p'i*⁴.
P. M.-GEN near-POSS.3SG stand-GFS/MP'O[3SG]
'Petja is standing beside Masha.'

-(m)p'o- does not behave as a typical progressive either. For one, it is systematically infelicitous in combination with Activity verbs. They receive an atelic interpretation by default:

- (2) *n'es'a-j ŋalka wel-xana munuʔ-ŋa/*p'i*
father-POSS.1SG big boss-LOC talk-GFS/MP'O[3SG]
'Father is conversing with the boss.'

¹ Terminology adopted from [Nikolaeva 2014], *inter alia*.

² All data for this study were elicited during a field trip to Kharampur and Tarko-Sale in summer, 2023.

³ Here, I adopt the actional classification from [Vendler 1957] with the addition of Degree achievements, e.g. [Rothstein 2008].

⁴ *-(m)p'o-* has a number of phonologically conditioned allomorphs.

Furthermore, if the detransitivizing suffix is attached to a telic transitive verb, shifting it to the intransitive Activity verb, $-(m)p'o-$ can no longer be attached:

- (3) a. *Mas'a pataλ tonλa-(ηa/p'i).*
 M. book.ACC read-GFS/MP'O/[3SG]
 'Masha (has read / is reading) a book.'
- b. *Mas'a (*pataλ tonλa-ku-(*mp'i).*
 M. book.ACC read-DETR-MP'O[3SG]
 'Masha is reading.'

$-(m)p'o-$'s function cannot be traced to the Viewpoint aspect of [Klein 1994] either. Verbs with $-(m)p'o-$ are compatible with both imperfective (3a) and perfective aspectual viewpoint (4):

- (4) *Sas'a čej pæms'ams' kiči-ta*
 S. yesterday evening dish-ACC.POSS.3SG
mas-p'o-s'.
 wash-MP'O-PST[3SG]
 'Sasha was washing the dishes all evening yesterday.'

I argue that $-(m)p'o-$ is best analyzed as an actional modifier with detelicizing semantics, given its limited distribution and sensitivity to the inherent actional properties of verbal roots. The only verbs that combine with $-(m)p'o-$ are Accomplishments (5a) and Degree Achievements (5b):

- (5) a. *četa n'il'i-j tij-ta*
 now grandfather-POSS.1SG reindeer-ACC.POSS.NSG.3SG
n'utl'e-#(p'i).
 harness-MP'O[3SG]
 'Grandfather is harnessing the reindeer right now.'
- b. *d'eta-j d'anapomna w'i^h-kat pan-#(p'i).*
 bucket-POSS.1SG slowly water-ABL fill-MP'O[3SG]
 'The bucket is slowly filling up with water.'

What unifies these two verb classes is durativity and the Theme argument, which can be associated with a measurement scale relativized to some property P (e.g. the volume of water in the bucket in (5b))

[Filip 2008; Beavers 2013]. I propose that *-(m)p'o-* can be attached only when such a scale is present. The scale allows the set of event descriptions to be partially ordered, and the semantic input of *-(m)p'o-* is picking out only *non-maximal* events from that set.

In my talk I will present the analysis in greater detail and discuss *-(m)p'o-*'s interactions with other aspectual suffixes in FN. I will also compare the FN system for encoding telicity/atelicity with that of Russian and Hungarian [Kardos, Farkas 2022] and show that at least a tripartite typology can be established; languages may systematically mark telicity (Hungarian), atelicity (FN), or both (Russian). On that grounds, both telic and atelic interpretations can be argued to arise compositionally, with neither being the default.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABL — ablative; ACC — accusative; DAT — dative; DETR — detransitive; FUT — future tense; GFS — General Finite Stem [Burkova 2022]; LOC — locative; MP'O — *-(m)p'o-* suffix; NSG — non-singular possessum; PL — plural; POSS — possessive; PRT — particle; REFL — reflexive conjugation; SFS — special finite stem; SG — singular.

References

- Beavers 2013 — J. Beavers. Aspectual classes and scales of change // *Linguistics*. 2013. Vol. 51. № 4. P. 681–706.
- Burkova 2022 — S. Burkova. *Nenets* // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford University Press, 2022. P. 674–708.
- Filip 2008 — H. Filip. Events and maximalization // S. Rothstein (ed.). *Theoretical and crosslinguistic approaches to the semantics of aspect*. [Linguistik Aktuell/Linguistics Today 110]. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 217–256.
- Kardos, Farkas 2022 — É. Kardos, I. Farkas. The syntax of inner aspect in Hungarian // *Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 58. № 4. P. 807–845.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in language*. London: Routledge, 2013.
- Koshkareva 2005 — N. B. Koshkareva. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta nenetskogo yazyka* [Essays on syntax of the Forest dialect of Nenets]. Novosibirsk: SB RAS Institute of Philology, 2005.

- Nikolaeva 2014 — I. Nikolaeva. A grammar of Tundra Nenets [Mouton Grammar Library. Vol. 65]. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Plungian 2011 — V. A. Plungian. Vvedenie v grammaticheskiju semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of Languages in the World]. Moscow: RSUH, 2011.
- Rothstein 2008 — S. Rothstein. Structuring events: A study in the semantics of lexical aspect. Oxford: Blackwell, John Wiley & Sons, 2008.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times // *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66. № 2. P. 143–160.

Daria Saporova

ILS RAS, Saint Petersburg

NON-VERBAL PREDICATION IN THE LANGUAGES OF MAINLAND SOUTHEAST ASIA

This talk is dedicated to certain issues of non-verbal predication (hereafter: NVP) in the languages of mainland Southeast Asia (hereafter: MSEA).

In recent years, numerous works have been published on contact phenomena in this area, see [Sidwell, Jenny (eds.) 2021; Enfield, Comrie (eds.) 2015], among others. Additionally, Chappell and Lü [Chappell, Lü 2022] and Saporova [Saporova 2021] directly explore NVP in this linguistic area.

MSEA can be defined as an area consisting of present-day Vietnam, Myanmar, Thailand, Cambodia, Laos and (peninsular) Malaysia, while the greater MSEA region also includes southern China and Northeastern India [Enfield, Comrie (eds.) 2015]. Five language families are found in this area: Austroasiatic (AA), Tai-Kadai (KD), Tibeto-Burman (TB), Hmong-Mien (HM), and Austronesian (AN).

This work targets 45 languages and their means of expressing various NVPs. The primary sources of data for most languages were grammars and grammar sketches, while for Khmer, I also incorporated field data collected by me. Figure 1 illustrates the languages that were the focus of this study.

In the case of MSEA, it is crucial to highlight the distinction between equative, locative, and existential predications. This necessity arises from the fact that the majority of these languages employ different copulas for each of these types of predication, as illustrated by Khmer examples below:

(1) KHMER (Khmeric, Mon-Khmer)

a. *cruuk niv kraom pteah*
pig locate under house

‘The pig is under the house.’ [Haiman 2011: 212]

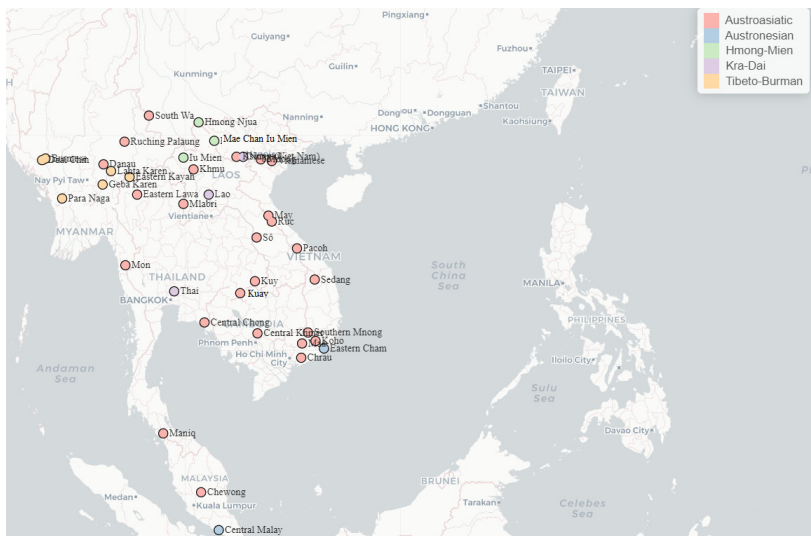

Figure 1. Map of the languages

- b. *mien* *koon buən neak khonj bantuk knom*
 EXIST child four HUM.CLS in duty I
 ‘There are four children in my care.’ [Sealang Bitext]
- c. *klaa cie sat chaot*
 tiger COP animal stupid
 ‘The tiger is a stupid animal.’ [Sealang Bitext]

In this study, I have investigated these three types of predication and found out that MSEA languages can be divided into five types based on how they contrast different types of predications, see Figure 2.

In the talk, each of these types of predication will be examined in more detail.

Also, the languages within the sample can be categorized into four distinct classes based on their strategy for negative equative sentences:

1. languages that use the “standard negation” strategy
2. languages that use a special negative copula
3. languages exploiting the nominal negator
4. languages that use the DNA (Direct Negation Avoidance) strategy, see [Eriksen 2011]

(2) VIETNAMESE (Vietic, Austroasiatic)

tôi không phải là ngu'ời Na₁ Uy₂

1SG NEG true be person Norway_{1,2}

'I'm not a Norwegian'. [Eriksen 2011: 280]

In the talk, I will delve into how languages express negation in existential sentences, as well as how systems of contrast interact both in affirmative and negative sentences.

Abbreviations

1 — first person singular pronoun; COP — copula; EXIST — existential verb; HUM.CLS — classifier for humans; NEG — negation marker; SG — singular.

Sources

Sealang Bitext — SEALang Library Khmer Bitext Corpus. URL: <https://www.jseals.org/khmer/bitext.htm>

References

- Chappell, Lü 2022 — H. Chappell, S. Lü. A semantic typology of location, existence, possession and copular verbs: areal patterns of polysemy in Mainland East and Southeast Asia // *Linguistics*. 2022. Vol. 60. №. 1. P. 1–82.
- Enfield, Comrie (eds.) 2015 — N. J. Enfield, B. Comrie (eds.). *Languages of Mainland Southeast Asia: The state of the art*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015.
- Eriksen 2011 — P. K. Eriksen. 'To not be' or not 'to not be': The typology of negation of non-verbal predicates // *Studies in Language*. 2011. Vol. 35. № 2. P. 275–310.
- Haiman 2011 — J. Haiman. *Cambodian: Khmer*. Vol. 16. John Benjamins Publishing, 2011.
- Saparova 2021 — D. Saparova. *Non-verbal predication in Austroasiatic languages*. Master's thesis. Saint Petersburg: HSE, 2021.
- Sidwell, Jenny (eds.) 2021 — P. Sidwell, M. Jenny (eds.). *The Languages and Linguistics of Mainland Southeast Asia: A Comprehensive Guide*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2021.

Alexander Sergienko

Université Paris Cité, Paris

**PREFIXES AND SUFFIXES IN NANOSYNTAX:
A CHALLENGE FROM SHUGHNI DEMONSTRATIVES**

Introduction

Nanosyntax presents a novel perspective on prefix-suffix distinction. As explored in [Starke 2018; Taraldsen 2018], prefixes are built by Merge-XP operation, meanwhile suffixes are built by Merge-f. A standard assumption of this framework [Starke 2018: 245] is that Merge-XP is an “ultimate last resort operation”, that applies in the very end of the spell-out cycle. When tested against Shughni data, this assumption results in incorrect predictions.

Data

The data under discussion is three paradigms of Shughni¹ deictics. There are three deictics in Shughni: close deictic, middle deictic and far deictic. For an overview of their contexts see [Badeev 2022].

Table 1. Close deictic in Shughni

	masc	fem	pl
nom	<i>ya-m</i>	<i>ya-m</i>	<i>m-āδ</i>
obl	<i>m-i</i>	<i>m-am</i>	<i>m-ev</i>

Table 2. Middle deictic in Shughni

	masc	fem	pl
nom	<i>yi-d</i>	<i>yi-d</i>	<i>d-āδ</i>
obl	<i>d-i</i>	<i>d-am</i>	<i>d-ev</i>

¹ Pamiri < Iranian.

Table 3. Far deictic in Shughni

	masc	fem	pl
nom	<i>yu</i> ²	<i>yā</i>	<i>w-āδ</i>
obl	<i>w-i</i>	<i>w-am</i>	<i>w-ev</i>

The most important fact for the present study is the presence of nominative singular prefix *yV*³-, as opposed to suffixes found in other contexts (*-i* for oblique masculine singular, *-āδ* for plural nominative and so on).

Analysis

Adopting the approach to case heads outlined in [Caha 2009] and the approach to phrasal spell-out [Baunaz et al. (eds.) 2018], we get the following lexical entries for the morphemes in the Tables 1–3:

Table 4. Lexical entries of the masculine singular close deictic

	DemP	ClassP	Masc	#	Nom	Acc	Gen	Dat
Nom	m			ya-				
Acc	m			i				
Gen	m			i				
Dat	m			i				-rd

Table 5. Lexical entries of the feminine singular close deictic

	DemP	ClassP	Masc	Fem	#	Nom	Acc	Gen	Dat
Nom	m				ya-				
Acc	m			am					
Gen	m			am					
Dat	m			am					-ard

² Edelman [1990: 224] gives proto-forms for *yu* and *yā* as **yuw* and **yāw*. Therefore, it is possible to segment them as **yu-w* and **yā-w*, maintaining the prefixal structure.

³ More on this segmentation: [Makarov, Plungian 2023: 183].

Table 6. Lexical entries of the plural close deictic

	DemP	ClassP	Masc	Fem	#	Pl	Nom	Acc	Gen	Dat
Nom	m				āδ					
Acc	m				ev					
Gen	m				ev					
Dat	m				ev					-ard

The prefix *yV-* is unspecified for gender, thus, it spells out only Pl and # projections. On the contrary, the suffixes *-am* and *-i* have gender features, thus they spell out gender projections in addition to case and number. Another difference is in the shape of the suffixes and the prefix. The prefix is built via Merge-XP, meanwhile the suffixes are derived via several consecutive Merge-f operations. This can be illustrated by Figures 1–2:

Figure 1. L-tree for the prefix *yV-*

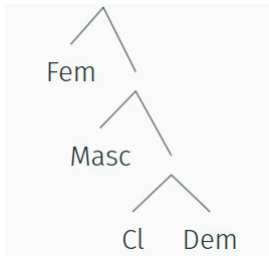

Figure 3. L-root

for the demonstrative root *-m-*

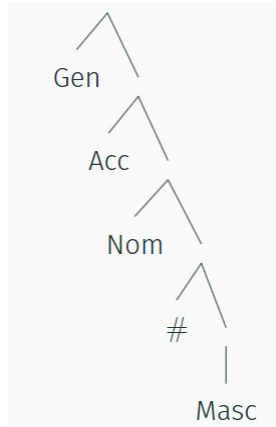

Figure 2. L-tree for the suffix *-i*

The problem

When one tries to derive the structures for the nominative singular deictic in Shughni using the lexical items shown above, an issue arises. Namely, the suffix “wins over” the prefix in the nominative case, yielding the incorrect form **mi*, while the actual form is *yam*.

This wrong prediction is not explained by flawed lexical entries or other minor mistakes, but rather by a conceptual issue of the framework.

In short, the derivation proceeds like this⁴: when # is merged to [Masc[Class[Dem]]], it cannot be spelled out directly nor undergo Spec-to-Spec, so the Comp-to-Spec is the next step. The resulting structure also cannot be spelled out, leading to backtracking to the previous spellout cycle. When Masc is added, instead of spelling it out with *m-*, we are forced to apply Comp-to-Spec, which forms [MascP[CIP[Cl Dem]MascP]Masc]. After that, # is added, resulting in Comp-to-Spec movement of CIP, and then Nom is added, which also results in Comp-to-Spec movement of CIP. The final structure is shown in Figure 4.

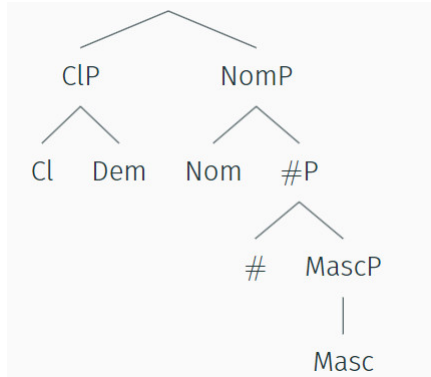

Figure 4. A “flawed” derivation for the singular nominative deictic

Thus, the derivation in Figure 4 gives way to the suffixal structure: the CIP[Cl Dem] matches a sub-tree of the demonstrative root *-m-*, meanwhile the right branch of the tree (NomP[...]) is a match for the suffix *-i* (shown in Figure 2). This wrongly predicts that the nominative singular form would be *mi*. The prefix *ya-*, on the other hand, is not a competitor for the spell-out.

⁴ The following algorithm is used [Baunaz et al. (eds.) 2018]:

- a. Merge F to XP and spell out;
- b. If (a) fails, move Spec,XP to Spec,FP and spell out;
- c. If (b) fails, move XP to Spec,FP and spell out;
- d. If (c) fails, move to the next option in the previous cycle (backtracking)

Discussion

The problem outlined above results from the prefix surfacing in a more “neutral” environment than the suffix: namely, in the nominative case as opposed to the oblique cases. As explored in [Caha 2009], the structure for oblique cases contains the nominative feature, so the derivation builds the nominative first, and then forms the structure for oblique cases on top of it.

A possible way to circumvent this problem is to abandon this idea of “matryoshka-like” case structures altogether. However, the alternative explored in my talk is to postulate that “left branch formation” (considered an “ultimate last resort operation”) applies before backtracking and not after.

References

- Baunaz et al. (eds.) 2018 — L. Baunaz, K. de Clercq, L. Haegeman, E. Lander (eds.). *Exploring Nanosyntax*. New York: Oxford University Press, 2018. doi:10.1093/oso/9780190876746.003.0001
- Badeev 2022 — A. O. Badeev. Variativnost' v upotreblenii ukazatel'nyh mes-toimenij v shughnanskom jazyke [Variability in the usage of demonstratives in Shughni]. *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series. 2022. Vol. 5. P. 23–47.
- Caha 2009 — P. Caha. *The nanosyntax of case*. PhD thesis. Tromsø: Universitetet i Tromsø, 2009.
- Edelman 1990 — J. I. Edelman. *Sravnitel'naja grammatika vostočnoiranskix jazykov. Morfologija. Èlementy sintaksisa* [Comparative grammar of Eastern Iranian languages. Morphology. Elements of syntax]. M.: Nauka, 1990.
- Makarov, Plungian 2023 — Y. Makarov, V. Plungian. K opisaniju shughnanskoj morfonologii: predvaritel'nye zamechanija [Towards the Description of Shughni Morphology] // L. M. Zaharov, I. M. Kobozeva, A. J. Kostjuk, N. D. Svetozarova, K. P. Semjonova (eds.). “Vperjod i vverh po lestnice zvuchashhej”. *Sbornik statej k 80-letiju Ol'gi Fjodorovny Krivnojovj*. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 178–193.
- Starke 2018 — M. Starke. *Complex Left Branches, Spellout, and Prefixes* // L. Baunaz, K. de Clercq, L. Haegeman, E. Lander (eds.). *Exploring*

Nanosyntax. New York: Oxford University Press, 2018. P. 239–249.
doi:10.1093/oso/9780190876746.003.0009

Taraldsen 2018 — K. T. Taraldsen. Spanning versus Constituent Lexicalization // L. Baunaz, K. de Clercq, L. Haegeman, E. Lander (eds.). Exploring Nanosyntax. New York: Oxford University Press, 2018. P. 88–108.
doi:10.1093/oso/9780190876746.003.0003

Alexandra Shikunova

HSE University, Moscow

LARYNGEAL CONTRAST IN L2 RUSSIAN OF FOREST NENETS SPEAKERS

There exist a lot of studies of laryngeal contrast in second language acquisition, which mainly focus on cases where both the native and the acquired language have this contrast at least in some positions (see [Broselow 2018] for a literature review).

Acquisition of laryngeal contrast abides by several linguistic universals that are known to describe laryngeal contrasts in general [Eckman 1977 et seq.]. First, the most marked position where voicing contrast can be found is the final position; if a language has contrastive voicing in final consonants, then the initial consonants will also have it. For instance, voicing contrast in final codas has been shown to be more difficult to master than in other positions for Korean speakers of English [Major, Faudree 1996]. Then, in positions with no laryngeal contrast, the least marked segment type wrt. voicing is expected — the unvoiced, which is why we find devoicing in positions where learners fail to acquire a voicing contrast [Simon 2010; Schwartz 2012].

I aim to present a novel piece of data from the production of Russian by speakers of Forest Nenets (FN) — a language with no voicing contrast whatsoever. In the literature on voicing contrast in L2, such cases are underrepresented.

My study is based on the acoustic analysis of sociolinguistic interviews with two FN consultants, both of whom have learned Russian in a boarding school. As already mentioned, voicing is not contrastive in FN consonants. In L2 Russian of FN speakers (FN Russian), the voicing contrast is neutralized: both voiced and unvoiced stops have positive VOTs which fall within the distribution found by Ringen and Kulikov for Russian voiceless stops [Ringen, Kulikov 2010]. Fricatives lack voicing as well. The only paired consonant that is not devoiced is /v/,

which FN speakers pronounce as [w] from the inventory of their native language. Russian /f/, as well as the devoiced /v/, is pronounced as [f].

The universal that postulates an implicational relationship between voicing contrast in final and non-final positions is not applicable here (Russian lacks this contrast word-finally) but the generalization about the segment type is. While the neutralization of the voicing contrast in favor of unvoiced consonants is expected, since they are the less marked option, the distribution of allophones of /v/ in FN Russian is more puzzling. Why do FN speakers get the voicing of /v/ correctly, even though /w/, just like every other consonant in FN, does not have a counterpart wrt. voicing?

I hypothesize that FN speakers associate the voiced occurrences of /v/ with the glide /w/ from their native language, which they cannot do with voiced stops, because their representations are underlyingly unvoiced. For the [f] allophone of /v/ in Russian, they have to master a new segment, which actually helps (see [Flege 1987] on dissimilarity between L1 and L2 affecting the accuracy of producing novel sounds).

Also, Russian /v/ can undergo devoicing (1) but does not trigger regressive voicing assimilation (2), which is characteristic of sonorants (3).

(1)	<i>korov</i> [f]	cow.GEN.PL
	<i>dorog</i> [k]	road.GEN.PL
(2)	<i>voroval</i> — <i>svoroval</i> [s]	‘he was stealing’ — ‘he stole’
	<i>delal</i> — <i>sdelal</i> [z]	‘he was doing’ — ‘he did’
(3)	<i>m'al</i> — <i>sm'al</i> [s]	‘he was crumpling’ — ‘he crumpled’

It therefore makes more sense for learners to relate /w/, a sonorant in FN, to /v/, a semi-sonorant in Russian. Stops, on the other hand, are represented as unvoiced in FN and can only be transferred to FN Russian without voicing.

This investigation is by no means conclusive: apart from a list of elicited examples, it could benefit from a perception study, which would test the main consequence of my hypothesis: the /v/-/f/ contrast in Russian is expected to be more recognizable to FN speakers than the voicing contrast in stops. Nevertheless, it provides a glimpse at the

data on the laryngeal contrast in FN Russian and a research proposal based on it.

The results of the project “Constituent structure and interpretation in the grammatical architecture of the languages of Russia”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2023, are presented in this work.

Abbreviations

GEN — genitive; PL — plural.

References

- Broselow 2018 — E. Broselow. Laryngeal contrasts in second language phonology // L. Hyman, F. Plank (eds.). *Phonological Typology*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2018. P. 312–340. doi: <https://doi.org/10.1515/9783110451931-009>
- Eckman 1977 — F. R. Eckman. Markedness and the contrastive analysis hypothesis // *Language learning*. 1977. Vol. 27. № 2. P. 315–330.
- Major, Faudree 1996 — R. C. Major, M. C. Faudree. Markedness universals and the acquisition of voicing contrasts by Korean speakers of English // *Studies in Second Language Acquisition*. 1996. Vol. 18. № 1. P. 69–90.
- Ringen, Kulikov 2010 — C. Ringen, V. Kulikov. Voice Onset Time in Russian. Presented at the 16th Annual Mid-Continental Workshop on Phonology. Chicago, IL. October 29–31, 2010.
- Schwartz 2012 — G. Schwartz. Initial glottalization and final devoicing in Polish English // *Research in Language*. 2012. Vol. 10. № 2. P. 159–171.
- Simon 2010 — E. Simon. Phonological transfer of voicing and devoicing rules: Evidence from L1 Dutch and L2 English conversational speech // *Language Sciences*. 2010. Vol. 32. № 1. P. 63–86.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д. А. Алексеев, В. О. Тютюнникова</i> (Москва) Есть ли в осетинском языке русские еры? К типологии «невидимых» гласных с осетинской перспективы.....	5
<i>А. П. Алексеева</i> (Москва) Связь парадигматической избыточности и переходности в рутульских провербных глаголах.....	9
<i>А. В. Алхазова, В. А. Борисова, А. И. Груздева, Е. П. Дорофеева, Р. Р. Насырова, Д. А. Парамонова</i> (Москва) Вокализм терского кумыкского: формантная картина	13
<i>А. О. Бадеев</i> (Москва) Что не так с родом в бартангском.....	17
<i>М. О. Бажуков</i> (Москва) Немаркированное прямое дополнение не обязано быть рядом с глаголом в якутском	21
<i>Л. А. Баркова</i> (Москва) Неопределенные местоимения в чукотском языке	25
<i>О. И. Беляев</i> (Москва) Целевые конструкции образа действия в джалганском татском	30
<i>К. Е. Берзина</i> (Москва) О действиях больших и малых: глагольные диминутивы в итальянском языке	34
<i>Г. Н. Бубнов</i> (Москва) Наносемантика: против линейной иерархии падежей	38

<i>Е. И. Будзинская</i> (Москва) Типы относительных придаточных в людиковском наречии карельского языка.....	43
<i>Д. А. Буров</i> (Москва) О неоформленных зависимых имени в казымском диалекте хантыйского языка.....	47
<i>А. А. Бызова</i> (Москва) Целевые подчинительные показатели <i>цæмæй</i> и <i>куыд</i> в осетинском языке: сфера употребления и особенности конструкций.....	51
<i>М.-Э. А. Винклер</i> (Москва) Числительные и количественные конструкции в татском языке в свете контактов с азербайджанским	55
<i>М. А. Волина</i> (Москва) Система демонстративов в собственно хваршинском	59
<i>А. А. Данилова</i> (Москва) Семантика и синтаксис частиц <i>ik</i> и <i>es'</i> в татышлинском удмуртском	63
<i>Е. П. Дорофеева</i> (Москва) Немного о контрастивных показателях <i>-ç</i> и <i>-msA</i> в терском диалекте кумыкского языка	67
<i>А. С. Евдокимова</i> (Москва) Он выбрал смерть: аналитические видо-временные формы собственно хваршинского языка.....	71
<i>К. В. Еремченко</i> (Москва) Асимметрия и хаос: глагольная множественность в хваршинском языке	75
<i>К. В. Ерохина</i> (Москва) Очень ветреный NEG: три степени доступности отрицания в аналитических конструкциях хваршинского языка.....	80
<i>А. А. Зиновьева</i> (Москва) Таксисные конструкции в людиковском наречии карельского языка.....	84

<i>А. Д. Иванова</i> (Москва) Немного о глагольной множественности: показатель <i>-lʔet</i> в амгуэмском чукотском	87
<i>Э. Х. Измайлова</i> (Москва) - <i>йедтæ</i> и ему подобные: грамматикализация маркера симильятивной множественности в иронском диалекте осетинского языка	91
<i>Т. Б. Казакова</i> (Москва) Биноминативная конструкция в амгуэмском чукотском: комитативы и не только	95
<i>И. В. Калякин</i> (Москва) Антипассивная конструкция в муиринском даргинском	99
<i>Э. К. Кожевникова</i> (Москва) Конструкции вторичной предикации в татышлинском говоре удмуртского языка.....	103
<i>М. Р. Копосова</i> (Санкт-Петербург) К прототипу интонационного подъема в русском языке.....	107
<i>А. И. Крюкова</i> (Москва) DOM в татышлинском удмуртском: дискурсивные факторы....	110
<i>А. А. Куликова</i> (Москва) В поисках лесного ненецкого перфекта	114
<i>К. М. Лапина</i> (Москва) Пропритивные и привативные аффиксы в уральских языках..	118
<i>В. В. Маринина</i> (Москва) Плюракционально-реципрокальная и другая полисемия: к описанию чукотского суффикса <i>-sit</i>	121
<i>М. Г. Меленченко</i> (Москва) К проблеме взаимодействия мративности и аспекта	125
<i>А. М. Миньковская</i> (Москва) Глаголы семантического поля падения в древнееврейском языке в типологическом освещении: прямые и переносные значения	129

<i>А. Г. Монастырская</i> (Санкт-Петербург) Полисемия комитативной конструкции в урмийском новоарамейском.....	133
<i>П. В. Падалка</i> (Москва) Морфологический статус некоторых шугнанских послелогов с прототипически падежным значением и ареальная внутригенетическая типология	136
<i>Д. Ю. Писаренко</i> (Москва) Неопределенные местоимения в лесном ненецком языке.....	140
<i>И. С. Политова</i> (Москва) Подъем клитик во французском языке.....	145
<i>Е. Е. Полякова</i> (Москва) Эти слова принадлежат не тебе: особенности использования клитики <i>ʃla</i> в собственно хваршинском	150
<i>П. О. Россяйкин, И. А. Хомченкова</i> (Москва) Скалярность, аддитивность и свободный выбор.....	154
<i>А. М. Руднева</i> (Москва) Позиции нефинитной релятивизации в татышлинском удмуртском	158
<i>А. А. Русских</i> (Москва) Аддитивная частица = <i>lo</i> в зиловском андийском: к вопросу о комбинации аддитивной частицы с другими показателями.....	162
<i>Ф. А. Садковский, Е. Н. Гогуга</i> (Москва) Интервокальное выпадение заднеязычной фонемы с последующим стяжением гласных в терском диалекте кумыкского языка.....	166
<i>Ф. А. Садковский, П. О. Россяйкин, В. А. Борисова, П. А. Пилипец, А. В. Прокопьева, В. А. Яровая</i> (Москва) Фонетические процессы с фонемой / <i>n</i> / в терском диалекте кумыкского языка: ассимиляция или удаление?	170

<i>Г. О. Сибилев</i> (Москва) Особенности средств выражения локутивной модальности в хваршинском языке	174
<i>Д. С. Сидоркина</i> (Москва) Мы или не мы: о семантической природе лесноненецкого эвиденциального показателя <i>-тæ</i>	178
<i>Т. В. Симонова</i> (Москва) К типологии эхо-вопросов	182
<i>Ю. В. Сеницына</i> (Москва) Сравнительная конструкция с глаголом <i>кæнын</i> 'делать' в осетинском языке	185
<i>Ю. В. Сеницына, Д. Д. Мордашова, М.-Э. А. Винклер</i> (Москва) Модели полисемии сравнительного маркера <i>kad'</i> в татыштинском говоре удмуртского языка	189
<i>Ф. А. Тучак</i> (Москва) Больше не «больше не»: фазовая полярность в михайловском людиковском	193
<i>Т. Е. Тыщишина</i> (Москва) Дискурсивное употребление посессивного показателя 3SG в татыштинском удмуртском	197
<i>Д. Г. Фёдоров</i> (Москва) Целевая конструкция «глагол-инфинитив-объект» (<i>V Inf Obj</i>) в русском языке	201
<i>И. А. Хомченкова</i> (Москва) Соединение именных групп в джалганском татском	205
<i>А. Шалдов</i> (Москва) Определенные неиндивиды в латышском языке	209
<i>Е. А. Шепель</i> (Москва) Реализация гласного шва в зависимости от гармонии слова в чукотском языке	213

<i>Н. А. Юрчук</i> (Москва) Есть контакт: семантика локализации CONT в собственно хваршинском диалекте хваршинского языка.....	217
<i>Г. Н. Якимов</i> (Москва) Нулевое маркирование пространственных отношений в северо-восточных новоярамейских.....	221
<i>Б. М. Якубсон</i> (Москва) О системе вертикального пространственного дейксиса (категории elevation) в шугнанском языке	225
<i>Pavel Astafiev</i> (Moscow) Encoding (in)definiteness and partitive specificity in Abaza	228
<i>Pavel Belov, Alexandra Shikunova</i> (Moscow) Forest Nenets vowel alternations and licensing of final nuclei	232
<i>Daniar Kasenov</i> (Moscow) Morphosyntax of politeness and indexical shift: evidence from Terek Kumyk.....	236
<i>Daniar Kasenov, Daria Paramonova</i> (Moscow) Inferential evidentials and conjectural questions: support from Terek Kumyk	239
<i>Maria Kosheleva</i> (Moscow) The Kildin Saami Present Perfect as a jack of all trades	243
<i>Natalia Logvinova</i> (Saint Petersburg, Moscow) Towards a functional quantitative account of concord variation in Russian close appositional constructions	246
<i>Yury Makarov</i> (Moscow, Cambridge) Vowel lowering in final position and phonological strength: evidence for the sonority-based approach	250
<i>Vsevolod Masliukov</i> (Moscow) Not your typical progressive: semantics of the Forest Nenets suffix <i>-(m)p'o-</i>	254
<i>Daria Saparova</i> (Saint Petersburg) Non-verbal predication in the languages of Mainland Southeast Asia.....	258

<i>Alexander Sergienko</i> (Paris)	
Prefixes and suffixes in nanosyntax: a challenge from Shughni demonstratives.....	262
<i>Alexandra Shikunova</i> (Moscow)	
Laryngeal contrast in L2 Russian of Forest Nenets speakers	268

Научное издание

ДВАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТИПОЛОГИИ
И ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов

Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2023 г.

Подписано в печать 09.11.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 16,16.

Тираж 300 экз. Заказ № 1118.